

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Лозинский Николай Николаевич

РАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель

Ореховская Наталья Анатольевна,
доктор философских наук, профессор

Москва – 2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Евразийская интеграция как объект социально-философского исследования.....	16
1.1 Понятие евразийской интеграции в концептуальном пространстве обществознания.....	16
1.2 Генезис и эволюция евразийской философии.....	41
1.3 Новейшие версии идеи евразийства.....	64
Глава 2 Евразийская интеграция XXI века: от теории к практике	88
2.1 Логика и прагматика евразийской интеграции.....	88
2.2 Евразийская интеграция в системе российского национального целеполагания.....	108
2.3 Ценности, смыслы и социальные технологии евразийской интеграции	129
Заключение	152
Список литературы	157

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена общественной значимостью процесса евразийской интеграции для настоящего и будущего нашей страны. Скорость, с которой происходят изменения во внешнеполитическом и геостратегическом положении России, ее внутренней жизни и поисках собственной идентичности, лишь подчеркивает судьбоносный характер перемен, свидетелями которых мы все являемся. Но как бы быстро ни менялась обстановка в стране и мире, евразийская интеграция была и остается приоритетным направлением развития российского общества, его социальных структур и институтов.

Особенно важно подчеркнуть, что движение к созданию единого политического, правового, экономического, информационного и социокультурного пространств евразийского континента имеет под собой не только рационально-прагматические, но и экзистенциально-ценностные основания. Евразийская интеграция выступает как одно из важнейших средств для защиты традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, включенной Указом Президента Российской Федерации в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») и утвержденной в качестве основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»).

Тематика и проблематика евразийской интеграции является одной из самых актуальных в российском общественном сознании. Сразу же после провозглашения курса Российской Федерации на укрепление связей со странами бывшего СССР, а также государствами Юго-Восточной Азии и

Ближнего Востока (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации») в этом направлении исследований были сконцентрированы немалые научные, аналитические и экспертные ресурсы, возникли научно-исследовательские центры и специализированные периодические издания, были подготовлены и защищены диссертации, проведены конференции разного уровня как в нашей стране, так и в других странах-участницах интеграционного процесса.

Для объяснения современного состояния в данной области и построения прогноза на будущее, а также планирования и моделирования ожидаемых событий были объединены усилия представителей социальных и гуманитарных наук самых разных направлений, главными среди которых были политология, социология, юриспруденция, культурология, этнология, экономика и экономическая география. С самого начала в работе исследователей и экспертов остро встала проблема междисциплинарных барьеров и дифференциации научного знания, решение которой невозможно без привлечения средств и методов социальной философии. Вот почему можно утверждать, что социально-философское осмысление рациональных и ценностных оснований евразийской интеграции приобретает в современных условиях не только теоретико-академическую, но и социально-практическую актуальность.

Степень разработанности темы исследования. Теоретические и методологические проблемы исследования интеграционных процессов средствами социологии и политологии в контексте теории современности представлены в работах Р. Мертон, Т. Педерсена, У. Росту, М. Вебера, Д. Белла, М. Кастельса, Ж. Бодрийяра, М. Маяцкого, В.Г. Федотовой, Р. Робертсона, С. Хантингтона, Ф. Фукуямы.

Ю.Ю. Кофнер и И.Ж. Искаков разрабатывают теорию евразийской интеграции как междисциплинарную теоретическую конструкцию. Темы регионализации, гибридизации и этнизации интеграционных процессов в

современном мире подняты в работах российских исследователей М.А. Аствацатуровой, У.Б. Бойматова, Д.В. Сухарева, М.Н. Фоминой, О.А. Борисенко, Т.В. Бернюкевич, Н.С. Кондаковой, Т.А. Овсянниковой, а также китайского исследователя Синь Лицзюань.

Для аутентичного понимания истоков и смысла евразийской философии наиболее ценными представляются труды его основоположников и идейных предшественников А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского, Г.В. Флоровского, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексева, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина. Крайне важный момент уникальности евразийской мысли, связанный с отрицанием противопоставления природы и общества, может быть реконструирован в работах Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, В.И. Вернадского. Эта идея имела особое значение для формирования неоевразийства, связанного с именем Л.Н. Гумилева. Критик первой волны евразийства Н.А. Бердяев в своей работе о природе русского коммунизма также сыграл важную роль в становлении этой линии актуальной неоевразийской философии.

При реконструкции истоков и смысла евразийства неоценимую помощь оказывают работы современных исследователей, изучающих как самих евразийцев, так и их предшественников. Это делает необходимым обращение к работам С.Г. Семеновой, Р.С. Гранина, М. Раева, Г.С. Померанца, Б.В. Назмутдинова, В.Ю. Ермолаева, Л.В. Фесенковой, С.М. Широкогорова, Р.Г. Сайфуллина, П.В. Зарифуллина.

Отдельно можно отметить работы Д.И. Кузнецова и Н.Н. Лавриновой, в которых проводится исследование категории «месторазвитие», включенной в концептуальное пространство евразийской философии, а также исследование Н.В. Брусенцовым концепции «культуролчности» в евразийстве первой волны. Разработкой неоевразийства сегодня занимаются автор его политической версии А.Г. Дугин и создатель культурологической интерпретации А.В. Смирнов.

Н.В. Дьяков изучил практики применения методов социальной инженерии в социальных сетях. Х.С. Вильданов и М.Р. Усманов подвергли анализу особенности социального инжиниринга в управлении социальными процессами в многонациональном и поликультурном обществе. Описание П. Кэрролл-Берком социального инжиниринга, примененного при строительстве ирландской государственности, позволяет рассмотреть возможности и границы технологического подхода к социальной интеграции.

В.В. Дюкарев, Р.А. Курбанов, Е.В. Мигачева, Т.Я. Хабриева, В.Л. Толстых исследовали конституции стран Азии и иные аспекты формирования евразийского правового пространства. Вопросы стратегии и целеполагания России в контексте евразийской интеграции анализируются в работах И.А. Ветренко, Д.А. Кабаева, М.Д. Валовой, В.И. Герасимова и других. Понятие и теорию социальной интеграции как социального процесса исследовала Л.В. Константинова.

А.Д. Харичев, А.Ю. Шутов, А.В. Полосин и Е.Н. Соколова предприняли попытку реконструкции системы базовых ценностей россиян на основе структурной и факторной ее операционализации. Полученные ими результаты позволили подвести определенный итог многолетнего социологического и культурологического изучения социальных установок, жизненных стратегий, символов и мифов, что позволило им выйти на уровень коллективного бессознательного в общественном сознании российского общества. Б.В. Межуев исследовал понятие «национальный интерес», обращаясь к опыту дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века.

Моделирование процессов адаптации в условиях интеграции опирается на исследования, проведенные К.В. Аршиным, У.Ф. Огборном, Э.В. Стоунквистом, А.В. Якубом, Н.А. Щитовым, В.С. Белозёровым, П.М. Поляном, И.Н. Тикуновым О.В. Катаевым, Т.А. Рассадиной, В.Г. Федотовой, О.Г. Леоновой.

Вопросы соотношения ценностей и политики обсуждались в публикациях С.Г. Кара-Мурзы, А.Н. Клепача, А.Б. Звездовой, В.В. Килина,

В.М. Кулькова, Л.С. Перепелкина, Н.В. Новичкова. Важнейшие аспекты социальных практик евразийской интеграции подняты в трудах Джалал Мир Абдул Каюма, Л.М. Борща, С.С. Серебренникова, В.А. Колосова, А.А. Ананьева, С.С. Утиновой, Е.Е. Головиной, С.В. Рекеды.

Основная **цель исследования** состоит в экспликации рациональных и ценностных оснований евразийской интеграции.

Задачи исследования:

- исследовать теоретические концепции и методологические приемы, применяемые в ходе анализа процесса евразийской интеграции и проектирования инструментов, сопровождающих этот процесс;
- эксплицировать специфику евразийской философии как духовного основания евразийской интеграции;
- рассмотреть основное содержание и социально-конструктивный потенциал неоевразийства;
- выявить сущность и институционализированные формы евразийской интеграции как социального процесса;
- определить место и роль евразийской интеграции в структуре национального целеполагания Российской Федерации;
- установить ценностно-экзистенциальные основания евразийской интеграции в системе национального архетипа коллективного бессознательного.

Объектом исследования является евразийская интеграция как социальный процесс.

Предметом исследования являются типы соответствия причинного комплекса и системы целеполагания, а также модели взаимодействия институционального и ценностного уровней евразийской интеграции.

Область исследования диссертации соответствует п. 24. «Социальные трансформации в современном мире» Паспорта научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- раскрыто понятие евразийской интеграции в концептуальном пространстве обществознания. Впервые этот процесс рассматривается как социальный, хотя в литературе его чаще всего представляют как экономический, политический или геополитический (С. 14-22; 24-31; 30-31; 89);
- доказана уникальность евразийской философии в формировании философской картины мира, которая основывается на философии космизма и философии всеединства. В отличие от европейской философской картины мира, где общество, культура и человек отделяются от природы и, в конечном итоге, противопоставляются природе (С. 51-57; 59; 65-68; 73; 75-77; 80);
- представлена авторская социально-политическая доктрина неоевразийцев, которая в отличие от социалистических и неолиберальных философских доктрин базируется не на идеологии, а напрямую апеллирует к проектной онтологии, вытекающей из евразийского понимания мира как Космоса (С. 82-85; 88-90; 92; 94-95; 97; 98-99; 101-102);
- определен авторский подход к применению социальных технологий в развитии евразийской интеграции. Особенность подхода состоит в том, что социальное прогнозирование и социальное планирование выступают как проектные средства социальных технологий (С. 102-107; 110-112; 114; 118-121; 123; 125);
- впервые евразийский проект рассмотрен как экзистенциальный, фундаментом которого является система идеалов и ценностей, общих для стран-участниц евразийской интеграции (С. 125; 128; 133-135; 139; 142-144; 146-147; 149).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что удалось верифицировать на конкретном социально-историческом и концептуально-философском материале гипотезу корреляции между формированием единого социального пространства и ценностной эволюцией евразийской интеграции. Данная гипотеза подтверждается созданием общего

рынка труда и сохранением социокультурных связей, согласование образовательных стандартов и развитием русского языка как языка межнационального общения. Проведенный в работе анализ нынешнего состояния теоретического знания может быть использован для расширения концептуального и методологического арсенала органов власти всех уровней. Результаты исследования позволяют усилить системный характер разработки программ евразийской интеграции в области политики и права, экономики и управления. Ключевым документом здесь является Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь».

Полученные в ходе работы над диссертацией выводы могут быть представлены в качестве социально-философских оснований дальнейших исследований особенностей всех типов интеграций.

Практическая значимость работы состоит в обобщении новейших результатов междисциплинарных исследований евразийской интеграции, а также в экспликации места и роли евразийской интеграции в системе национального целеполагания Российской Федерации. Особая практическая важность исследования заключена в рассмотрении социокультурных оснований евразийской интеграции, способствующих повышению уровня жизни всех стран участниц данного процесса. Анализ экономического потенциала сторон интеграции как основы повышения экономической эффективности процесса представляется важным для формирования мировоззрения граждан государств-членов евразийской интеграции, основанного не только на осознании сопричастности к экономическому развитию своей страны, но и на укреплении общих традиционных ценностей.

Выводы и идеи исследования могут выступать как теоретическая основа изучения проблематики интеграционных процессов не только с точки зрения социальной философии, но также и других смежных наук.

Рекомендации могут быть реализованы на государственном (в рамках национальных проектов), общественном (популяризация сознательности жизнедеятельности различных социумов с едиными ценностными основаниями) и личностном (повышение заинтересованности каждого гражданина в плавном ходе неизбежных интеграционных процессов евразийского континента) уровнях. Они обеспечивают институциональное развитие, выражающееся в создании наднациональных органов управления, формировании единых стандартов в социальной сфере, разработке совместных программ в сфере образования и здравоохранения.

Рекомендации практического характера являются полезными в учебном процессе при проведении занятий с учащимися школ, со слушателями и студентами колледжей, училищ, вузов по дисциплинам социально-гуманитарного направления с целью изучения неизбежных процессов евроинтеграции, проходящих в настоящий период на континенте, проблем, связанных с этими процессами, а также с целью заинтересовать обучающихся необходимостью собственного и общественного развития; для разработки учебно-методических пособий, учебников, монографий; в проведении научных конференций вузовского и межвузовского уровня, научных семинаров и дискуссий по вопросам социокультурных оснований налоговой политики государства.

Методология и методы исследования. Методологический инструментарий, задействованный в ходе исследования, включает в себя фундаментальные принципы научного исследования, сформированные в рамках социальной философии, политической философии, философии экономики и управления, философской антропологии и философии культуры. В качестве концептуальной схемы исследования взяты основные положения философских теорий, созданных в рамках цивилизационного и системного подходов. В качестве вспомогательной методологии в ходе анализа таких элементов, как евразийство и неоевразийство были востребованы способы и инструменты социальной феноменологии, позволяющей выявлять смысл

социально значимых ценностей. При изучении евразийской интеграции как реального социального процесса использовались средства и методы социальных наук, такие как общая теория систем, структурный функционализм, понимающая социология, концепция больших вызовов.

В ходе исследования евразийской интеграции использовались методы анализа и синтеза, формализации и конкретизации, редукции, индуктивно-дедуктивный метод. Инструментарий диссертационного исследования включает в себя оценочный анализ, примененный для измерения степени соответствия институциональных и ценностных преобразований, а также метод исторической аналогии. Исследование евразийской интеграции с позиций цивилизационного подхода позволяет не только объяснять возможности и границы управляемости интеграционным процессом, но и определить потенциал применения социальных технологий как для содействия, так и для противодействия интеграционным изменениям.

Практические выводы диссертационного исследования построены путем комбинации дистинктивно-дескриптивного и экспертно-аналитического материала.

Положения, выносимые на защиту:

– изначально при разработке политических программ и экономических проектов, а также нормативно-правовой базы евразийской интеграции, социальной и культурной интеграции отводилась вспомогательная и даже второстепенная роль. Но по мере реализации программ и проектов становилось все более очевидной недостаточность нормотворчества и администрирования – эффективность интеграционных усилий оказалась прямо пропорциональна роли культурной и ценностной интеграции в этом процессе (С. 14-22; 24-31);

– уникальность евразийской философии в преодолении европейской философской картины мира, где общество, культура и человек отделяются от природы и, в конечном итоге, противопоставляется природе. В отличие от европейцев, чье мышление находится в рамках картезианской парадигмы,

евразийцы восстановили утраченное единство мира благодаря философии космизма и близких ей религиозно-философских концепций, таких как философия всеединства, философия имени и другие (С. 51-57; 59);

- социально-политическая доктрина неоевразийцев в отличие от социалистических и неолиберальных философских доктрин базируется не на идеологии, а напрямую апеллирует к проектной онтологии, вытекающей из евразийского понимания мира как Космоса. Данная онтология строится по принципу всеединства, а ее социальная составляющая – по принципу всечеловеческого. В ее основе не лежит отрицание европоцентризма или принципа общечеловеческих ценностей, потому что она возникла в процессе философского осмысления коллективного опыта, объединяющего различные этносы, конфессии и цивилизации евразийского континента (С. 82-85; 88-90);

- исследования философии евразийцев, а также обращение к архетипам коллективного бессознательного позволили увидеть в культурной интеграции средство для решения стратегических задач, вытекающих из глубинного целеполагания стран-участниц евразийской интеграции (С. 102-107; 110-112);

- помимо того, в осуществлении евразийской интеграции важную роль играет успешность разработки и применения социальных технологий и социального инжиниринга, средства и методы которых позволяют совершенствовать институты и ценности трансформирующегося социума. При этом социальное прогнозирование и социальное планирование выступают как проектные средства социальных технологий, но лишь сочетание политического и правового регулирования, администрирования и культурной эволюции может создать прочный фундамент для устойчивого развития евразийского политического, правового, экономического и информационного пространства (С. 125; 128; 133-135);

- евразийский проект, первоначально представлявшийся специалистам и элитам стран-участниц как политический или экономический, в действительности оказался экзистенциальным. Фундаментом евразийской

интеграции является система идеалов и ценностей, сохранение которых оказывается главной стратегией, основанной на идентичности, архетипах коллективного бессознательного, глубинных ценностях и смыслах существования общих для стран-участниц евразийской интеграции (С. 142-144; 146-147).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждается тщательным анализом научной литературы и учетом результатов исследований российских и зарубежных ученых, использованием официальной и статистической информации и актуальных методов исследования, апробированных методических подходов, адекватных цели и задачам исследования, апробацией в рецензируемых научных изданиях и обсуждением основных результатов на международных научно-практических конференциях, а также применением отдельных предложений в практической деятельности городской администрации.

Основные положения и результаты исследования были рассмотрены и одобрены на следующих научных конференциях: на 15-й Международной научно-практической конференции «Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты» (г. Курск, Курская региональная общественная организация Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России», Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский институт, 20 ноября 2025 г.); на 15-й Международной научно-практической конференции «Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика» (г. Курск, Финансовый университет, Курская региональная общественная организация Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России», 28 ноября 2025 г.); на 10-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых «Наука молодых – будущее России» (г. Курск, Курская региональная общественная организация Общероссийской общественной

организации «Вольное экономическое общество России», Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский институт, Совет молодых ученых и специалистов Курской области, 16 декабря 2025 г.).

Материалы диссертации используются в практической деятельности Администрации Шахтерского муниципального округа Донецкой Народной Республики, а именно: при планировании социальной политики применяются средства и методы, которые позволяют совершенствовать институты и ценности трансформирующегося социума. По материалам исследования внедрены в практическую работу результаты проведенного анализа экономического потенциала интеграции новых регионов в состав Российской Федерации как основы повышения экономической эффективности, основанной не только на осознании причастности к экономическому развитию страны, но и на укреплении традиционных ценностей.

Материалы диссертации были использованы кафедрой философии и социологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Юго-Западный государственный университет», в частности внедрены в учебный процесс при изучении студентами факультета экономики и управления направления подготовки 39.03.01 «Социология» профиль «Экономическая социология» дисциплины «Социология международных отношений», в частности использовалась описанная в диссертации модель верификации на конкретном социально-историческом и концептуально-философском материале гипотезы соответствия социальных трансформаций и ценностной эволюции евразийской интеграции, которая базируется на типологии целей, средств и интересов международных отношений, позволяющая существенно улучшить социально-философский анализ современных интеграционных процессов.

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Наиболее существенные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 7 публикациях общим

объемом 3,38 п.л. (весь объем авторский), в том числе 4 работы авторским объемом 2,2 п.л. опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 183 наименования. Текст диссертации изложен на 177 страницах.

Глава 1

Евразийская интеграция

как объект социально-философского исследования

1.1 Понятие евразийской интеграции в концептуальном пространстве общественности

Общим местом стала констатация обстоятельства, согласно которому развитие России обусловлено такими важными факторами, как ее размеры и географическое положение. Вот уже более пяти столетий российское государство занимает значительную территорию как европейского, так и азиатского континентов, являясь крупнейшей страной мира. При этом в ее политике периодически чередуются периоды активного и дружелюбного взаимодействия с европейскими странами и периоды их противостояния. Как подчеркивает И.А. Ветренко, евразийская интеграция является стратегическим выбором России, то есть ответом на глобальный вызов XXI века [21].

Под евразийской интеграцией чаще всего понимается процесс воссоздания прежних экономических связей, которые существовали между бывшими республиками СССР до его распада и были разорваны в процессе образования независимых государств. Причиной этого разрыва явилась не только политическая суверенизация отдельных частей некогда единого государственного образования, но и совершаемый ими вынужденный переход от плановой советской экономики к рыночным моделям хозяйствования. Драматизм произошедшего разрушения, несомненно, был усугублен множеством политических и даже военных конфликтов. Результатом распада Советского Союза явилось разрушение складывавшегося столетиями общего политико-информационного, административно-правового, хозяйственно-экономического и социокультурного пространства, что

позволило квалифицировать это событие как величайшую геополитическую катастрофу прошлого века.

Девяностые годы двадцатого столетия – время радиальных изменений всемирного масштаба, когда на смену противостоянию капиталистической и социалистической систем пришла глобализация информационных, политических, экономических и культурных систем. В этих условиях особое значение приобрели обусловленные новой ситуацией разнообразные интеграционные процессы, приводящие к возникновению новых центров силы и межрегиональных коалиций. Одним из таких процессов, несомненно, явилась евразийская интеграция, первоначально представлявшаяся процессом сугубо экономическим. «В общемировом историческом контексте экономическая интеграция на евразийском пространстве, – отмечает Д.А. Кабаев, – это логичный и закономерный процесс. В условиях глобализации и усиления конкуренции во всем мире наблюдается устойчивая тенденция к возникновению и укреплению региональных экономических объединений. С учетом сохраняющихся кризисных явлений в мировой финансово-экономической системе интеграционные процессы приобретают еще большую актуальность и значимость. Объединенные общими интересами и задачами группы государств более успешно действуют в глобальной экономике, получая реальные конкурентные преимущества» [58].

Прошло совсем немного времени и к экономическому измерению евразийской интеграции добавилось политическое, а затем и геополитическое. Только тогда в полной мере были осознаны глобальные последствия этого процесса, затрагивающие не только политику и экономику, не только институты и государственное целеполагание, но и всю систему ценностей, весь духовный мир российского социума. Евразийская интеграция предстала событием, имеющим поистине судьбоносное значение для нашей страны, евразийского континента, да и для всего остального мира.

Разумеется, экономическая интеграция не может осуществляться в отрыве от интенсификации политического взаимодействия и культурного

сближения, которые становятся естественными спутниками этого процесса, если не его драйверами. Но при этом само понятие евразийской интеграции значительно шире, ибо все страны Евразии в эпоху глобализации буквально подталкиваются к взаимной интеграции их хозяйственно-экономических комплексов. Но последнее невозможно ни без политической поддержки правительств этих стран, ни без расширения и углубления процессов межкультурного диалога, направленного на взаимное обогащение всех участвующих в данном диалоге культур и целых цивилизаций.

Для того чтобы понять логику евразийской интеграции как сложного и многомерного процесса, необходимо обратиться к многотысячелетней истории континента, разобрать наиболее значимые ее эпизоды, имеющие самое непосредственное отношение к формированию целого ряда мировых цивилизаций. Это позволит не только реконструировать не только политический или экономический фон представленного вектора национального развития, но и его ценностное значение для будущего всего российского социума. Определение места и роли евразийской интеграции в национальной системе ценностей необходимо является важной составляющей формирования структуры и содержания национального целеполагания. Без преувеличения можно утверждать, что идея евразийской интеграции сегодня претендует на роль русской идеи в том самом смысле, в котором понимали этот термин В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и другие представители русской философской мысли второй половины XIX и начала XX веков.

Социально-философскому осмыслению феномена и сущности евразийской интеграции, его процессуальной и системной граней должно предшествовать рассмотрение на общенаучном и частнонаучном уровнях. Необходимым условием успешности данного исследования представляется выбор и обоснование соответствующей теоретико-методологической основы, что предполагает сравнительное рассмотрение господствующих в политических, экономических, социологических и культурологических науках теоретических концепций и методологических программ.

Определение специфики евразийской интеграции как социального, политического, экономического и культурного процесса, а также его комплексное изучение по определению носит междисциплинарный характер и не может игнорировать современное понимание методологии исследования сложных явления, систем и процессов.

Изучение евразийской интеграции в последнее десятилетие было довольно интенсивным, хотя и носило преимущественно дисциплинарный характер, что не предполагало выход за рамки частнонаучного уровня научной методологии. И хотя обобщения содержали в себе апелляции к работам из смежных отраслей, сам характер анализа и его качество, как правило, оставались ограничены рамками отдельных социальных и гуманитарных наук. Учитывая вышесказанное, говорить о единой теории и методологии, соединяющей познавательные возможности политических, экономических и социальных наук с науками о человеке и культуре пока преждевременно. Даже в рамках названных областей теоретического знания, таких как теоретическая политология, экономическая теория или теория культуры, еще не сложилось единой теории интеграции. «Между теориями политической интеграции, – замечает М.Д. Валовая, – есть много общего. Почти во всех теориях ставится задача понять процессы интеграции, обусловить конечный результат интеграционных процессов, обосновать перспективы и пути дальнейшего развития. Многие теории затрагивают вопросы распределения властных полномочий между национальными и надгосударственными уровнями, порой ставя дихотомические вопросы создания наднационального образования или сохранения традиционной межгосударственной структуры» [16]. Но при всем их сходстве, продолжает М.Д. Валовая, эти теории весьма существенно расходятся в определении таких фундаментальных вопросов, как вопросы о сущности интеграции и о механизмах ее реализации. Это обстоятельство заставляет исследователей обратиться за неимением лучшего к теории федерализма, которая создана и используется для изучения иных сфер политики и права, нежели сфера политической интеграции.

Поскольку нет единой теории, ее роль для разработчиков стратегии и политики в силу необходимости выполняют локальные концепции, основанные прежде всего на экономической теоретико-методологической основе. К числу таковых относится концепция разноскоростной интеграции. «К середине 90-х годов была разработана и начала реализовываться концепция “разноскоростной интеграции”, в соответствии с которой каждый из этапов интеграции (зона свободной торговли, Таможенный союз и так далее) первоначально охватит лишь несколько наиболее подготовленных стран Содружества, к которым постепенно, по мере готовности будут подключаться и другие» [16]. В качестве примера такой разноскоростной интеграции автор приводит Евроазиатский экономический союз (ЕвроАзЭС). Эта международная организация объединила государства, правительство которых проводило соответствующую экономическую политику и которые были внутренне готовы к созданию Таможенного союза. Их оказалось всего три – Россия, Беларусь и Казахстан – что и позволило создать ядро интеграционного объединения.

Не все исследователи задаются вопросом о последствиях отсутствия единой теории или парадигмы, в рамках которой велось бы междисциплинарное изучение процесса евразийской интеграции, а также политического, экономического или социокультурного проектирования отдельных его элементов. А между тем, процесс евразийской интеграции не относится к разряду природных явлений – он представляет собой результат соединения стремлений стран и регионов, этноконфессиональных групп и целых народов, политических и хозяйствующих субъектов. В таких процессах успех зависит от желания и способности управленческих структур разного уровня к проведению эффективной и взаимосогласованной политики, включающей разработку и реализацию соответствующих программ, и применение технологий прогнозирования, планирования и проектирования социальных систем. А это в еще большей степени актуализирует проблему разработки единой интеграционной теории и соответствующей методологии,

необходимой не только для удовлетворения академического интереса, но и для того, чтобы поставить управленческую и проектную деятельность на надежную научную основу.

Несостоятельность названного набора методологий стала видна по мере реализации интеграционных программ на региональном уровне, которые стали оцениваться экспертами не как ускоряющие, а, скорее, как тормозящие процесс факторы. Последнее неудивительно – ведь данные теории можно отнести скорее к разряду философских концепций, чем назвать обычными научными теориями среднего ранга. Между тем, сам факт их упоминания в триедином перечне свидетельствует именно о таком к ним отношении – теории среднего ранга, согласно теоретико-методологическим разъяснениям Р. Мертона, представляют собой средство соединения частных рабочих гипотез с базовыми концептуализациями в единые концептуально-методологические схемы [92].

Один из вариантов общей теории евразийской интеграции, если судить по названию публикации, представлен руководителем Евразийского сектора Центра комплексных европейских и международных исследований при НИУ ВШЭ Ю.Ю. Кофнером. То, что он называет в заголовке общей теорией, в действительности представляет собой, по словам самого автора, всего лишь «набор теоретических инструментов» для осмысления евразийской интеграции и описания ее особенностей. Одним из таких инструментов Ю.Ю. Кофнер называет теорию скрепляющей интеграции, предложенную А. Либманом и Е. Винокуровым. Согласно данной теории, «скрепляющая интеграция – это региональная интеграция, инициированная группой стран, которые до недавнего времени входили в единое государство или колониальную империю, и, которые поддерживают высокий уровень экономических, политических и культурных связей» [78].

Ценность скрепляющей интеграции данные теоретики увидели в том, что она способна поддерживать экономики новых независимых государств на определенном уровне, сглаживая болезненные последствия разрывов

многолетних межрегиональных связей. Кроме того, интеграция такого типа способна, по мнению А. Либмана и Е. Винокурова, стать началом реинтеграции на основе новых принципов, в частности принципов рыночной, а не плановой экономики. Следуя логике авторов, в самой идее скрепляющей интеграции можно увидеть не только прагматические мотивы, и влияние соображений внеэкономического характера.

Еще один источник упоминается Ю.Ю. Кофнером. Речь идет о статье Томаса Педерсена, посвященной феномену кооперативной гегемонии. Суть рассматриваемого явления в том, что региональная интеграция всегда объединяет страны с неодинаковым уровнем экономического развития, неодинаковыми людскими и иными ресурсами, что не позволяет в полной мере реализовать принцип равноправия участников. Поэтому одна или несколько держав способны при помощи разнообразных инструментов, таких как долгосрочные договоры и соглашения о сотрудничестве, имеющие стратегический характер, контролировать деятельность своих «младших» партнеров. Лояльность здесь обменивается на некие преференции, которые региональный лидер предлагает взамен на самоограничения в политике и экономике со стороны остальных участников интеграции. Альтернативой кооперативной гегемонии Т. Педерсен называет обыкновенную гегемонию, основанную на угрозе применения грубой силы, имперский вариант интеграции и силовой дирижизм.

Рассмотрение теории кооперативной гегемонии в приводимом источнике носит концептуально-теоретический характер. Т. Педерсен отмечает трудности, с которыми сталкиваются реалисты при объяснении любого регионализма. В особенности трудным представляется вопрос о том, почему крупные государства должны стремиться к региональной институционализации в условиях, когда их элиты не отличаются особым доверием друг к другу. Институты вообще играют второстепенную роль, считают реалисты. По сути, кооперативная гегемония представляет собой «мягкое правление», которое становится эффективным только в условиях

долгосрочной стратегии. «Теория кооперативной гегемонии, – пишет Т. Педерсен, – основана на идейно-институциональном реализме, а не на теории структурного реализма. Внимательно относясь к ограничениям, которые геополитика и международная система налагают на государства, он рассматривает идеи как важные факторы международных отношений, он предоставляет лидерам государств значительную свободу действий, когда дело доходит до разработки стратегий, и предполагает, что государства могут учиться и в процессе включать причинно-следственные идеи и принципиальные убеждения в пересмотренные государственные стратегии» [178]. И хотя она скорее свойственна крупным, но слабым в военном отношении державам, ее также могут проводить все без исключения регионально значимые политические игроки. «Три ключевые предпосылки для принятия стратегии кооперативной гегемонии – это способность к разделению власти по отношению к более мелким государствам в регионе, к объединению власти, со стороны преобладающего регионального государства (государств) и за приверженность долгосрочной стратегии региональной политики» [178].

Как видно из приведенных цитат, эта теория, как и первая, относится к разряду частнонаучных – ее дисциплинарно-методологическая принадлежность не позволяет ей объяснять явления социального или социокультурного свойства. И хотя концепции Р. Мертона уже более полувека, его критерии отлично объясняют уровень и свойства данного типа теоретического знания. Главное предназначение подобных теорий – объяснять векторы развития межгосударственных отношений в контексте экономического сотрудничества. Социальные и культурные изменения при этом фактически остаются «за кадром» подобного теоретизирования.

Между тем осознание потребности в единой теории и методологии исследования интеграционных процессов осознается и отмечается в специальной литературе. «Реальное состояние евразийской интеграции, – пишет М.Д. Валовая, – обусловило мнение учёных о потребности в

совершенствовании методологии изучения данного феномена. Ранее большинство исследователей (зарубежных и российских) практиковали три основные, несводимые друг к другу и конкурирующие методологические позиции в изучении евразийской экономической интеграции: теорию кризиса национального государства и его несостоятельности перед лицом глобализации, теорию глокализации и теорию “конфликта цивилизаций”» [56].

Из трех вышеназванных теорий лишь третью можно считать влиятельной философской и общенаучной теорией, то есть теорией, подходящей для междисциплинарного уровня обобщения и социально-философской рефлексии. Но при этом резонным следует признать вопрос о том, что все три данные теории – это теоретические конструкции, возникшие в рамках теории более высокого ранга – теории глобализации. Их возникновение было связано с общей попыткой объяснения процессов, происходящих в политике, экономике и социальной сфере, а также выделения основных факторов и тенденций последних десятилетий. И все эти теории скорее являются частнонаучными, чем междисциплинарными. Их междисциплинарность ограничивается способностью рассматривать в ходе экономического анализа влияние политических факторов, а в процессе политического – экономических. Поэтому, говоря о теории глобализации следует понимать под ней совокупность частнонаучных теорий, а не единую теорию, в которой можно было бы выделить философский, общенаучный и частнонаучный уровни.

Современная теория глобализации возникла в результате необходимости обобщения данных, собранных в ходе исследования социальных, политических и экономических изменений, которые вызвали глобальные перемены в миропорядке после Второй мировой войны. Эта глобализация не была первой, но и по своим масштабам, и по своему характеру она была достаточно новым с точки зрения социологических, политологических и экономических теорий, что и потребовало обновления.

Социологическая, политологическая и экономическая теории глобализации рождались параллельно с социологической, политологической и экономической теориями модернизации, что потребовало социально-философской теории модерна в качестве концептуальной и методологической основы названных частнонаучных теорий. В теориях модерна неизбежность глобализации обычно объяснялась как результат развития техники и технологии, что, с одной стороны, открыло перед человечеством новые возможности, а с другой – поставило политические и хозяйствующие субъекты перед необходимостью сделать этот процесс максимально контролируемым. Именно так для минимизации рисков и максимизации выгод строились и философские теории модерна, и отраслевые теории глобализации.

К числу социально-философских теорий модерна можно отнести и теорию капитализма К. Маркса, и концепцию социальной рационализации М. Вебера, и теорию индустриального общества У. Ростоу. Но действительно современными можно считать теоретические конструкции, возникшие более полувека назад в русле структурного функционализма Т. Парсонса теории модернизации. Их отнесение к числу современных связано с тем, что они возникли после Второй мировой войны и давали ответы на вопросы, обусловленные формированием нового мирового порядка, по крайней мере, в зоне исторической ответственности США. Страны социалистической ориентации руководствовались, как известно, иными теоретическими концепциями и вплоть до конца восьмидесятых годов XX века оставались скорее идеологически ангажированными критиками структурного функционализма, чем его оппонентами. Что позднее не помешало постсоветским теоретикам подключиться к ведущимся в мировой науке дискуссиям о модерне и модернизации.

За несколько десятилетий развития социально-философской теории модернизации понятие модерна получило самые разнообразные интерпретации. К числу наиболее известных теорий модерна, наряду с

учениями просветителей XVIII века и теориями перехода от капитализма к социализму XIX века, можно отнести более поздние концепции рационального общества М. Вебера и теорию стадий экономического роста У. Ростоу.

Теория стадий экономического роста У. Ростоу во многом повторяет разделение всех обществ на аграрные и индустриальные. При этом на первый план выходят такие основания для сравнения, как уровень развития техники и устройство хозяйства. Согласно этой теории, господство крупного промышленного производства способно формировать принципиально новые социальные и правовые институты, преобразовывать модели поведения индивидов и систему ценностей. Индустриальное общество является капиталистическим, тогда как аграрное – традиционным. Американский теоретик противопоставлял свою концепцию известной модели К. Маркса, в которой прогресс общества определялся формой собственности на средства производства. «Центральным явлением в жизни общества, – писал в ответ У. Ростоу, – в после-традиционный период, является не экономика, – будет ли она капиталистической или иной, – вся механика жизни общества, определяющая процедуру выбора решений. Теория стадий роста отвергает как неточную мысль Маркса, что решения общества есть просто выражение воли тех, в чьих руках находится собственность» [121].

Рассматриваемая концепция не лишена идеологической составляющей, которая при всем наукообразии изложения своего содержания, постоянно приводит в качестве сравнения те или иные постулаты марксизма. Именно этим объясняется и то обстоятельство, что теория стадий экономического роста была переведена на русский язык и издана американским издательством для распространения среди русскоязычных читателей. Можно сказать, что данная теория отражала представления американской элиты о различии между современными странами и странами, не достигшими состояния современности. К числу последних здесь причисляются страны, остающиеся аграрными (то есть традиционными), а также страны, ставшие на путь

социалистических преобразований. У. Ростоу критикует марксизм за предельное упрощение понятия человека и сведение всего многообразия социальной жизни лишь к ее экономической стороне. На самом же деле, утверждает американский теоретик, человек более сложен и среди его стремлений есть множество внеэкономических. Главными среди целей человека У. Ростоу называет, наряду с экономической выгодой, желание достичь «власти, досуга, приключений, развития своего опыта, уверенности в будущем», а также заботу о своей семье и поддержание традиций той культуры, к которой он принадлежит. Все это разнообразие целей и ценностей приводит в итоге к достижению равновесия в системе целеполагания, что и объясняет устройство современного, то есть индустриального общества [121].

Понятие традиционного общества выступает одним из центральных в теории модерна М. Вебера, но определяется оно в теории социальной рационализации в рамках иной концептуальной пары. Основоположник понимающей социологии противопоставляет традиционное общество не индустриальному, а рациональному. По мнению М. Вебера, главным отличием докапиталистических обществ от капиталистических является отсутствие формализованных отношений, которые и представляют собой высшую стадию социальной рационализации. Именно в формализации М. Вебер видит проявление рациональности самой по себе, то есть рациональности, превращенной из средства в цель.

Материальной рациональностью М. Вебер считает рациональность, необходимую для достижения каких-то значимых для индивида и общества целей, тогда как формальная рациональность ценится ради нее самой. Такая рациональность появляется не случайно – она есть результат длительного исторического развития, когда формальная рациональность становится идеалом для действия, характеризующего жизнедеятельность индивидов и социальных групп. Рождающаяся в процессе совершенствования управления хозяйством, этот вид социального действия – целерациональное действие – превращается в средство реорганизации мышления, поведения, образа жизни.

Рождение формальных организаций становится главной предпосылкой становления капитализма. «Современная рациональная организация капиталистического предприятия, – писал М. Вебер, – немыслима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике отделения предприятия от домашнего хозяйства и без тесно связанной с этим рациональной бухгалтерской отчетности» [17].

Таким образом, рационализация в концепции М. Вебера фактически означает формализацию социальных отношений – целенаправленная трансформация межиндивидуальных взаимодействий на основе стандартизированных и обезличенных образцов поведения. Первоначально сформировавшиеся в правоприменительных практиках европейских средневековых обществ, с наступлением эпохи капитализма были реализованы во всех без исключения организационных и социокультурных формах межиндивидуальных взаимодействий. Все последующие теории модерна опирались на две вышеизложенные модели, внося нечто новое относительно того, что считать главным социальным явлением современности.

Одно из наиболее популярных пониманий современности, характерных для второй половины XX и начала XXI веков дает теория постиндустриального общества Д. Белла, который был не только последователем идей У. Ростоу, но учеником последнего. Д. Белл сместил акцент со сферы производства на сферу потребления, показывая тем самым, что для современного капиталистического общества, его индустрии и экономики производитель оказался гораздо более зависимым от потребителя, чем это было прежде. Рост промышленного производства продолжался с самого своего рождения и отличался стабильностью и непрерывностью. Потребность в разнообразной продукции, выпускаемой на заводах и фабриках в XVIII и XIX веках, неуклонно росла вместе с ростом их производительности. Производственным комплексам индустриальных обществ требовалось все больше минеральных ресурсов, металла, машин, станков, оборудования,

товаров повседневного спроса, пока в первой половине XX века не грянул кризис перепроизводства, ставший естественной преградой промышленного производства.

Теории модернизации, при всем их многообразии, способствуют осознанию крайне важной мысли, смысл которой может быть выражен так: социальная интеграция лишь тогда оказывается результативной и успешной, когда она происходит в рамках модернизации и сама является составной частью этого процесса. Нередко в модернизации видят всего лишь техническую сторону, фактически идентифицируя модернизационные изменения с научно-техническим прогрессом, внедрением новых технологий, машин и механизмов. Между тем, овладение технологическими достижениями других обществ, сводящееся к простому заимствованию технических устройств, таит в себе немало опасностей для тех, кто получает в свои руки приспособления, не имея представления об условиях их производства. Первая из таких опасностей вполне очевидна – импорт техники и технологии приводит к хозяйственно-экономической, а значит и политической зависимости от импортера.

Один из эффектов глобализации и обусловленной глобализмом модернизации – деиндустриализация некогда центров индустриального производства. Казалось бы, этот эффект имеет отношение к экономике и технологии, но в действительности не менее важны социальные и культурные последствия: общество, заимствующее технологии, может отказаться не только от производства собственных аналогов, но и допустить деградацию производящих эти аналоги производств, а вместе с ними и соответствующие области социальной жизни. Если в обществе отсутствует потребность в производстве, то исчезает и спрос на обеспечивающие его формы образования. Все это оказывает самое непосредственное влияние на умы, формирует новое мировосприятие, трансформирует систему ценностей.

Говоря о ценностях деиндустриализирующихся обществ, самое время вспомнить, что философия и идеология общества потребления, которая

представляется многими как шаг вперед, может рассматриваться и как компенсационная. Морально-психологическая компенсация понадобилась тем, кто вынужденно расставался с сознанием, сформировавшимся в индустриальном обществе, а вместе с ним и идеалами Просвещения, культом науки и техники. «Политический дискурс новой единой Европы, – пишет М.А. Маяцкий, – собирается по прошлым рецептам: главными компонентами в них служат по-прежнему труд и капитал, которые в гармоничном алхимическом взаимодействии дадут в результате философский камень благоденствия. Рецепты разнятся, но всем им общо сокрытие одной страшной тайны, заключающейся в том, что Европа сместилась и продолжает смещаться на периферию мирового производства. Тайной для европейцев этот секрет Полишинеля смог оказаться только потому, что в течение нескольких веков они были избалованы центральным положением Европы, и не готовы теперь, на исходе этой эпохи, новую свою провинциальность – и себя как периферию – принять и помыслить» [90].

В приведенной выше цитате показаны последствия хозяйственно-экономической интеграции, являющейся следствием той самой глобализации, теория которой предлагается в качестве общенаучной. Главным следствием кризиса перепроизводства, называемого великой американской депрессией, стало рождение постиндустриального общества, главной задачей которого переход от экстенсивного развития производства к интенсивному. Производство товаров отошло на второй план, а на первый вышло производство услуг, а структура занятости трансформировалась в направлении новой «меритократии», что означает передачу реальной власти от владельцев средств производства профессиональным менеджерам и специалистам. Если в индустриальном обществе роль науки и техники была существенной, то в постиндустриальном обществе производство знания становится на поток в промышленных масштабах, а в сфере менеджмента возникает новая отрасль – управление знаниями. Особую роль приобретает сфера технологии и организация технологической экспертизы, а также

достижение качественно нового уровня в развитии управленческих, социальных и гуманитарных технологий [8].

Теорию постиндустриального общества нередко называют теорией информационного общества или теорией общества потребления. Все эти признаки нового типа общества были указаны самим Д. Беллом, но альтернативные концептуализации, такие как информационное общество и общество потребления, получили распространение благодаря таким авторам, как Р. Арон, А. Турен, М. Кастельс, Ж. Бодрийяр. Так, М. Кастельс обратил внимание на изменение типа деятельности в обществах разного типа: в доиндустриальном обществе люди взаимодействуют с природой. В индустриальном – с преобразованной природой, а в постиндустриальном – между собой. Согласно этой теории, изменяются и базовые технологии: от трудоемких в доиндустриальном обществе осуществляется переход к соответствующим индустриальному обществу капиталоемким технологиям, которые, в свою очередь, уступают место наукоемким технологиям постиндустриального общества. Каждому типу общества соответствует вид основного производственного ресурса: сырье, энергия и информация. И у каждого типа общества находится свой особый базовый тип производственной деятельности: в доиндустриальных обществах это добыча, в индустриальных – изготовление, а в постиндустриальных – это в основном обработка.

Теория постиндустриального или информационного общества является также первой теорией глобализации – ее автор убежден, что только в глобальном мире информационные и постиндустриальные черты проявляются в полной мере. «Глобальная, – пишет М. Кастельс, – потому что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в глобальном масштабе непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. И, наконец, информационная и

глобальная – потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети» [63]. М. Кастельс в итоге замечает, что появление в последней четверти XX века глобальной сети стало результатом технологической революции, приведшей к наступлению компьютерной эры и рождению основанной на информационных технологиях новой экономики.

Еще один представитель данной теории Ж. Бодрийяр сконцентрировал свое внимание на том, как потребление в этом новом обществе превращается в главный драйвер социального развития, а также в средство, способное изменить человеческую природу. По его мнению, индивиды в обществе потребления перемещаются из мира людей в пространство вещей – богатства, услуги, материальные блага преобразуют среду обитания. Все это оборачивается «мутацией экологии человеческого рода» и сущностного изменения самого человека, превращающегося из *homo faber* в *homo consumericus*. Французский философ убежден в том, что общество потребления уничтожает традиционный функционал культуры, создавая «порочный круг производства», где инверсивно меняется отношение между трудом и капиталом – Капитал начинает бесконечно воспроизводить Труд, а не Труд воспроизводит Капитал, как это было в обычном капиталистическом обществе.

Ж. Бодрийяр видит результат глобального социального преобразования в том, что производство ради производства дополняется потреблением ради потребления. И в этих условиях все становится предметом труда и, одновременно с этим, отходами производства. Так, «наша культура, – замечает Ж. Бодрийяр, – превратилась в производство отходов. Если другие культуры, в результате простого обменного цикла, производили некий излишек и порождали культуру излишка (в виде нежеланного и проклинаемого дитяти), то наша культура производит огромное количество отбросов, превратившихся в настоящую меновую стоимость. Люди становятся отбросами своих

собственных отбросов – вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [12].

Критическая оценка глобализации у Ж. Бодрийяра основывается на осмыслении феномена концентрации и опустынивания прилегающих к модернизированным объектам. В предшествующие глобализации времена все социальное пространство было гармонично выстроено и экологически сбалансировано: природа и общество, город и деревня, город и пригород, дикая природы и природа окультуренная. Вторжение новых технологий, помноженное на энергию потребления, приводит к концентрации инновационно преобразованных фрагментов социальной реальности в некоторых точках, превращая все окружающее их пространство в символические помойки и смысловые отходы. Контрасты столицы и провинции, богатых и бедных кварталов современных городов, города и пригорода переносятся на отношения между странами, народами и цивилизациями. Так рождается антиколониальный дискурс эпохи глобализации, который, в отличие от традиционного антиколониализма, рассматривает эффекты модерна и модернизации, а также их оборотную сторону, обычно именуемую архаизацией или демодернизацией. В теории модернизации принято различать первичную и вторичную. Первичной называется модернизация, естественным образом приведшая европейские страны к индустриальной экономике, капитализму, рационализированным институтам и ценностям и сделавшая европейский континент центром мировой политики, экономики, науки и культуры. Вторичная модернизация – понятие, рожденное потребностями теории социальной модернизации, которая, как и всякая научная теория, должна объяснять, прогнозировать и способствовать применению этих прогнозов на практике. А поскольку это социально-философская теория, а не естественно-научная, ее применение напрямую связано не только с умением прогнозировать события будущего, но и с успешным участием в прогнозируемых событиях.

Социальная модернизация – процесс сложный, многомерный и противоречивый. Альтернативный модернизации процесс – архаизация – нередко выступает обратной стороной этого преобразования. М.А. Аствацатурова обращает внимание на то, что невозможно модернизировать общество без успешной модернизации его этничности [6]. В начале XXI века российские теоретики обратили внимание на то, что теории, в которых модернизация понималась как копирование, не способствовали успешному участию в процессе глобализации. Стремясь догнать страны, которые были признаны более развитыми, и совершая усилия по воспроизводству институтов и ценностей этих стран, наша страна лишь зафиксировала статус отстающего. Будучи частью глобального процесса, Россия приняла участие в международном разделении труда на невыгодных для нее условиях. «Нельзя согласиться с теми, – писала В.Г. Федотова, – кто считает, что глобализация – это продолжение модернизации. Дело обстоит как раз наоборот. Глобальная экономика – это клуб уже модернизированных... Глобализация оказалась противоположной модернизации, ибо догонять и имитировать – значит обрекать себя на все более увеличивающееся отставание. Быть похожим на других сегодня не годится. Сегодня надо быть лучшим или уникальным» [142]. Из этого вовсе не следует вывод о несостоятельности теории модернизации – не обновившее свои институты и ценности общество также не может найти себе достойное место в глобализирующемся мире. Но модернизация в условиях глобализации представляет собой нечто совершенно иное, нежели модернизация в предшествующие эпохи. Таким образом, теория неомодернизации – ядро современной теории глобализации.

Вторая теория, упоминавшаяся в статье М.Д. Валовой в качестве концептуально-методологического фундамента евразийской интеграции, это теория глокализации. Она может быть названа дочерней по отношению к теории глобализации, потому что она возникла как теоретическое дополнение, позволяющее описывать процессы, вызванные к жизни глобализацией, но

имеющие прямо противоположную направленность. Глобализация объединяет и унифицирует, но при этом глобализируемые регионы унифицируются по необходимости и не полностью – сохраняется их региональная, то есть локальная специфика. Введенный британским исследователем Р. Робертсоном термин «глокализация» [180] оказался удачным сочетанием слов «глобальный» и «локальный», что подчеркивает соединение в одном процессе двух разнонаправленных течений, первое из которых можно квалифицировать как активное, а второе – как реактивное. Локализация – это не просто сохранение особенностей, а адаптация к новым условиям и поиск своей национальной и эффективной модели модернизации, позволяющий странам и народам сохранить свою идентичность или даже усилить ее [142].

Российский исследователь У.Б. Бойматов обращает внимание на то, что термин «локальное» онтологически определяется в теории глокализации через понятие идентичности, то есть через свойство бытия сохранять свою идентичность, сколь ни радикальными были бы изменения окружающей среды [13]. Само понятие локального может быть понято и объяснено прежде всего на культурно-цивилизационном уровне как уникальное свойство общественного бытия, обусловленное особенностями истории, географии, этноконфессиональными и прочими чертами, делающими регион уникальным и неповторимым. Его уникальность и неповторимость создают трудности для успешной глобализации и эффективной модернизации, то локализацию следует понимать как процесс, снимающий трудности и барьеры с минимальными потерями уникальности и неповторимости.

М.Д. Валовая называет теории, способные выступить концептуально-методологическим фундаментом для анализа евразийской интеграции. Между тем, существует немало частнонаучных теорий, которые объясняют отдельные процессы и имеют скорее прикладное значение, помогая разрабатывать интеграционные программы. Одна из них – теория регионализма, восходящая к работе «Глобальная политика регионализма:

теория и практика» [173] и получившая новое дыхание в виде теории неорегионализма, активно развиваемая китайскими авторами [66].

При исследовании теорий глобализации и глокализации создается впечатление, что первая относится к областям политологии, управления и экономики, тогда как вторая – сфере культурологии и социальной антропологии. Это лишний раз подчеркивает актуальность междисциплинарного подхода, когда культурные и традиционные ценностные коды препятствуют механическому заимствованию политических, правовых и экономических институтов. И если понятие модерна и концепцию модернизации следует считать ядром теории глобализации, то теорию глокализации можно называть ее социокультурным компонентом. «Одно из последствий глобализации, – пишет Т.А. Овсянникова, – состоит в том, что она вызывает сомнения в оригинальности и подлинности культур. Если рассматривать долгосрочный взгляд на глобализацию, то «локальность» сама по себе является следствием глобализации. Вряд ли найдутся регионы или культуры, которые можно было бы рассматривать как изолированные или не связанные с глобальными процессами. С другой стороны, нельзя игнорировать и обратное воздействие, влияние локальных (традиционных) культур на глобализацию» [98].

Теория конфликта цивилизаций была провозглашена С. Хантингтоном, чей вклад в теорию модернизации трудно преувеличить. Многие его работы, посвященные политическим и экономическим аспектам социального преобразования обществ, желающих преодолеть свое отставание, стали классическими. В период активного противостояния капитализма и социализма, в центре его внимания находились вопросы политики. Теория модернизации описывала социальные и экономические процессы, направленные на созидание современного мира, что с неизбежностью означало разрушение старых форм власти и подрыв традиционных политических институтов. С. Хантингтон изучал успешные и неуспешные стратегии правящих элит, он описывал взаимодействие таких факторов, как

политическое сознание и политическая активность масс, политическую мобилизацию и политический консенсус. Но в девяностые годы ситуация качественно изменилась и в центре внимания исследователей обновления и технологов преобразования оказалась не организация политической власти, а взаимодействие институтов и ценностей, соответствие направлений развития политической, экономической и культурной систем. В 1996 году в свет выходит книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [154], а спустя еще четыре года по итогам научного симпозиума публикуется сборник «Культура имеет значение» [78], редакторами которой выступают С. Хантингтон и Л. Харрисон. Эти издания знаменуют собой поворот в развитии теории модернизации, который фактически и выступает тем программным текстом, который приведет к созданию третьей теории, названной выше и претендующей на роль теоретического фундамента евразийской интеграции – теории конфликта цивилизаций.

Эта третья теория во многом отражает суть исторического момента. Провозглашенный американскими интеллектуалами конец истории [151], положивший конец противостоянию ценностей социализма, капитализма и традиционализма тут же привел к новым конфликтам, один из которых был связан с исламским фундаментализмом, крайней формой которого стала радикализация молодежи и террористические акты в самых разных странах и частях света.

Теория конфликта цивилизаций опирается на две разные идеи. Первая идея состоит в том, что цивилизации могут порождать конфликт по причине несоответствия лежащих в их основе религий, ценностей или картин мира. Примером такого рода конфликтов являются конфликты между мусульманами и христианами, мусульманами и индуистами, католиками и православными, шиитами или суннитами. Вторая идея постулирует тип конфликта, причина которого также в наличии двух культур. Однако, в данном случае, это не две традиционные культуры с исторически сложившимися разными ценностями. В этом случае речь идет о противостоянии современной

и статичной культур. Вполне в духе просветительской идеологии автор книги «Панамериканская мечта» Л. Харрисон в своем выступлении на симпозиуме приводит десять ценностей, позволяющих отличить прогрессивную культуру от статичной [78]. В российском социально-философском и политическом дискурсе скорее можно говорить о либеральных и консервативных ценностях, чем о современных и статичных, но такова теория конфликта цивилизаций.

Первая ценность, по наличию которой можно обнаружить противоположность двух типов культуры – это ее ориентация во времени. Прогрессивная культура, считает Л. Харрисон, нацеливает ее представителей на будущее, тогда как статичные культуры считают главной ценностью прошлое и настоящее. Ориентация на будущее тесно связано с верой в способность человека влиять на свою судьбу и даже определять ее, надеяться на достижение богатства в этой, а не в загробной жизни, не противопоставлять богатство и нравственность. Вторым элементом становится отношение к труду: труд в прогрессивных культурах, согласно рассматриваемой концепции, оказывается синонимом успеха, а трудолюбие вознаграждается и уважается. В то же самое время статичные культуры – это культуры праздности, где труд считается уделом рабов и подневольных работников.

Следующей ценностью современной или прогрессивной культуры Л. Харрисон называет бережливость, ибо она способствует инвестированию и накоплению. Здесь уже вполне проявляется отождествление системы ценностей прогрессивной культуры с протестантскими ценностями, сформулированными М. Вебером и объявленными им духовным воплощением капитализма. Прогрессивные культуры придают ценность образованию, ибо оно обеспечивает инновационное развитие общества, в то время как в статичных культурах образование – средство, отделяющее представителей элиты от низших слоев общества. Прогрессивная культура – это культура поощрения индивидуальных способностей, потому что именно они выступают драйвером прогресса. Эта же самая функция в статичном обществе выполняется институтом происхождения, когда личные связи

обеспечивают место в обществе и карьерный рост. В этом же духе сформулированы и остальные ценности – строгость этических норм, справедливость и честность, рассредоточение власти, секуляризм.

Как видно из знакомства со второй идеей теории конфликта цивилизаций, в ее основе, наряду с высокой оценкой роли науки и образования, восходящей к идеалам Просвещения и ренессансного понимания индивидуализма, положена концепция успеха, предложенная М. Вебером в его книге «Протестантская этика и дух капитализма». Таким образом, в теории конфликта цивилизаций перед нами в обновленном виде предстает та самая концепция догоняющей модернизации, в которой под модернизацией понимается вестернизация. Но при этом данная теория является не социологической и не культурологической.

По признанию самого С. Хантингтона, он намеревался написать труд, чья дисциплинарная принадлежность находится в сфере политической философии или в некоторых аспектах она имеет отношение к практической политологии, социальной и политической технологии. В предисловии он ясно указал, что речь в его книге идет о трактовке глобальной политики после холодной войны. С. Хантингтон создавал своеобразное руководство для исследователей и политиков, в котором было бы ясно описано, как культурный фактор взаимодействует с политическим и экономическим, как он влияет на успешность или неуспешность управленческих решений, администрирования и нормотворчества.

Книга С. Хантингтона может быть представлена как изложение философско-культурологической концепции цивилизаций, обращения к которой не избежать при разработке политических программ, в процессе выстраивания взаимоотношения между властью и культурой. По замыслу автора, политические элиты не могут быть успешны, если они не способны увидеть и оценить сдвиг баланса власти среди цивилизаций, понять и описать культурные истоки не-западных обществ, предвидеть и сделать управляемые конфликты, порожденные «западным универсализмом, мусульманской

воинственностью и притязаниями Китая» [155]. С. Хантингтон предлагает инструкции по нахождению баланса и выработке тактики «подстраивания», дает советы установления причин и прогнозирования динамики войн по линиям межкультурного разлома, о способности предсказывать будущее стран и народов. Он видит наибольшую угрозу современному миру в конфликте цивилизаций и предлагает в качестве средства гармонизации и стабилизации новый международный порядок, основу которого составляли бы мировые цивилизации [155].

Технологический характер книги проявляется при рассмотрении истории России, которую С. Хантингтон относит к числу разорванных стран, переживших провал в процессе смены цивилизаций. В таких странах идентичность нуждается в переопределении, но для того, чтобы эта задача была успешно решена, должны, по мнению автора, быть выполнены следующие условия. «Во-первых, – замечает С. Хантингтон, – политическая и экономическая элита страны должна с энтузиазмом воспринимать и поддерживать данное стремление. Во-вторых, общество должно по крайней мере молча соглашаться с переопределением идентичности (или стремиться к этому). В-третьих, преобладающие элементы в принимающей цивилизации (в большинстве случаев это Запад) должны хотя бы желать принять новообращенного» [155]. Несмотря на то, что само по себе переопределение идентичности – процесс, растянутый во времени и сопровождающийся фантомными болями, разрывами и кризисами, без него, по мнению автора, успешное политическое, экономическое и социокультурное будущее страны невозможно.

Даже при беглом знакомстве с теорией конфликта цивилизаций, как и с теорией несостоятельности национального государства перед лицом глобализации и теорией глокализации, бросается в глаза их ориентация на проведение в жизнь политического интереса тех стран и элит, которые могут считаться заказчиками. Отсюда и необходимость критического их переосмысления с целью создания надежного теоретического фундамента для

всестороннего объяснения и надежного прогнозирования социальных и политических процессов современности.

В заключение хотелось бы отметить, что любая социальная интеграция может быть успешной только в том случае, когда она будет проводиться в виде модернизации и опираться на теоретический фундамент. Если же интеграционные усилия будут осуществляться путем политических и административных решений правящих элит, подкрепляемых любым количеством международно-правовых договоров и дипломатических соглашений, интеграция не будет глубокой и, тем более, не будет соответствовать интересам стран и народов.

Между тем, несмотря на обилие отечественных публикаций, критически оценивающих и творчески дополняющих как теорию глобализации, так и теорию модернизации, любое их изложение показывает определенную зависимость от исходных формул и концептуализаций. Это обстоятельство существенно затрудняет применение последних как при разработке политической стратегии, так и в процессе формирования экономической, информационной и культурной политики, не говоря уж о введения теории в механизмы принятия управленческих решений. Логика развития политических, экономических и правовых институтов в современном мире должны быть ориентирована на соответствие институтов и ценностей, тогда как замена подобного соответствия голым администрированием и тактическим маневрированием обречены на неудачу любых, в том числе и интеграционных процессов.

1.2 Генезис и эволюция евразийской философии

Осознание роли географического положения России в ее историческом прошлом, политическом настоящем и геополитическом будущем пришло давно, но каждая эпоха заставляет определять эту роль по-новому. Большая игра XIX века, в которой встретились две империи – Британская и

Российская – родилась из их стремления расширить сферы своего влияния, ограничив тем самым притязания соперника. Все это проходило на фоне сложных и переменчивых отношений России и Европы, что вызвало к жизни тему особого исторического пути, превратившуюся в основную проблему русской философии. Спор западников и славянофилов сменился полемикой прогрессистов и почвенников, которую в политическом отношении можно квалифицировать как полемику либералов и консерваторов, а в аксиологическом – как противостояние либеральных и консервативных ценностей, соответственно. И в этих условиях рождается уникальный феномен – русская религиозная философия, наиболее концентрированным выражением которой является русский космизм. И хотя космизм и евразийство внешне не связаны друг с другом, на глубинном сущностном уровне эта связь очевидна. Именно космизм, а также связанная с ним духовно и содержательно русская религиозная философия – главные представители уникальности духовного опыта российской цивилизации, а уникальность и самобытность последней и есть фундамент возникшего позднее евразийства.

Философия русского космизма напрямую связана с именем Н.Ф. Федорова, к этой традиции принадлежат А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев. Но русский религиозный Ренессанс конца XIX и начала XX веков был близок идеям и, что особенно важно, мироощущению названных мыслителей, что позволяет отнести их к космистам. Эту точку зрения высказывает и обосновывает С.Г. Семенова в своем предисловии к антологии русского космизма, указывающем на наличие космистских идей в наследии В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, соединяющих космоцентризм с антропоцентризмом. Космоцентризм православного исихазма позволяет, по мнению Н.А. Бердяева, видеть в тварном мире божественные энергии и их направленность к преображению мира, а антропоцентризм православия

наполняет человека активностью в его преобразующей природу и общество деятельности [126].

Это проницательное замечание С.Г. Семеновой заставляет задуматься, почему в русской религиозной философии проявляется не средневековый теоцентризм, присутствия которого следовало бы ожидать в любой религиозной философской системе. Вместо него современный российский исследователь обнаруживает сочетание центральных принципов античного и ренессансного мировоззрений, первое из которых опирается на дохристианский политеизм, а второе – на секуляризированный гуманизм. И первое, и второе есть скорее антиподы средневекового монотеизма и креационизма, нежели отдельные его разновидности.

Еще удивительнее находить в философии конца XIX и начала XX веков практически полное игнорирование достижений новоевропейской философской мысли с ее субъектоцентризмом, гносеологизмом, социоцентризмом. Но в том то и дело, что русские мыслители, отлично осведомленные о достижениях западноевропейского философского ума, критиковали и отрицали его значимость, делая некоторое исключение для немецкого романтизма и иррационализма. Докторская диссертация В.С. Соловьева была посвящена критике философии О. Конта и позитивистов [129], своей неудовлетворенности европейской философией не скрывали и все остальные вышеупомянутые философы, последовательно отвергавшие и рационализм, и эмпиризм, и позитивизм, и материализм. Даже идеализм В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля, несомненно, оказавший влияние на них, критиковался за отвлеченность и мнимую религиозность.

Н.Ф. Федоров подверг сокрушительной критике восходящую в современной ему Европе философию жизни. В своем ироническом послании, озаглавленном «Вопросы из отечества Заратуштры поклонникам европейского Заратуштры (Ницше)», основоположник русского космизма писал, что новоявленный пророк лукавит, утверждая, что он не ищет счастья, а ищет дела. «Заратуштру, – пишет Н.Ф. Федоров, – нужно назвать

проповедником вечного несовершеннoлетия с дядьками в виде сверхчеловеков, а не провозвестником общего дела, единого возврата всего умерщвленного темною силою природы в период ее слепоты и нашей розни, а потому и бездействия. Надо всех сделать познающими и чрез познание всеми всего темная сила природы, светом знания управляемая и теплотою чувства оживляемая, станет великим разумом» [141]. Автор идеи общего дела никак не мог признать делом то, что считал делом знаменитый европейских ниспровергатель традиционной морали.

Создается впечатление, что русские космисты и близкие им по духу религиозные философы, которых можно было бы назвать космистами в широком смысле слова, сознательно идентифицировали себя с мыслителями прошедших эпох и тысячелетий, видя в древности и средневековье альтернативу современному западному пути. В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.Ф. Федоров и другие справедливо полагали, что стержнем европейского, то есть европоцентристского, мировоззрения является отождествление Запада (Европы) с Модерном, а Востока (Азии) с Архаикой. Неприятие этой установки, общей для всех европейских философских школ и направления оказалось той самой духовной скрепой, которая объединила космистов в узком и в широком смыслах этого слова.

Обычно евразийство рассматривают как идейно-политическое и философское течение в русской эмиграции, зародившееся в период между двумя мировыми войнами и нашедшее отклик у позднесоветской и постсоветской интеллигенции. Если в географии принято считать Евразию единым континентом, то в обусловленном историей и культурой мировоззрении Европа и Азия – это две разные части света, не только отличные друг от друга, но и противопоставляемые друг другу как два альтернативных культурно-исторические типа. Строфы из поэмы Р. Киплинга «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень Суд» [65] как нельзя лучше отражают этот устоявшийся взгляд на культурную, духовную и ценностную

оппозицию. Основная идея евразийцев – это не объединение двух культурно исторических типов в один, как могло бы показаться из названия, а выделение вопреки всем законам физической географии особого срединного «материка» между Европой и Азией. Его границы не зависят от явлений природы и не раз менялись в ходе истории – евразийцы совместили границы евразийского «континента» с границами российской империи или российской цивилизации, что одно и то же.

Когда политическое, военно-стратегическое, идеологическое и цивилизационное противостояние Северной и Южной Евразии возобновилось в XX веке, оно продолжалось в постоянно сменяющихся друг друга контекстах. Появлялись новые участники, до неузнаваемости изменялись прежние. Приобрела вес и оккупировала огромные территории Япония, затем на смену Российской империи пришел СССР, все более активными становились США, уничтожившие Японскую империю и заместившие распавшуюся Британскую империю, ставшую лидером капиталистической системы. Несмотря на по-разному складывающиеся судьбы советско-китайской или советско-индийской дружбы, несмотря на военное противостояние Советского Союза и Соединенных Штатов Америки в Корее или Вьетнаме, Палестине или Афганистане, великое идеологическое противостояние завершилось исчезновением первого коммунистического государства, а с ним и коммунистической идеологии. И тогда пришлось вспомнить о философских доктринах, рождавшихся в умах представителей русской иммиграции и касавшихся геополитического будущего России независимо от того, является она большевистской или же возвращается к традиционным ценностям. В этих условиях философские и геополитические взгляды евразийцев оказалось здесь вне конкуренции.

Истоки евразийства как умонастроения, в основе которого лежит осознание особого исторического пути, связанного с близостью Азии можно найти в русской философии и культуре XIX века, начиная со славянофилов. Так, например, А.С. Хомяков выразил свое отношение к теме азиатского

влияния на духовные истоки русской культуры в своей историософской работе «Записки о всемирной истории», первая часть которой называется «Семирамида» и посвящена полумифическому изложению авторского учения о неразрывной связи двух противоборствующих начал: иранства и кушитства. Эта книга обосновывает историческую картину мира А.С. Хомякова, где история славян излагается на фоне всемирной истории и где историко-географической периферией всемирного славянства выступает Европа. Иранство и кушитство можно сравнивать с древнекитайскими философско-мифологическими стихиями инь и ян, как это делает российский исследователь Р.С. Гранин [27], а можно с аполлоническим и дионисийским началами, как это позднее сделает Ф. Ницше и что принесет ему мировую известность. Фактически в любой доисторической мифологии мы находим два противоборствующих начала, есть они и в мифах славян – в хомяковской версии – это «навь» и «явь».

Об актуальности понятий доисторической мифологии свидетельствует не только то место, которое им отводится в историософских сочинениях А.С. Хомякова, к ним же уже в наши дни обращается глава Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, разъясняя концептуальные основания отечественного правосознания. «В славянском мифологическом миропонимании, – пишет В.Д. Зорькин, – (в некоторых его интерпретациях) различают три стороны бытия или три мира – Явь, Навь и Правь. Явь – это мир явленный, осязаемый, соотносимый с понятием материи. Навь – можно уподобить области отражения, или информации. Правь – это мир "богов", а, точнее говоря, сфера должного, законов, управляющих реальностью, или мера вещей» [53].

«Навь» и «явь» можно понять как противопоставление возможного (непроявленного) и действительного (проявленного). Эти две философские категории задают в метафизике Хомякова своеобразную диалектику свободы и необходимости, причем проявлением принципа свободы является в его концепции иранство (арийство), а принцип необходимости реализует себя

через кушитское начало. Закон рождения, выступающий следствием открытой Ньютоном обусловленности природных явлений, реализует принцип кушитства, тогда как принцип иранства связан с преодолением необходимости и обретением свободы в сверхприродном принципе творения, отменяющем природные законы и мир детерминизма [157].

Не меньшее значение для формирования евразийской картины мира имели работы поздних славянофилов, наиболее влиятельным среди которых следует признать Н.Я. Данилевского, чья книга «Россия и Европа» считается трудом, положившим начало формированию цивилизационного подхода. Противопоставляя Россию Европе, русский мыслитель не только следовал традиции славянофильской мысли, но и построил цивилизационную картину мира, отведя в ней российской цивилизации особое место.

Н.Я. Данилевский выделил целых тринадцать культурно-исторических типов, хотя всестороннему анализу в его книге были подвергнуты только два: германо-романский и славянский. Это неудивительно, ибо спор России и Европы был представлен им не как политический конфликт между конкурирующими государствами и межгосударственными союзами, а как противостояние уникальных и неповторимых цивилизаций, имеющее в своей основе мировоззренческие и ценностные основания. Как отмечал Н.Я. Данилевский, «духовное и политическое здоровье характеризуют русский народ и русское государство, между тем как Европа – в духовном отношении – изжила уже то узкое религиозное понятие, которым она заменила вселенскую истину и достигла геркулесовых столбов, откуда надо пуститься или в безбрежный океан отрицания и сомнения, или возвратиться к светоносному Востоку; в политическом же отношении – дошла до непримиримого противоречия между требованиями выработанной всею ее жизнью личной свободы и сохраняющим на себе печать завоевания распределением собственности» [34].

Главный тезис книги «Россия и Европа» сводится к необходимости отказа от западничества в политическом и культурном устроении жизни.

Провозглашенная им методология опиралась на органицистский натурализм, объединявший принципы построения биологического и социального, отрицание эволюционизма как общей модели развития, утверждение для каждой цивилизации своей собственной модели развития. Вступая в спор с формационной или стадильной концепцией развития единого человечества, согласно которой каждое общество проходит через одни и те же формы хозяйственной и социальной организации, Н.Я. Данилевский предложил описывать биографию каждого культурно-исторического типа в отдельности. Всем культурно-историческим типам он приписал свою уникальную идеальную форму и свою собственную органическую материю, сочетание которых и формирует самобытные начала типа и составляет их смысл. Каждый из культурно-исторических типов живет по законам, похожим на законы живого организма, проходя в своей жизнедеятельности полный набор фаз жизненного цикла от рождения до развития, старения и гибели. Рождение и юность соответствуют этнической стадии, а состояния государственности и цивилизации приходятся на зрелость и старение. Историческая задача России состоит, по мысли Н.Я. Данилевского, в избавлении от иллюзий продуктивности копирования германо-романского культурно-исторического типа и возвращении к цивилизационным истокам славянства.

Философия конечно же является видом теоретического мышления, однако же она не существует вне политики, экономики и тем более культуры – теоретическая мысль во все времена стремилась откликаться на запросы общества и вызовы времени. Так, балансируя после петровских реформ между экономико-политической и культурной вестернизацией и духовной автаркией Третьего Рима, Россия постепенно все более открывала для себя всю Азию, а не только ту ее часть, которая исторически была связана с восточным христианством. Т.В. Бернюкевич описывает особое течение, с особой интенсивностью проявившееся в культуре Российской империи на рубеже XIX-XX веков и названное автором русским азиофильством [10]. Это течение можно было бы назвать исключительно культурным, если бы ему не

способствовали внешнеполитические и внутривнутриполитические факторы. Хотя сам термин «азиофильство» был впервые применен еще Н.С. Трубецким применительно к политике [136].

Действительно, в конце XIX и начале XX веков не только в России, но и в самой Европе наблюдался рост пессимизма в общественных умонастроениях, вызванный разочарованием в успехах европейской цивилизации и нашедший свое проявление в иррационалистической философии жизни. Идеалы европейского Просвещения казались все менее достижимыми, универалистский социоцентризм уступал место культурантроцентризму, ориентирующему мировоззрение на поиски уникальности. «Закат Европы» О. Шпенглера лишь зафиксировала и сформулировала эту общую тенденцию движения мысли, стремящейся к преодолению мировоззренческого, аксиологического и социально-философского европоцентризма.

На фоне роста национально-освободительного движения по всему миру происходило становление антиколониального дискурса, а в России все это накладывалось на накопление опыта строительства единого цивилизационного пространства на основе собственно русской цивилизации с добавлением социокультурных фрагментов христианского, мусульманского и буддистского Востока. Приток в метрополию для получения образования молодых людей из Средней Азии и Дальнего Востока не только способствовал становлению национальной интеллигенции этих регионов, но и интенсифицировал межкультурный обмен, знакомя русских европейцев с глубинами азиатской души. Именно тогда происходит рождение российского академического востоковедения, а многоликие образы Азии активно проникают в симфоническую музыку и театр, живопись и литературу. Т.В. Бернюкевич приводит в качестве примеров рецепции буддизма в русской литературе такие произведения Л.Н. Толстого как «Карма», «Это ты» и «Будда», рассказ «Братья» И. Бунина, а также лирику К. Бальмонта, В. Хлебникова, И. Анненского, М. Волошина.

Заметное влияние на русских философов оказали философско-религиозные традиции, о которых прежние поколения российских интеллектуалов имели лишь смутное и отрывочное представление. «Интерес к буддизму в русской философии, – пишет Т.В. Бернюкевич, – либо проявлялся в контексте исканий русской религиозной философии с ее духовно-универсалистскими и нравственно-антропологическими интенциями (В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Франк), либо помогал обнаружить новый материал для аргументации собственных философских идей (И. Лапшин, В. Вернадский, К. Циолковский, В. Лесевич). Наконец, буддийские идеи могли включаться в оригинальные философско-эзотерические системы (Е. Блаватская, Е. Рерих)» [10]. Если А.С. Хомяков строит схемы и провозглашает начала, опираясь на труды европейских историков и религиоведов, то авторы рубежа столетий уже имеют прямой доступ к традициям и цивилизациям Востока. А участие в приведенном списке таких имен как В.А. Вернадский, К.Э. Циолковский подтверждает высказанный в начале параграфа тезис о мировоззренческой связи русского космизма и евразийства.

Революция 1917 года и последующие преобразования большевиков радикально изменили естественное течение русской философии и культуры. Большинство интеллектуалов добровольно или принудительно покинули страну и многие из них вернулись к теме исторической судьбы России, находя самые разные ответы на вопросы о причинах свершившегося и конечно же о ее будущем развитии. Одним из самых заметных явлений той поры стали евразийцы – группа философов, ученых, публицистов, политических деятелей, оказавшихся в русской иммиграции и объединившиеся вокруг идеи особого русского пути, тесно связанного с Азией. Несмотря на то что образы Востока всегда присутствовали в философско-исторических размышлениях русских мыслителей, вдохновляя художников и поэтов, именно евразийцы всерьез

заговорили о геополитическом и социокультурном движении России из Европы в Азию.

Обстоятельства возникновения евразийства достаточно хорошо изучены. В 1921 году в Софии вышел в свет сборник «Исход к Востоку», объединивший таких разных авторов как Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, П.Н. Савицкий и Г.В. Флоровский. Примечательно, что первый из этих авторов был лингвистом, второй – музыковедом, третий представлял географию и экономику, а четвертого можно отнести и к философии, и к богословию. В дальнейшем ряды евразийцев пополнялись таким образом, как в этом движении стремились соединиться представители как можно большего числа научных специальностей. В ближайшие пять лет ряды идейного и общественно-политического движения евразийцев были пополнены за счет присоединения к ним литературного критика Д.П. Святополк-Мирского, историка Г.В. Вернадского, а также философов Л.П. Карсавина и Н.Н. Алексеева. Множество студентов и аспирантов из числа русских иммигрантов слушали их лекции, создавали и посещали кружки, привлекавшие на свои собрания более зрелых иммигрантов, что сделало это движение достаточно массовым, и в 1927 году оно оформилось в хорошо структурированную политическую организацию. В Праге, Берлине, Париже и других европейских городах возникли интеллектуальные центры, достаточно успешно участвовавшие в борьбе за влияние на умы русской эмиграции.

В научной литературе евразийство оценивается как реакция на крушение империи, а вместе с ним и кризис самосознания русской интеллигенции. Впервые в новой европейской истории в эмиграции оказалась практически вся элита крупнейшей мировой империи, выжившая в тяжелейших условиях революции и гражданской войны и сумевшая покинуть охваченные беспорядками города. Значительное количество ученых, в первую очередь представителей социальных и гуманитарных наук, оставивших Россию добровольно или принудительно высланных на так называемых философских пароходах. Поиски выхода из кризиса с неизбежностью привели

к поиску путей примирения с действительностью, объяснения произошедшего при помощи критического переосмысления исторической и географической картины мира, приводящего к коррекции обанкротившегося мировоззрения и дискредитированной системы ценностей. И здесь кстати приходится интеллектуальная традиция азиофильской критики европоцентризма, западного рационализма и материалистического секуляризма.

Общие политические оценки, в которых сходились евразийцы двадцатых, можно сформулировать так. Развитие западной культуры привело к секуляризму, приведшему к торжеству материальных ценностей и материалистического мировоззрения, крайним выражением чего стало рождение коммунистической идеи в Европе и драматической попытке ее реализации в охваченной революцией России. Но торжество материалистических ценностей и секуляризированной культуре не может быть долгим, возврат к религиозному мировоззрению и образу жизни неизбежен. Вооруженное сопротивление большевизму бесперспективно, единственным средством победы над ним является противодействие влиянию Европы, дискредитация в глазах русского народа ее безбожных идеалов и ценностей, возврат к евразийской культурной и духовной идентичности. Только осознание себя евразийцами способно уравновесить в народной душе влияние Европы и Азии, чтобы вновь обрести утраченное единство. Но соединение материалистических и идеалистических ценности в одно органическое целое возможно, с точки зрения евразийцев, лишь на основе абсолютного приоритета духовного перед материальным.

Уже в двадцатые годы проявились концептуальные и методологические противоречия отцов-основателей евразийской философии: географ Савицкий был последовательным натуралистом, лингвист Трубецкой – гуманитарием, а священнослужитель Флоровский – теологом. Их общий оценка причин победы большевизма и дальнейших перспектив развития России базировалась на применении различных и даже альтернативных теоретических платформ. Все это усиливало политическую составляющую евразийского движения,

ослабляя тем самым его философско-теоретическое наполнение. А последующие попытки сблизиться с новой российской властью – властью большевиков – превратило евразийцев в объект манипуляции со стороны агентов советской разведки, которые стремились к установлению контроля за белоэмигрантскими кругами и надеялись затруднить сотрудничество русской диаспоры со спецслужбами европейских стран [116].

Авторы предисловия к сборнику «Исход к Востоку», с которого, по сути, и началось евразийское движение и который выполнил роль своеобразного манифеста, прямо написали об атмосфере катастрофического мироощущения, окружающей рождение нового взгляда на Россию, ее прошлое, настоящее и будущее. Они поделились ожиданиями радикального преобразования мира, привычный облик которого навсегда исчез на полях сражений Первой мировой войны и руинах мировых империй, а также установления безбожной большевистской власти в России. Определив это время как поворотное, а не только переходное, главным содержанием поворота они назвали исход к Востоку.

Провозгласив своим девизом национализм, евразийцы переопределили само это понятие, сделав его наднациональным, как бы парадоксально это ни звучало. Отказавшись от исходной матрицы славянофильства и разочаровавшись в возможностях достижения славянского единства, что было главной имперской и национальной идеей еще с екатерининских времен, авторы предисловия-манифеста писали, что обращаются «к целому кругу Народов "евразийского" мира», подчеркивая срединное положение в нем русского народа. «Такое приобщение целого круга восточноевропейских и азиатских народов к мыслимой сфере Мировой культуры Российской вытекает, как нам кажется, в одинаковой мере из сокровенного "сродства душ", — делающего русскую культуру понятной и близкой этим народам и, обратно, определяющего плодотворность их участия в русском деле, — и из общности экономического интереса, из хозяйственной взаимообращенности этих народов...» [112].

Как можно видеть из приведенной цитаты, в которой в сжатом виде содержится сформулированная эмигрировавшими учеными еще в 1921 году концепция евразийства, лежащая в ее основе идея актуальна и сегодня. Не случайно мы находим отголоски этой идеи в национальной политике большевиков, не случайно именно она оказалась востребована в период формирования внешней и внутренней политики современной России. «Русские люди и люди народов "Российского мира" не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающею нас стихией культуры и жизни, Мы не стыдимся признать себя — евразийцами» [112].

П.П. Сувчинский, несмотря на то что он был музыкальным и литературным критиком, удивительно точно смог определить недостатки политического устройства Российской империи, приведшие в итоге к ее гибели. Главным таким недостатком он назвал особый тип политического устройства. Россия до революции являлась великодержавной страной, но при этом никогда не была государственной, – писал он. То есть, с одной стороны, государство в великой и огромной стране было, а с другой, по мнению П.П. Сувчинского, – его не было. Были люди, занимающие государственные должности, были государственные учреждения, в которых велся документооборот, были все остальные признаки государственности. Но не было одного – у народа отсутствовал государственный навык.

Под государственным навыком народа П.П. Сувчинский понимал коллективную сознательность всех индивидуумов, этот народ составляющих. А вот великодержавность у русского народа есть и ее достаточно для того, чтобы из нее выросла великая и огромная империя. Под великодержавностью П.П. Сувчинский понимал предопределенную потенцию «властности, размаха и разлива всей народной сущности». Именно великодержавность определяет самоутверждение общественного бытия народа, но в различных жизненных ситуациях эта стихия может крепчать и усиливаться, а в других – слабеть и разлагаться. В первом случае великодержавность подменяет собой государство и компенсирует недостаток государственности, а во втором –

приводит к его краху, ибо превращает его в рыхлое, рассыпающееся и бессильное существо.

Великодержавная сущность России наполняет и определяет русский народ, подчиняя ей отдельную личность и обуславливая свойства русской души и воли. «Подобно приливам и отливам великодержавности русского государственного коллектива, – пишет П.П. Сувчинский, – русская личность на путях духовного восхождения, на путях великого жизненного искуса также колеблется, шатается между подвигом и падением, между взлетом и срывом. Взлет поражает своей возносящей силой, точно невидимая рука с неба простирается и подхватывает. Срыв — всегда ужасен бездной своего падения, потерей Лица Божьего» [131].

Строки эти писались человеком, эмоционально переживающим свой вынужденный отъезд. П.П. Сувчинский стремится охватить единым взором масштаб свершившейся катастрофы, лихорадочно пытается объяснить себе смысл произошедшего. Он формулирует что-то вроде закона, которому в равной степени подчиняется история всего русского народа и жизнь каждой конкретной личности. Суть этого закона состоит в неизбежности циклических колебаний между возвеличением и унижением стихийной России, между безмерным великодержавием и предельной порабощенностью. Особого внимания удостоилась в его статье русская интеллигенция, вина которой видится автору в неспособности воспринимать европейскую культуру иначе, чем в убеждении ее абсолютного превосходства и тотальной правоты. Из этого следует признание русской интеллигенцией исключительности и правоты западного опыта и выросшей из него системы ценностей. Данную позицию П.П. Сувчинский хотя и сравнил с религиозным послушничеством, все же охарактеризовал ее как самопредательство. Признавая право на существование «всечеловеческих идей», автор находит им место в культурах различных народов, а не только европейских. Русская же интеллигенция некритически их приняла и полностью сроднилась с ними, тогда как народная душа оставалась оригинальной и нетождественной европейским.

Лингвист и культуролог Н.С. Трубецкой обратил внимание на содержание русской культуры, которая, как и всякая иная культура представляет собой сложную структуру и соединяет в себе противоположные элементы. В своей статье «Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры)» он сравнивает культуру со зданием, в котором, как во всяком строении, будут верхняя и нижняя части. Низом он называет ценности народной культуры или ценности, предназначенные для удовлетворения потребностей широких народных масс и создаваемые ими же. Н.С. Трубецкой подчеркивает их элементарность и обезличенность в противовес ценностям культурного верха, которые создаются представителями элиты, потребности которой являются более утонченными и определяются более требовательными вкусами. Нормальную культуру характеризует активное взаимодействие верха и низа, обмен между которыми обеспечивает ее устойчивость, динамичность и целостность. Но всякая культура – это открытая система, способная к заимствованию ценностей извне в процессе межкультурной коммуникации. Так в одну культуру проникают и усваиваются ею ценности иных культур, но данное усвоение продуктивно лишь при условии, что ценности, заимствуемые одной частью культуры, не противоречат ядру другой ее части и «общему психическому облику» культуры в целом.

В противном случае между культурами верха и низа будет наблюдаться ценностный и культурный разрыв, угрожающий национальному единству. Такое возможно при чужеродности заимствуемых культурных ценностей и их несовместимости с национальной психикой. «Своеобразие психологического и этнографического облика русской народной стихии, – писал Н.С. Трубецкой, – должно быть принято во внимание при всяком построении новой русской культуры. Ведь эта стихия призвана быть нижним этажом здания русской культуры, и для того, чтобы такое здание было прочно, нужно, чтобы верхняя часть постройки соответствовала нижней, чтобы между верхом и низом не было принципиального сдвига или излома» [137].

Эта формула соответствия культурных заимствований национальной психике привела Н.С. Трубецкого к радикальному выводу о том, что у культур нет и не может быть единого пути. Из этого вырастает его концепция мультилинейной схемы исторического развития, представленная в книге «Европа и Человечество», изданной годом ранее, чем вышел в свет главный сборник евразийцев. Ставший прологом к рождению евразийского движения текст был задуман еще в 1909 и 1910 годах – в нем в концентрированном виде представлена мысль о несостоятельности традиционного понимания прогресса как поступательного движения вперед. Системной и аргументированной критике были подвергнуты идеи национального эгоцентризма (избранного народа) и единой мировой (общечеловеческой) культуры. В каждой культуре есть свои собственные программы творческого и прогрессивного развития, и у каждой культуры есть свои особые качества, которые необходимо беречь, не допуская их подавления чужеродным влиянием и внешними заимствованиями. Только так может реализовать себя идеал органического развития национальной культуры, потому что это развитие спонтанно по своей природе.

Все вышесказанное приводит к тому, что влияние европейской цивилизации Н.С. Трубецкой оценивает негативно, приписывая ему тягу к унификации и подавлению всего самобытного. Под влиянием Европы Россия, по мысли основоположника евразийства, вначале превратилась в военно-крепостническое государство, а затем была ввергнута в большевизм, в котором милитаризм и крепостное право были дополнены насильственной уравниловкой. «При оценке европейского космополитизма, – писал Н.С. Трубецкой, – надо всегда помнить, что слова “человечество”, “общечеловеческая цивилизация” и прочее являются выражениями крайне неточными и что за ними скрываются очень определенные этнографические понятия. Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы» [138].

Казалось бы, теория Н.С. Трубецкого призывает культуры и представляющие их государства к максимальной культурной герметичности. Но на самом деле это не так. Противодействие тоталитарному унифицирующему влиянию Запада должно сплотить страны и культуры, а не разъединять их. Именно так – через объединение человечества вокруг идеи независимого и свободного развития народов и культур – можно добиться провозглашенным Константином Леонтьевым воплощением принципа «цветущей сложности». По мнению Н.С. Трубецкого, обращение к истории дает основание полагать, что именно Евразия на протяжении тысячелетия воплощала данный принцип.

Начиная с империи Чингиз-хана, а затем переходя к Великому княжеству Московскому и завершая постпетровской Россией, именно Евразийский контент дал, по мысли Н.С. Трубецкого, пример плодотворного сосуществования культур и цивилизаций. Именно ему, согласно этой логике, выпала историческая миссия повести за собой все человечество на пути к новому прекрасному миру равноправных народов и цивилизаций. Довольно трудно не увидеть здесь сходства с лозунгами большевиков, в которых в различных вариациях шла речь об «отречении от старого мира» во имя «мира нового» и «мира нашего». Все это позволяет видеть в евразийстве более отчетливое реактивное начало, чем в славянофильстве – славянофилы отвечали на вызов вестернизации, а евразийцы столкнулись с вызовом квазирелигиозной и утопической трансформации. Неслучайно евразийские идеи и тексты оказались востребованы в период преодоления большевистского социально-политического наследия.

Третий участник евразийской инициативы Г.В. Флоровский в своей статье вступает в полемику, начатую еще за столетие до рассматриваемых событий первым западником П.Я. Чаадаевым. Как известно, П.Я. Чаадаев в своих «Философических письмах» разделил все народы на исторические и неисторические, вызвав тем самым отклик в среде философов славянофильской ориентации. Будучи священником и богословом,

Г.В. Флоровский указал на ветхозаветные и, стало быть, дохристианские истоки рассуждений о культурно-исторической неравноценности народов. Существование богоизбранного народа была, согласно христианскому вероучению, перенесена в символическую плоскость и отнесена к общине христиан, что позволяет отнести богоизбранному народу всех тех, к кому был обращен Новый Завет и кто его принял. Об избранном народе говорили также язычники-эллины, а затем и римлянам противопоставляя себя окружающим их варварам.

Г.В. Флоровский осуществляет краткий разбор мнений о русской истории, ее смысла и назначения. В ходе этого разбора, в общем-то воспроизводящего оценки и позиции славянофилов, он парирует западническим тезисом о неисторичности России и, в особенности, сравнением ее со сфинксом. Главная мысль Г.В. Флоровского состоит в том, что истинное лицо России надо искать не в политической истории России и не в ее столицах, таких как Новгород или Киев, Москва или Санкт-Петербург, а там, живет душа русского народа. «Когда мы, – писал Г.В. Флоровский, – разлагаем живые течения русской культурной жизни на их составляющие и отчеканиваем последние в отточенные формы, что-то всегда проскальзывает меж пальцев, и интуитивно-несомненная русская “культура”, “русская стихия” перед рассудочным анализом оказывается пустым местом... По быту порождение страшного града Петрова, по культуре — отпрыск Оптиной Пустыни» [149].

П.Н. Савицкий рассматривает евразийство как результат действия природных факторов. Это неудивительно, ибо он был единственным представителем «естественнонаучного» цеха, специализируясь в сфере географии. Его дискурс включает в себя анализ соотношения внешних и внутренних факторов, природных и социальных, стремясь обосновать специфику стран евразийского континента. Выделяя роль океана в судьбах стран и народов, чья экономика и хозяйство оказываются зависимы от доступа к морским путям в налаживании торговли, П.Н. Савицкий приходит к выводу

о том, что страны, в большей степени пользующиеся в торговле морским транспортом, в меньшей степени зависят от расстояния, чем страны, чья торговля ориентируется на сухопутные коммуникации.

Все вышесказанное позволяет автору выделить два принципа, объясняющих функционирование сферы международного и межрегионального обмена: первый принцип П.Н. Савицкий называет «океаническим», а второй – принципом использования континентальных соседств. Океанический принцип – это принцип независимости от расстояний сочетания хозяйственно-взаимодополняющих стран и его в полной мере реализуют промышленно развитые европейские страны.

Исходя из вышесказанного «в интенсивном использовании принципа континентальных соседств, – пишет П.Н. Савицкий, – географический мир России-Евразии действительно представит собою образ некоторого хозяйственного "самодовления", не буквального, конечно, но в смысле завершения в пределах этого мира основных явлений взаимоуравнения и взаимоуравновешения главнейших географически-экономических стихий современного хозяйства» [123]. П.Н. Савицкий обозначает Россию-Евразию как сферу самодовления по преимуществу и относит ее к политико-экономическим цельностям мира. Именно этими факторами природного и хозяйственно-экономического характера предлагает он оценивать политику, направленную на поиски доступа к незамерзающему морскому побережью. Подробно разбирая шаги российских правителей в этом направлении, П.Н. Савицкий критически оценивает их результаты.

К четырем названным авторам позднее присоединилось немало блестящих умов из числа эмигрировавших российских ученых. Правовед Н.Н. Алексеев развивал концепцию особого государственного устройства, характерного как для допетровской России, так и для петровской, а также и для большевистской. Его волновали проблемы религиозного и нравственного обоснования государства и его институтов, как правовых, так и политических. Участие Н.Н. Алексеева в подготовке к публикации второго важнейшего

документа евразийского движения, называвшегося «Евразийство. Опыт систематического изложения вышедшего в свет в 1926 году документа существенно дополнило содержание евразийской мысли новыми идеями и взглядами на специфику русской государственности. Прежде всего существенно то, что он рассматривал и дореволюционную Россию, и Советский Союз как страны, имеющие сходные типы государственного устройства. Отличие последнего он видел в том, что Советский строй был идеократией – то есть государством, все стороны жизни, все институты и структуры которого были подчинены какой-то идее.

Рассуждая о том, как в новом бесклассовом обществе компенсировать отсутствие наследственной элиты, Н.Н. Алексеев ввел понятие «духового ордена», который сплотил бы одухотворенных идей активных представителей народа, способных воплотить эту идею в жизнь. «Мы, – писал Н.Н. Алексеев, – организованное евразийство, род особого восточного ордена. Название "партия" не охватывает нашего внутреннего существа, не совпадает с ним. Поэтому только с некоторыми оговорками, чисто условно, мы можем называть себя "партией". Нужно понять, что при наших целях, во многих ситуациях нам более подобает выступать как орден, как духовное объединение, а не как партия» [2].

Н.Н. Алексеев критиковал установившееся в правопонимании европейцев представление об объективном праве как о подлинном праве. В противовес этому взгляду он связывает понятие права с понятием справедливости, которое в русской культуре напрямую связано с религиозной праведностью и праведной жизнью. Ему явно импонировали отдельные инициативы большевиков, например декларации о том, что новое государство будет строиться на началах федерализма. Еще в тридцатые годы Н.Н. Алексеев выдвинул ставшую позднее популярной идею технократии, суть которой в передаче приоритета специалистам в управлении обществом.

Отдельной темой в размышлениях евразийцев стоит тема туранского начала или туранского элемента. Если предшественники евразийцев

славянофилы искали общие славянские элементы в русской культуре для их использования в деле объединения славян, то евразийцы были вынуждены признать наличие на просторах Северной Евразии, наряду со славянским, также и туранского этнического присутствия и соответствующего культурного влияния. Н.С. Трубецкой заметил, что ареалом расселения восточнославянских племен первоначально была лишь узкая полоска на северо-западе нынешнего российского государства, на громадных просторах к востоку проживали многочисленные племена финно-угорского, тюркского и монгольского происхождения, объединенные им под общим именем туранцев [139]. Отсюда и несомненный вывод о том, что и в этническом, и в культурном отношении славянский элемент должен найти способы гармоничного сосуществования с туранским.

В связи с обсуждением туранского влияния с неизбежностью возникает вопрос об исторических, политических и культурных последствиях нашествия Батыя, когда древнерусское государство было разгромлено и оказалось под властью монголов, а затем ее северная и восточная части на три столетия были включены в состав Золотой Орды. Историки XIX века, как правило, отрицали сколь-нибудь значительное влияние этого периода на последующее развитие России [68]. После чудовищных бедствий и разрушений, полагали они, уцелевшие князья по-прежнему управляли своими землями, платили дань и исповедовали свою религию. Евразиец и профессиональный историк Г.В. Вернадский в своем труде «Монголы и русь» и других публикациях подвергает ревизии эту позицию, подкрепляя тем самым аргументацию Н.С. Трубецкого историческими документами и фактами. «Знакомство москвичей с монгольским способом ведения дипломатии, — писал Г.В. Вернадский, — очень помогало им в отношениях с восточными державами, особенно с государствами, ставшими преемниками Золотой Орды. В определенном смысле, Русь сама была таким государством-наследником, и после распада Золотой Орды представлялось, что правитель Руси имел право заявлять свои требования на лидерство в монголо-татарской сфере» [20].

Теме политического, социального и культурного влияния монголов на Русь в рассматриваемой книге посвящена целая глава, и Г.В. Вернадский тщательно стремится избежать одностороннего взгляда на вещи. Комментируя полемику сторонников и всеобъемлющего влияния монголов на Русь и противников растворения московского политического и культурного начала в золотоордынском прошлом, он находит аргументы для восстановления в правах византийского архетипа и экспликации иных неазиатских рецептов. Вновь и вновь Г.В. Вернадский подчеркивает многокомпонентность проблемы монгольского влияния, восстанавливая историческую картину и подкрепляя основную идею евразийцев об основанном на общем прошлом органическом союзе Запада и Востока в будущем.

Евразийское движение не всеми было встречено доброжелательно. Многие известные философы, ученые и публицисты подвергли высказанные идеи достаточно жесткой критике. Некоторые евразийцы достаточно рано порвали с движением. Так, например, Г.В. Флоровский в 1928 году в статье «Евразийский соблазн» написал, что история евразийцев – это история духовной неудачи. За призывом к духовному пробуждению крылась, по мнению богослова и философа, всего лишь проснувшаяся способность «грезить наяву» [149].

Еще более категоричным был в оценке евразийских идей Н.А. Бердяев. Философ призывал не обращать внимание на содержание самого учения евразийцев, поскольку оно не представляется оригинальным, а является всего лишь версией действительно оригинальной концепции А.Я. Данилевского и других славянофилов. По мнению Н.А. Бердяева, в явлении евразийства интересно «симптоматичное» его значение, поскольку у его представителей есть энергия и молодой задор, они не подавлены революцией и не лишены талантов. В итоге русский мыслитель характеризует евразийство как явление эмоциональное, а не интеллектуальное. Оно стихийно возникло как реакция на революцию и не связана с подлинной жизнью культуры и духа [9].

Подводя итог вышесказанному, следует заключить, что идеи евразийцев возникли в ситуации острого политического и мировоззренческого кризиса, вызванного драматическими событиями двух революций, распада империи и последующими большевистскими преобразованиями. Это не могло не сказаться как на их содержании, так и на форме их изложения – как первое, так и второе несет на себе отпечаток того эмоционального состояния, в котором пребывали авторы движения и соответствующей концепции. Однако, как показало будущее, в идеях евразийцев помимо временного и контекстуального, было немало идей, которые пережили и участников интеллектуального движения, и политическую ситуацию его породившую.

1.3 Новейшие версии идеи евразийства

В довоенном СССР взгляды евразийцев не могли найти никакого отклика в умах тех, кто находился у власти и имел возможность открыто говорить о судьбах страны. Победители были увлечены строительством коммунизма и воплощением идей Ленина. Дискуссии велись лишь о правильном их понимании, но ни в каких интерпретациях ленинского наследия не было возможности для обращения к евразийской тематике. Лозунг пролетарского интернационализма последовательно воплощался и во внутренней, и во внешней политике советских властей, не делавших разницы между Азией и Африкой, Европой и Латинской Америкой. Везде были свои угнетатели и угнетенные, везде находились свои коммунисты и, как следствие, везде появлялись их противники, будь то американский фабрикант или африканский работороговец, азиатский феодал или европейский банкир. Коммунисты ждали освобождения рабочего класса во всемирном масштабе, а вторые предпринимали все усилия для предотвращения всемирной социалистической революции. В этих условиях всякие рассуждения об особом пути России или о евразийском этноконфессиональном симбиозе представлялись неприемлемыми и реакционными.

Когда в самом начале девяностых встал вопрос о цивилизационной идентичности России, многие попытались переосмыслить тему ее культурных корней, объясняющих возможности и границы ее политического, экономического, научно-технического и даже гуманитарного развития. Как писал один из наиболее популярных тогда публицистов Г.С. Померанц, исторически и географически Россия оказалась на перекрестке мощных духовных влияний, что стало не только причиной ее духовной самобытности, но и содержанием ее цивилизационной уникальности. Но при этом мощные кризисы, периодически сотрясавшие российский социум, каждый раз приводили к ломке еще не устоявшегося порядка. «Русские показали себя учениками, способными превзойти своих учителей, но в формах, созданных учителями. Это и сегодня хочется напомнить, в связи с попытками воскресить мертворожденную Евразию. Русскую национальную культуру хочется продолжать с того места, на котором ее рост оборвали большевики. Не пытаюсь упразднить многослойность России, но только превратить глухую вражду принципов в цивилизованный диалог» [109].

Бывший диссидент в концентрированном виде выразил взгляды западников, не видевших перспектив в проекте евразийской интеграции, но полагавших при этом, что межкультурный диалог нужен и важен. Называя Евразию мертворожденной, Г.С. Померанц видимо думал о диалоге Запада и Востока (Европы и Азии), в котором Россия будет географически относиться к этим двум полюсам, но цивилизационно и духовно определится как европейская страна.

Таким образом, все азиатское Г.С. Померанц предлагал оставить истории и отчасти географии, а все духовное и институциональное попытаться покрепче привязать к Европе. Такие взгляды характерны и для большинства нынешних противников евразийской интеграции, считающих Китай, Иран и другие азиатские страны источником угрозы для России, нежели партнером по интеграционному сближению. «Россия восприняла открытость Богу от византийской иконы, доходившей до сердца и без знания греческого языка; и

восприняла западную – с эпохи Ренессанса – открытость миру и человеку, ставшую родной для русского интеллигента. Но еще до этого Россия восприняла из Китая, – через монгольское посредство, – систему подушной подати и круговой поруки, созданную самой антикультурной из китайских династий, сжигавшей книги и топившей в нужниках конфуцианских ученых. Это наследие Цинь Шихуанди и его вельможи Шан Яна стало мощным рычагом в руках князей Москвы...» [109].

В приведенной выше цитате отчетливо видна вся несостоятельность подобного рода «диалога цивилизаций», когда автор, забыв о многочисленных драматических эпизодах европейской истории, когда не менее жестокому преследованию подвергались философы и ученые, стремится привязать события, произошедшие до нашей эры к эпохе формирования социального и культурного архетипа Великого княжества Московского. Между тем идеи евразийцев зажили отдельной жизнью, оторвавшись от политического и исторического контекста их возникновения.

Впервые точки соприкосновения между евразийской мыслью и большевистской идеологией возникают на фоне кламарского раскола, когда П.П. Сувчинский отказался от термина «идеократия» для характеристики типа государственного устройства советского государства, что лежало в основе евразийского консенсуса. И сразу же наметился путь сближения с советской властью, вернее с той набирающей политический вес ее частью, которая с 30-х годов ориентировалась на И.В. Сталина и которой становились все ближе идеи государственничества и патриотизма. «Идеология, – отмечает Б.В. Назмутдинов, – перестала восприниматься Сувчинским в жестком “идеократическом” духе: как строгая система идей, доминирующая над практикой. Одновременно с этим желание отталкиваться от контекста привело к первичному признанию статус-кво в СССР с целью творчески развивать существующую ситуацию. Вместе с другими кламарцами Сувчинский следовал мысли, что евразийство “не дано, а задано”. Оно – не набор догм начала 1920-х гг., а живая идея, раскрывающаяся во времени» [95].

Несмотря на существование намерений некоторых евразийцев сблизиться с советской властью, из этого ничего не вышло. Идея судьбоносного проекта стала забываться и постепенно сошла на нет. Лишь в середине XX века в СССР появился исследователь, которого заинтересовали взгляды евразийцев. Речь идет о Л.Н. Гумилеве, не побоявшемся вступить в переписку с двумя лидерами евразийской мысли: П.Н. Савицким и Г.В. Вернадским. Л.Н. Гумилев оказался автором единственной концепции евразийства, возникшей в СССР. Эта концепция появилась в то самое время, когда «иммигрантское» евразийство фактически прекратило свое существование, хотя отдельные его представители были еще живы. Насколько их взгляды повлияли на Л.Н. Гумилева, оценить сегодня не просто и по этому поводу ведется научная полемика [48].

Будучи увлечен историей Великой Степи, Л.Н. Гумилев пришел к выводу о духовном и историческом родстве народов Евразии. При этом он опирался не только на книги и статьи евразийцев-иммигрантов, которые к середине XX века в основном устарели. Л.Н. Гумилева вдохновили новые открытия в области археологии, лингвистики и источниковедения, значительно расширивших наше представление о прошлом евразийского континента. Постепенно разрозненные данные из истории Дальнего и Среднего Востока, а также из истории восточноевропейской равнины стали складываться в единую картину, и продолжатель дела евразийцев приложил немало сил для того, чтобы это стало возможно. Находясь под влиянием работ Артамонова, которого он обосновано считал своим учителем [4], Л.Н. Гумилев сам принимал активное участие в научных экспедициях, посвященных поискам археологических памятников Хазарского Каганата. Он надеялся найти место, где когда-то располагалась одна из «исчезнувших» столиц древнего хазарского государства – Семендер [29].

Настоящей сенсацией в научном мире и, в еще большей степени, в широких слоях читающей публики, стало появление теории этногенеза, созданной Л.Н. Гумилевым под несомненным влиянием В.И. Вернадского и

Чижевского, в основу которой было положено понятие пассионарности. В своей книге «Этногенез и биосфера земли» он не только разработал концепцию космического влияния на судьбы отдельных народов, но и связал этнологию с идеями и образами натурфилософского учения Вернадского и других космистов. Согласно Л.Н. Гумилеву, влияние солнечных излучений способно повлиять на отдельных людей, а также на целые этносоциальные общности, заряжая их энергией и приводя к этническому перерождению – рождению нового этноса. «Говоря о возможных источниках пассионарных толчков, мы не отбросили только одну гипотезу – космическое излучение. Правда, при нынешнем уровне знания о ближнем космосе эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих» [32].

Рассматривая историю евразийского континента, Л.Н. Гумилев не мог не столкнуться с одной ее особенностью – если история древних и средневековых цивилизаций, таких, например, как китайская, индийская или персидская представлены большим количеством текстов, то на территории северной Евразии или Великой Степи существовало немало государств и племенных союзов, о существовании которых мы узнаем лишь благодаря упоминаниям о них в европейских, арабских, китайских или русских источниках. Эти сведения настолько неполны и отрывочны, что лишь к первой половине XX века начинает складываться более или менее полная картина истории северной Евразии. И картина эта настолько непохожа на западноевропейскую или ближневосточную, что не может не возникнуть вопрос о том, откуда появляются и куда бесследно исчезают многочисленные этносы и племенные союзы. Гунны и авары, половцы и печенеги, сабиры и карлуки, а также многие другие племена неожиданно создают грозные державы, чтобы столь же неожиданно исчезнуть, растворяясь в других племенах и этносах.

Проницательность Л.Н. Гумилева состояла в том, что он изначально рассматривал исторические сведения в контексте природных процессов, а не

только политических или идеологических. Разумеется, он опирался на взгляды русских ученых, которые в значительно большей степени, чем их европейские коллеги, были склонны к восприятию единства социальных и природных процессов. Л.И. Мечников и В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и А.Л. Чижевский, К.А. Тимирязев и Н.К. Рерих объясняли события человеческой истории влиянием космических энергий. Несомненно, это сближало взгляды космистов с учением исихазма о нетварных энергиях, способствуя тем самым синтезу восточно-христианского богословия и натурфилософии, в которой жизнь рассматривается как явление планетарное и космическое.

Особое место в генезисе теории этногенеза Л.Н. Гумилева занимало творческое наследие В.И. Вернадского. Опираясь на данные современной науки, В.И. Вернадский выстроил оригинальную концепцию биосферы земли, согласно которой все в мире подчиняется закону циклического развития живого вещества. «Вернадский исходил из целостного видения мира, в котором действуют единые для всей природы и общества законы. В процессе естественноисторического развития на земле совершенствуется и усложняется не только жизнь (принцип цефализации), но и человечество в целом. Ученый полагал, что разум развивается по законам эволюции жизни и выполняет ее цели. Отсюда вытекает неодолимость возникновения ноосферы, как закономерного этапа развития биосферы» [146].

Согласно концепции В.И. Вернадского, живое вещество представляет собой систему космического масштаба, питаемую солнечной энергией, усваивающую и перерабатывающую ее. Также живое вещество представляет собой не только субстанцию, но и геологический процесс, длящийся более четырех миллиардов лет. Вопреки разнообразным гипотезам эволюционистов, В.И. Вернадский отрицает саму возможность происхождения живого вещества из неживого [19]. Различием между живым и неживым (косным) веществом является в данной теории и структурным, и функциональным. В структуре живого вещества можно обнаружить хиральность

(от древнегреческого χεῖρ — «рука») несимметричность правой и левой стороны.

С точки зрения функциональной нагрузки В.И. Вернадский предлагает посмотреть на живое вещество с позиции выявленных им и сформулированных принципов. Эти принципы объясняют логику и диалектику развития живого вещества, оказавшегося источником геохимических изменений. «В биосфере, – пишет В.И. Вернадский, – существует великая геологическая, быть может космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе, представлениях научных или имеющих научную основу. Эта сила, по-видимому, не есть проявление энергии или новая особенная ее форма. Она не может быть во всяком случае просто и ясно выражена в форме известных нам видов энергии» [18].

Сегодня теория В.И. Вернадского многими современными специалистами в области естествознания считается ненаучной – важнейшие ее идеи не нашли подтверждения в процессе развития научной теории или не выдержали экспериментальной проверки. Более того, в идеях В.И. Вернадского некоторые «специалисты» считают утопическими. «Утопические иллюзии о будущем ноосферном человечестве, – отмечает Л.В. Фесенкова, – порождают фантастические же способы решения глобальных проблем, уводят от поиска действительных путей преодоления кризисной ситуации. Картинами будущего ноосферного человечества они успокаивают общественное сознание, в то время как реальная катастрофа неотвратимо приближается» [147]. С этой точкой зрения трудно согласиться – концепция В.И. Вернадского соответствовала современному ему уровню развития естествознания, но сегодня она скорее принадлежит истории науки, в которой, как известно, выдвижение гипотез оправдано и закономерно, не все они подтверждаются позднее. Согласно принципу фаллибилизма, всякое научное утверждение, сделанное на основе обобщения,

может быть лишь гипотетическим и подверженным ошибкам, которые будут исправляться в ходе дальнейшего развития науки [147]

Возвращаясь к вкладу Л.Н. Гумилева в развитие евразийской мысли, важно подчеркнуть связь его идей с достижениями естествознания и, в особенности, со взглядами советских естествоиспытателей космистского направления, что подтверждает высказанную ранее мысль о единстве русского космизма и неоевразийства. Эту мысль отчетливо выразил историк и филолог Д.С. Лихачёв, опубликовав рецензию на книгу Л.Н. Гумилева и подчеркнув важность синтеза естественных и социогуманитарных наук. «Книга Л.Н. Гумилёва “Этногенез и биосфера Земли” (защищенная автором как вторая докторская диссертация и депонированная в ВИНТИ), в которой он дает систематическое изложение своих представлений об этносе как связующем звене между природой и человеком, уже почти десять лет привлекает к себе пристальное внимание самого широкого читателя» [86]. Причину такой популярности Д.С. Лихачёв видит в титаническом труде автора, собравшего и обобщившего на основе системного подхода огромный фактический материал, накопленный в ходе развития таких наук, как биология, история и география.

Значение Л.Н. Гумилева в адаптации идей евразийцев-иммигрантов трудно переоценить. Работы, посвященные теории этногенеза стали популярными в среде интеллигенции, настороженно относившейся к официальной истории. Но наибольшее брожение умов эти идеи приобрели в эпоху, предшествовавшую распаду СССР и последовавшие за этим годы становления независимых государств. Поиски идентичности стали причиной обращения к концепциям, альтернативным прежней модели прошлого. В одном из своих телеинтервью Л.Н. Гумилев дал определение рассматриваемого им явления. «Евразийство буквально можно понимать как учёт наличия суперэтносов (групп этносов), которые возникают на определённой очень стабильной территории. Евразия – территория между Европой, Китаем и Ближним Востоком» [28].

К созданию оригинальной концепции этноса Л.Н. Гумилев приступил на основе собранного им огромного историко-этнографического материала, остававшегося в тени той европоцентричной картины российской истории, в которой не нашлось достаточно места для событий и процессов, протекавших в разное время на просторах евразийского континента. Одной из отличительных особенностей концепции Л.Н. Гумилева, подчеркивающей его верность принципам евразийской философии, является ее междисциплинарность. Теория этногенеза претендует на объединение естествознания и социогуманитарных наук, прежде разъединенных как содержательно, так и институционально.

Для того чтобы найти подтверждение своих претензий на научность в произведенном им соединении предметных пространств естествознания и истории, Л.Н. Гумилев даже защитил две докторские диссертации – по историческим и географическим наукам. И хотя вторая диссертация так и не была утверждена Высшим аттестационным комитетом, многочисленные сторонники его идей не ставили под сомнение его право оперировать как естественнонаучными, так и социо-гуманитарными категориями. Написанные им монографии и статьи, посвященные истории Хазарии, хунну и древних тюрок отличались от большинства исторических исследований включением в объяснение описываемых событий природно-климатических и иных географических факторов. «Этногенетические взрывы, или толчки, – писал Л.Н. Гумилев, – явление, неотделимое от физической географии. История только фиксирует их, подобно тому, как климатолог фиксирует перемещения циклонов и муссонов, а историко-географ – миграции кочевников Евразии. И теперь очевидно, что проявления активности степных и лесных этносов Евразии, не всегда связанные с климатическими колебаниями, но поражавшие воображение средневековых хронистов, являются результатами взрывов этногенеза» [32]. Позднее его построения назовут теорией периодического увлажнения центральной Евразии, хорошо объяснявшей, например, периодические волны экспансии кочевников на Запад от гуннов до монголов.

Почему Л.Н. Гумилев так заинтересовался историей этносов, а не народов, наций или родоплеменных союзов, находясь под влиянием идей таких ученых, как Н.М. Могилянский и С.М. Широкогоров. Оба они также могут быть причислены к числу евразийцев, тем более что последний жил и работал Китае. С.М. Широкогорову принадлежит очень точное замечание об объективности этногорафов как о недостижимым идеале. Его обращение к понятию этноса было вызвано потребностью преодоления данной необъективности путем уравнивания структурных элементов исследования. Понятие этноса позволяло сделать это значительно лучше, чем понятия народа или племени. «Этнографы, – писал С.М. Широкогоров, – которые подходят к исследуемым ими этносам с удивлением по поводу того или иного явления, преподают рецепты каким образом необходимо этносам изменить их уклад жизни, рекомендуют им те или иные мероприятия в целях улучшения быта и так далее, опираясь преимущественно на опыт и историю своего собственного этноса» [160].

Теория этногенеза Л.Н. Гумилева связывает модель жизненного цикла этноса с понятием пассионарности. Пассионарность здесь определяется как особая активность, заставляющая людей ставить труднодостижимые цели и стремиться к их достижению, проявляя самопожертвование и находясь в сверхнапряжении. Энергетический потенциал этноса максимален в период его рождения и не раз наблюдался в истории. Его главным индикатором является отсутствие обычных рациональных схем, объясняющих поведение индивидов и коллективов. В сочетании с этническим окружением, географической средой пассионарность становится причиной этногенеза, в ходе которого количество пассионариев экспоненциально и стремительно возрастает. До снижения числа пассионариев в этносе длится фаза подъема, сменяющаяся акматической фазой, когда количество пассионариев достигает максимума. Акматическую фазу сменяют фазы надлома и инерции, в течение которой пассионарии замещаются субпассионариями и их число снижается. Последние две фазы –

фаза обскурации и мемориальная фаза, когда этнос доживает свои дни в ожидании экспансии извне и нового этногенеза.

Концепция Л.Н. Гумилева была подвергнута обоснованной критике, а ее автор так и не получил ученую степень, подтверждавшую его научную квалификацию как географа. Зато он был признан историческим сообществом, десятилетием ранее получив искомую степень доктора исторических наук. Этнологи также признали недостаточную научную обоснованность «естественно-географического» подхода к концептуализации феномена этноса [14]. Но мысли, высказанные Л.Н. Гумилевым вызвали отклик в обществе, где многим стало казаться, что предлагаемая неординарным теоретиком конструкция позволит по-новому взглянуть на прошлое «территории между Европой, Китаем и Ближним Востоком», так и на ее будущее.

Не следует думать, что концепцию Л.Н. Гумилева не поддерживают современные ученые. Наоборот, дисциплинарное различие подвергается все более последовательной критике и социальное все менее успешно противопоставляется природному. «О данном явлении, – писал Б. Латур, – говорилось, что оно “социальное”, или “присуще обществу”, когда его можно было определить как обладающее особыми качествами, отчасти негативными – оно не должно было быть “чисто” биологическим, лингвистическим, экономическим, природным; отчасти позитивными — оно должно было реализовывать, укреплять, отражать, поддерживать, воспроизводить или подрывать социальный порядок» [83].

Как и всякая смелая гипотеза, теория этногенеза как естественного процесса, детерминированного законами развития биосферы земли, вызвала к жизни самые разные надежды. Осуществленное Л.Н. Гумилевым объединение природы и общества в едином причинном комплексе этнополитических, хозяйственно-экономических и социокультурных процессов породило надежду на создание точной науки, не только объясняющей, но и с научно-математической точностью, прогнозирующей рассматриваемые явления. Так,

например, Р.Г. Сайфуллин пошел значительно дальше Л.Н. Гумилева, заявив о желании устранить недостатки его концепции и предлагая в дополнение к гелеобиологической гипотезе новую гипотезу, названную им гипотезой о гетерозисном генезисе пассионарности. Автор даже предложил формулу вычисления жизненного цикла «системообразующих» этносов, получившую название числового алгоритма этнополитогенеза. По утверждению Р.Г. Сайфуллина, числовой алгоритм этнополитогенеза «определяет начало и окончание, то есть возрастные рамки, фаз этногенеза и фазовых переходов, а также кризисных периодов внутри фаз подъема, акматике и инерции, аналогичных по своим признакам фазовым переходам» [124]. Этот «алгоритм» построен на основе достаточно поверхностного обобщения исторических данных об этапах эволюции наиболее известных империй и не представляет научной ценности, но показывает, что мечты О. Конта и К. Маркса об открытии законов исторического развития, как и надежды О. Шпенглера и А.Н. Данилевского на выявление закономерностей развития цивилизаций сегодня все еще живы и находят множество приверженцев.

Идеи и тексты Л.Н. Гумилева получили дополнительную актуализацию в период краха коммунистического проекта, а с ним и распада государства, созданного на руинах Российской империи под девизом реализации данного проекта. Рост центробежных настроений в регионах привел к неожиданному результату – гумилевская идея общности и родства евразийских этносов была использована для утверждения об этнической автономии и даже замкнутости. Вместо призыва к духовной интеграции читатели слышали призыв к политико-административной и правовой дезинтеграции. Не только многочисленные малые народы и национальные меньшинства, но и культурно-географически обособившиеся региональные сообщества, такие как казаки или поморы стали претендовать на статус отдельного этноса. Стремление к сепаратизму позволило увидеть в похожих на научные рассуждениях Л.Н. Гумилева аргументы в пользу обособления и

дезинтеграции. Об этом нельзя забывать, опираясь на доктрину евразийства, которая выглядит как абсолютно интеграционная.

Более того, основанием для евразийской интеграции может быть не только евразийство – разрабатывать планы интеграции и готовить соответствующее идеологическое основание можно и в парадигме жесткого антизападничества, так и в контексте умеренного западничества. Евразийство не сводится к концепции особого пути, как не исключает его идея модернизации и даже вестернизации. Невозможно выдать историческую Россию за одну из обычных европейских стран, даже если этим занимаются последовательные западники – слишком велика она по своим размерам, слишком велико ее этническое, конфессиональное и культурное многообразие, слишком существенная ее часть находится вдалеке от европейского континента. Учение Л.Н. Гумилева повлияло не только на историков, этнологов и философов, его отражение можно обнаружить в существовании литературы особого жанра – жанре культурологического пророчества. Например, П.В. Зарифуллин, создававший разнообразные центры, вроде центра евразийских исследований, в мифопоэтическом жанре писал о грядущем возвращении скифов. Авторская аннотация повествует о «скором возвращении Золотых Скифов и Солнечных Русских. Скифское движение поэтов и революционеров возникло в молниеносном 1917 году. «Скифство» стало вершиной русского Народничества и предтечей Евразийства. «Скифами» называли себя лучшие писатели, музыканты и художники Серебряного века. В центре мечты поэтов и народников – на кумачёвом от степных маков кургане стояли кочевники скифы» [49]. Это умонастроение нашло достаточно почитателей как автора, так и его жанра, о чем свидетельствуют тиражи издаваемых им книг.

Интеллектуальное наследие евразийцев представлено сегодня в отечественной академической науке не только как объект историко-философских штудий, но и как источник вдохновения для понимания настоящего и будущего России. Один из тех, кто оказался вовлечен

в процесс переосмысления и творческого развития евразийского взгляда на прошлое и будущее нашего отечества, это А.В. Смирнов – специалист в области истории классической арабской философии. Посвятив многие годы изучению арабского Востока, он сконцентрировал свои усилия на реконструкции ислама как особого типа мышления, укоренного в культуре и языке арабов. А.В. Смирнов свой опыт для интерпретации специфики неевропейского мировоззрения и взглянул на труды евразийцев как на еще одну интеллектуальную и духовную альтернативу Европы. Такой отказ от европейской или, точнее, европоцентристской оптики, позволил А.В. Смирнову выстроить оригинальную неоевразийскую концепцию, центральным пунктом которой оказалась концептуальная оппозиция «общечеловеческое – всечеловеческое».

В основе концепции, противопоставляющей понятия общечеловеческого и всечеловеческого, лежит критика глобализма, проводимого под девизом европоцентризма. Наиболее ценным в евразийстве А.В. Смирнов видит интерпретацию совпадения границ Российской империи с естественными или географическими границами Евразии. Ее естественные границы полностью детерминированы демаркационными линиями, разделяющими ландшафты. Прежде культурологи отмечали, что народы Российской империи объединяет лишь ставшее результатом завоевания административно-политическое подчинение единому центру, тогда как их разделяют этнические, конфессиональные, исторические и даже лингвистические идентичности.

Выстраивая собственную концепцию, А.В. Смирнов стремится критически осмыслить прежние системы евразийской философии, их сходство и различие. «Для евразийства центральной категорией служит категория культуры. Классическое евразийство культуроцентрично, тогда как теория Гумилева этноцентрична. Для классического евразийства главными категориями служат “соборность”, “симфония” — то, что выражает целостность, всечеловечность. Для Гумилева главная категория — “этнос”,

этническая история» [128]. Сегодня это важнейший тезис не только в понимании эволюции евразийской мысли, но и в определении перспектив ее дальнейшего развития. Можно даже утверждать, что наличие двух позиций – культуроцентрической и этноцентрической – рождает совершенно разные типы неоевразийской мысли. И, как следствие, из этого утверждения необходимо различать культурологический и этнологический подходы к определению специфики евразийского взгляда на мир.

Общим для этих двух течений евразийской мысли следует признать то обстоятельство, что Н.С. Трубецкому и П.Н. Савицкому, Г.В. Флоровскому и П.П. Сувчинскому удалось увидеть в множестве различных этноконфессиональных и социальных общностей Евразии некое духовное и культурное единство, определяемое единым географическим пространством. Такой синтез естествознания и социогуманитарных наук был, несомненно, оправдан. Общий равнинный ландшафт Евразии состоящий из бескрайних степей и столь же бесконечных лесов, ограничен непроходимыми горами и пустынями на юге и Ледовитым океаном на севере не мог не привести к выработке у представителей различных религиозных, этнических и культурных сообществ сходных адаптационных стратегий, отличающих их от индусов, китайцев или западных европейцев, чья природная среда сделала их другими. Климат и почвы, растительность и животный мир не могут не объединять людей, как бы сильно не отличались их языки и верования. А.В. Смирнов особо подчеркивает то обстоятельство, что утверждения евразийцев основывались, среди прочего, на результатах их собственных исследований. Так, по его мнению, крайне важно, что П.Н. Савицкий еще в начале века обратил внимание на влияние земельно-почвенного фактора, ставшего одним из важных аргументов, подтверждающих уникальность евразийской природной среды, а Н.С. Трубецкой показал взаимосвязь языковых и социокультурных детерминант евразийской общности.

В центре теоретических построений самого А.В. Смирнова, фактически обобщающего построения евразийцев первой волны, оказываются

философско-культурологические понятия «месторазвитие» и «культуроличность». О том, что понимали под месторазвитием евразийцы, можно судить по стихотворению, написанному П.Н. Савицким, строки которого могут выступать как дефиниция этого понятия:

«Месторазвитие.

Земли и неба чары,

И сила властная волны, воды, травы,

Тобой горят вечерних зорь опалы

И дышат тайные преданья старины» [120].

Обращение к категории места в противовес понятию пространства характеризует философию евразийцев как философию, стремящуюся к возвращению к традициям антично-средневекового мирозерцания. Как известно, одна из главных интенций научной революции Нового времени, закрепленной посредством картезианской парадигмы, состоит в отказе от категории места и переходе к понятию пространства [70]. Это одна из важных составляющих отказа от стратегии универсализации – аристотелевские категории позволяли мыслить вещи как уникальные, чья уникальность определяется в том числе уникальностью и неповторимостью каждого места в подлунном мире.

Для того чтобы избавиться от картины мира как совокупности мест и перейти к изоморфному геометрическому пространству, Галилей, Декарт и другие отказались от самого понятия места. Превратив тем самым вещи в тела, а тела в материальные точки, создатели механической картины мира решили важную технологическую задачу на пути к математическому описанию движения. Однако мировоззренческие и методологические следствия сохраняются и после отказа от механической картины мира. Их преодолению способствует возврат к категории места и введение в оборот «евразийского» понятия месторазвития [76].

Как отмечает Н.Н. Лавринова, «Россия – Евразия это «месторазвитие», единое целое, одновременно географический, этнический, хозяйственный,

исторический ландшафт. Социально-историческая среда не может рассматриваться вне территории, так как, не зная ее свойств, невозможно понять явления, особенности и образ жизни в данной среде. «Месторазвитие» – это категория синтетическая, охватывающая одновременно и социально-историческую среду, и занятую ею местность» [80].

А.В. Смирнов вслед за евразийцами первой волны определяет культуричность как результат симфонии народностей, языков, религий всех субъектов органически единого свободно и гармонично развивающегося евразийского социума [128]. Понятие «культуричность» («культуро-личность») впервые ввел в философию Л.П. Карсавин, и оно с самого начала выражало неприятие либерального миропонимания и персоналистической философской традиции, ассоциируемой с европейской культурой в целом. Принимая общую для славянофилов и западников установку, согласно которой личность играет особую роль в генезисе и эволюции культуры и что именно личное начало актуализирует культурные ценности и смыслы, Л.П. Карсавин с неизбежностью артикулирует понятие бытия в культурософском ключе. При этом такая культурософская персонология оказывается связана с традицией русской религиозной философии, апеллирующей к святоотеческому наследию восточного христианства.

Будучи представителем русской религиозной философии и встав на позиции евразийства, Л.П. Карсавин четко определил свое отношение к устоявшейся европейской традиции научного изучения культуры и личности. Прежде всего он отвергал аналитический метод, согласно которому культура, как и всякий иной феномен бытия или мышления, может быть адекватно представлена как система, состоящая из достаточно автономных элементов. «Изучая культуру со стороны ее единства, – писал Л.П. Карсавин, – мы принципиально отвергаем и понимание культуры как простого систематического единства ряда "самостоятельных" сфер (государственности,

социального строя, экономического строя, духовной культуры), и монистическое понимание ее путем выведения всех частных сфер из одной какой-нибудь частной же сферы (например – экономической), и пренебрежение к самому существенному моменту культуры, к принципу ее единства, не совпадающему ни с одной из частных сфер, хотя и участвующемуся в одной из них (именно – в государственной)» [62].

Как отмечают исследователи, созданная Л.П. Карсавиным культурософия была попыткой синтеза восточнохристианского учения об исихазме (умном молчании), а также возникшей под ее влиянием русской философии всеединства с европейской социальной философией и даже теоретической социологией конца XIX – начала XX веков. Согласно принципам той традиции, приверженцем которой был Л.П. Карсавин, ни культура, ни бытие в целом не могут быть разделены на части и сведены к сумме своих частей. Данная методологическая установка называется органицизмом, а ее противников часто упрекают в механицизме или редукционизме, что оправдано лишь отчасти. Если мы настаиваем на том, что целое больше, чем сумма частей, то корректнее называть эту установку не органицистской, а холистской – в самом слове «органицизм» присутствует сравнение социального с биологическим, но у всякой аналогии есть свои границы. В современной методологии используются иные термины: меризм (от греческого «мерос» – часть) и холизм (от греческого «холос» – целое), что представляется более удачным, ибо избавляет рассуждение от отягощающих мысль образов и метафор [85]. Таким образом, позицию Л.П. Карсавина, а вместе с ним и позицию евразийцев можно квалифицировать как холистскую.

Следствием холизма Л.П. Карсавина можно считать отсутствие границы между культурой, обществом и миром в целом. Культура здесь выступает как живой континуум, позволяющий говорить об одухотворенности природы и общества. В этом живом и всеедином континууме все устроено согласно принципам симфонии, соборности и органической целостности, все иерархично, но высшие уровни иерархии не подчиняют низшие, а действуют

в едином порыве. И личность в этой системе – та самая животворящая духовная сила, предотвращающая распад единства или насилие одних элементов над другими. При этом в полном соответствии с принципом всеединства все содержится во всем и все переходит во все: культура превращается в личность, а личность – в культуру. Но условие реализации всякой личности – стремление к Абсолюту, который Л.П. Карсавин характеризует как стяженную симфоничность.

В этом дискурсе и рождается понятие культроличности, занимающее столь важное место в неоевразийской концепции А.В. Смирнова. «В культурософии Л.П. Карсавина, – пишет Н.В. Брусенцова, – «культуро-личность» наделяется следующими качествами: «симфоничностью», духовностью, самобытностью. Она характеризуется наличием души, в которой трансцендируются абсолютные ценности и идеалы и от которой зависит специфика имманентных данной культуре ценностных иерархий; «идеей-правительницей», аккумулирующей национальную идею и отражающейся в национально-культурном мифе; самосознанием и самопознанием» [15].

А.В. Смирнов подчеркивает особое понимание уникальности, мыслящееся в понятии общей символической личности. Это понятие противопоставляется понятию личности, созданному в процессе развития европейской философии, где при всех декларациях личностной уникальности и неповторимости просматривается ее универсальность и даже шаблонность, основанная на праве и общественном договоре. Под общей символической личностью А.В. Смирнов вслед за А.Я. Данилевским предлагает понимать собрание разных личностей, каждая из которых может как принадлежать одной из разных культур, так и возникать на перекрестке нескольких культурно-исторических типов.

Здесь и далее в рассуждении А.В. Смирнова возникает реконструкция поисков идентичности, осуществляемая А.Я. Данилевским в своем исследовании русского историко-культурного архетипа. Согласно этой

реконструкции, славянство представляет собой второй уровень идентичности, а всечеловеческое – третий, тогда как первый уровень – русский – определялся как основание всей пирамиды. Но «славянство, – пишет А.В. Смирнов, – не может составлять второй уровень идентичности для России. Историческая судьба России такова, что для нее ее месторазвитие и стало вместилищем сразу и первого, и второго уровней идентичности. Тот культурный синтез славянского и туранского, византийского и монгольского, который образовал Россию-Евразию, создал тем самым совершенно особую ситуацию логики все-субъектности» [128].

Таким образом, можно констатировать, что суть концепции А.В. Смирнова, как и всего культурологического (или академического) крыла неоевразийства в том, чтобы продолжать исследование особой логики евразийцев, укорененности евразийского мышления в языке и культуре (или языках и культурах) многочисленных народов. Он апеллирует к собственному исследовательскому опыту и полученным им в ходе исследования результатам, показывающим различие между логикой европейцев и арабов. В подтверждение гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира и Дж. Уорфа, а также концепции У. Куайна А.В. Смирнов на основе сравнения арабского языка с индоевропейскими показывает, как разные грамматики порождают разные картины мира. Обнаружив процессуальный характер картины мира, выстроенной на основе арабской грамматики, он находит новые аргументы в пользу тезиса о множественности культурных миров и культурном плюрализме. Это дает А.В. Смирнову основание полагать наличие перспективы нового понимания смысла и назначения евразийской культуры и подтверждает основную идею евразийцев о торжестве всечеловеческого и о несостоятельности европоцентристской концепции общечеловеческого.

Среди тех, кто в позднесоветские и постсоветские времена вернулся к идее евразийства и начал ее творчески развивать в новых исторических условиях, можно выделить линию, альтернативную исследовательско-академической. Еще до того, как о переориентации на

Восток всерьез заговорили российские политики, об этом неустанно писал А.Г. Дугин. Российский философ и политолог полагал таким образом найти идейную опору для интерпретации близкой ему по духу европейской консервативной политической философии в русском контексте. А.Г. Дугин соединил идеи евразийцев с западной консервативной политической философией, представленной такими именами как Жозеф де Местр, К. Леонтьев, Р. Генон. К. Шмидт и другие [41]. С именем А.Г. Дугина может быть связано направление неоевразийства, которое можно было бы назвать политическим или геополитическим. Общей особенностью взглядов представителей этого течения можно считать деятельностьную установку, суть которой может быть выражена известными словами К. Маркса: «До сих пор философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Прежде всего А.Г. Дугин задается вопросом о теоретическом фундаменте консерватизма, ценности и цели которого были бы адекватны ценностям и целям евразийства. Он обращает внимание на странную инверсию, произошедшую с идеями европейских консерваторов в случае их «прорастания» на российской почве, где сам строй духовной жизни иной, нежели в Европе. А.Г. Дугин описывает русскую реакцию на приезд французского мыслителя и дипломата Ж. де Местра – поклонниками одного из столпов западноевропейского консерватизма становятся отнюдь не славянофилы. Напротив, защитником французских традиций выступает П.Я. Чаадаев, ставший инициатором духовным наставником и предводителем русских западников [40].

Именно так выглядит парадокс русской духовной жизни – западником в России называют того, кто почитает европейские традиции и отмечает любую их критику, независимо от того, исходит ли она со стороны, противоположной Западу, например, из России, или же она звучит из уст тех европейцев, которые хотят изменений внутри Запада и подвергают критике эти самые традиции. П.Я. Чаадаев уверенно встал на защиту той Европы, которая родилась в ходе

осмысления европейскими философами собственной цивилизационной идентичности, а также уникальности ее культуры и ценностей. Не скрывая своей грусти, первый русский философ-западник пишет: «мы можем только завидовать доле народов, создавших себе в борьбе мнений, в кровавых битвах за дело истины целый мир идей, которого мы даже представить себе не можем, не говоря уже о том, чтобы перенестись в него телом и душой, как у нас об этом мечтают» [159].

Такая позиция в общем-то не удивительна – консерваторы, критикующие настоящее лучше других, осознают и формулируют ценность того, с чем спешат расстаться реформаторы. Это происходит «потому, – замечает А.Г. Дугин, – что содержание католического консерватизма де Местра в сравнении с православными устоями русского монархического поствизантийского общества выглядит как самый настоящий модернизм. Поэтому консервативные исследования должны быть в первую очередь типологическими, функциональными, иначе говоря, социологическими, философскими, а не только политологическими» [40].

Какой вывод можно сделать из этого факта? Самым простым ответом здесь был бы тезис о зеркальной симметрии идеологий России и Европы – российские правые тождественны европейским левым и наоборот. Эта позиция хорошо иллюстрируется мемуарами о Суворове, давшими начало всем известной пословице: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть». А.Г. Дугин считает, что этот ответ неверен и предлагает различать две линии типологического сопоставления, первую из которых можно назвать функциональной, а вторую – содержательной. Функционально европейцу Ж. де Местру соответствуют славянофилы тех времен: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский или К.С. Аксаков; как французский дипломат, так и названные русские литераторы являются традиционалистами и реакционерами.

От вышеприведенной логики А.Г. Дугин предлагает отказаться, различая два подхода к определению понятия консерватизма. Первый

подход – функционалистский – позволяет трактовать консерватизм как совокупность убеждений, суть которых в защите прошлого перед лицом настоящего и будущего. А второй, получивший у А.Г. Дугина название содержательного, является политико-идеологическим. В русле этого подхода становится ясно, что католический консерватизм, сопоставленный не с католическим модернизмом, а с русской реальностью способен рождать лишь стремление к либерализму, космополитизму и вестернизации, сочетающей в себе западнические и модернизационные интенции.

Таким образом, критически рассматривая мысль русского западника, А.Г. Дугин ставит перед российскими философами и, в первую очередь, перед собой новую задачу – найти в трудах Ж. Де Местра не аргументы в защиту европейской традиции, а понять суть традиционализма вообще и превратить консерватизм из системы ценностей в познавательную и методологическую установку. Он приводит, в частности, в качестве примера того, какими амбивалентными могут быть оценки консерватизма при изучении исторических фактов то, что русские старообрядцы ассоциировались с консерваторами в одних контекстах, но оказывались склонны к ценностям индивидуализма и модернизационного либерализма в других. Исходя из этого А.Г. Дугин приходит к выводу о том, что «изучение феномена консерватизма требует, в первую очередь, исторической и географической контекстуализации.

В содержательном смысле консерватизм целиком и полностью зависит от исторического контекста и, если угодно, национального. Чистого универсального консерватизма, который был бы как, например, социализм или либерализм, то есть самостоятельной и обобщающей идеологической моделью, и который можно было бы возвести в сводную теорию, нет и быть не может [40]. Итогом анализа, проведенного А.Г. Дугиными, становятся два положения, первое из которых отвечает на вопрос о том, чем консерватизм точно не является, тогда как второе – тезис о том, что консерватизм если не отрицает прогресс, то релятивизирует его. То, что делает народы и общества

различными, утверждает этот адепт консерватизма, имеет положительное, а не отрицательное значение. И это рассуждение носит программный характер, ибо оно призывает не столько к продолжению изучения интересующих автора явлений, сколько к формированию политической философии действия, то есть к выдвижению на основе высказанных мыслей некой политической программы и к воплощению ее в жизнь.

Таким образом, проведенный в данном параграфе анализ позволил выделить в неоевразийстве три основные линии, каждая из которых имеет сегодня свое развитие и далека от завершения. Первая линия неоевразийства может быть названа этнологической и берет свое начало в творчестве Л.Н. Гумилева, его учеников и последователей. Ее адепты чаще всего не проводят специальных исследований, но ориентированы на общественную деятельность и публицистику. Вторая линия неоевразийства, как было показано выше, получила название культурологической и связана с академическими исследованиями места России в межкультурном диалоге «Восток – Запад». Наиболее яркими представителями этой линии могут быть признаны А.В. Смирнов, А.А. Гуссейнов и некоторые другие сотрудники Института философии РАН. И, наконец, третья линия неоевразийства, представлена политическими философами А.Г. Дугиным, Т. Сергейцевым и другими философами, разделяющими консервативные убеждения и ценности.

Глава 2

Евразийская интеграция XXI века: от теории к практике

2.1 Логика и прагматика евразийской интеграции

Социальный, политический, экономический и культурный контексты евразийской интеграции в начале третьего десятилетия XXI века определяются целым рядом обстоятельств. Можно согласиться с точкой зрения О.Г. Леоновой, которая относит к числу факторов, ускоряющих динамику глобальных политических процессов, углубляющееся различие в развитии технологий, в особенности, если учесть то значение, которое приобретает компьютеризация и цифровизация всех сфер социальной жизни. Растущее технологическое отставание одних стран от других провоцирует рост экономического неравенства и усиление конкуренции между ними, протекающее на фоне неконтролируемой миграции, изменения климата, кризиса в сфере здравоохранения и иных глобальных проблем. Ситуация усугубляется ростом количества и изменением природы международных конфликтов – появились гибридные способы ведения войны, вызвавшие к жизни новое понимание сущности феномена безопасности. Ускоряется движение к многополярному и полицентричному миру, вытесняя на периферию идеи глобального лидерства и мирового гегемонизма. «Взаимодействие двух этих групп факторов, – пишет О.Г. Леонова, – порождает нестабильный и нелинейный характер динамики глобальных политических процессов. Важнейшим следствием ускорения динамики глобальных политических процессов является постепенное проявление новой конфигурации геополитического ландшафта и трансформация мирового геополитического пространства, изменение соотношения геополитических сил и смещение центра тяжести с Запада на Восток» [84].

Евразийская интеграция – процесс прежде всего социальный, хотя в литературе его чаще всего представляют как экономический, политический

или даже геополитический. Но анализировать его сферы по отдельности можно лишь обеспечив теоретическую и аналитическую целостность рассмотрения, не сводящуюся к учету политических факторов в экономическом планировании или экономических реалий в разработке политических программ. Необходима теоретическая и административная координация усилий разных сфер и уровней сопровождения интеграционных процессов и активное участие в управлении последними.

Даже при поверхностном обсуждении дисциплинарной ограниченности изучения и проектирования евразийской интеграции обращает на себя внимание то обстоятельство, что используемые экономистами и политологами терминология и словарь гораздо более привычный для историков, культурологов и религиоведов. Это лишний раз свидетельствует о том, что на макроэкономических и геополитических уровнях анализа явления, которые обычно относят по ведомству политики и экономики, детерминированы действием историко-культурных и этноконфессиональных факторов. Так, в свое время Е.Т. Гайдар сделал немало интересных замечаний по поводу соотношения теории и практики в развитии социально-политических и экономических систем. Его опыт проведения экономических реформ в России ценен тем, что именно в нем как нельзя отчетливее проявился разрыв между способностью управленцев и консультирующих их экспертов прогнозировать будущее и, тем более, его проектировать или конструировать.

Имеющиеся у современного ученого концепции социальных изменений в той или иной степени связаны с философским осмыслением феномена модерна. Между тем, как было показано в первой главе, в арсенале исследователя сегодня множество теорий модерна и выбор между ними может стать настоящей проблемой для теоретика, не говоря уж об управленцах, вынужденных принимать практические решения. Однако в своих размышлениях о возможностях и границах модернизации он сразу же переходит к теме двух цивилизаций, написанных в самый разгар реформ в 1994 году. При этом Е.Т. Гайдар обращается к теме «Восток-Запад» с

совершенно неожиданной стороны. Ставя перед собой задачу не только сохранения России от скатывания до уровня стран «третьего мира», но и обретения прочного места в «первом мире», радикальный реформатор также апеллирует к успешному опыту азиатских стран. «Важнейшая для нас сегодня историческая дилемма, – пишет Е.Т. Гайдар, – может рассматриваться как традиционное противопоставление “Восток – Запад”. Это одна из главных дихотомий мировой истории, по крайней мере до пробуждения Азии в конце XIX века. С тех пор многие страны Востока (в том числе и самого дальнего) стали умело использовать принципы западной социальной системы» [24].

Из этой цитаты и из последующих утверждений нетрудно увидеть, что тот, которого обвиняли в последовательном западничестве, предлагал обратиться не столько к социально-историческому опыту Запада, который в российских условиях вряд ли воспроизводим. Действительно, невозможно «обойти» те вехи, которые сформировали современную Европу, будь то средневековые города с их производственными цехами, свободами горожан и общественностью или феодальные отношения, складывавшиеся на руинах Римской империи или в непосредственной близости от бывших ее границ, «двоевластие» Короля и Римской Курии или рецепции римского права. А вот опыт Азии, с разной степенью успешности копирующий и адаптирующий западные политические, экономические, правовые и социальные институты вот уже более столетия, изучать и осваивать просто необходимо. Отсюда и интерес России, которая также осознает себя не-Западом, как прежде осознали себя не-Западом Япония и Китай, Индия и Сингапур, Южная Корея и Турция, к восточному опыту преобразований.

Будучи специалистом по истории западной экономической мысли, Е.Т. Гайдар обращается к введенному К. Марксом понятию азиатского способа производства. Анализируя установившиеся в азиатских государствах отношения между обществом, государством и индивидами, основоположник исторического материализма отмечал, что в восточных деспотиях отсутствовало само понятие частной собственности. Единственным

земельным собственником и, в то же время, единственным сувереном в Азии является государство, которое противостоит производителям. Следствием этого важного отличия является фактическое совмещение ренты и налога, а также и то, что частное и общинное владение и пользование землей не приводит к частной собственности на землю. Результат данного типа общественных отношений – становление экономического и политического господства бюрократии, постепенно обретающее все более и более деспотические формы. Е.Т. Гайдар обращается к наследию основоположника китайского легизма Шана Яна, основным содержанием учения которого можно считать концепцию сильного государства. «Когда народ слаб, – утверждал Шан Ян, – государство сильное, когда государство сильное, – народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ. Если народ прост, – [государство] сильное; ежели народ распущен, – [государство] будет слабым. Если народ слаб, он бредет по указанному пути; если же он распущен, то он своеволен» [69].

Видя в древнекитайском легизме основное содержание общественных, политико-правовых и хозяйственно-экономических отношений Востока, Е.Т. Гайдар находит в азиатских цивилизациях древности и средневековья общие черты, наиболее заметными среди которых являются отсутствие гарантий частной собственности и прав граждан. Если частный собственник на Востоке богат, но не связан с властью, то он беззащитен перед произволом бюрократов, он может быть обобран поборами и конфискациями, а также ограничен в потреблении нравами и обычаями сословного общества. Только должность может защитить собственника от произвола алчных чиновников, потому что собственность рассматривается в восточных деспотиях как «законная» добыча власти. «В истории восточные общества возникли, – пишет Е.Т. Гайдар, – за много тысяч лет до западных. Отношения власти реально являются важнейшими для упорядочивания ситуации в любом человеческом общежитии, начиная с племени. Отношения власти и подчинения возникают

раньше, чем накапливается собственность, чем формируется система отношений собственности» [69].

Таким образом, власть в древней и средневековой истории Востока, а до поры до времени и Запада была первична, а владение собственностью понималось как ее следствие. Желание накопить и сохранить в мирное время столь же зависело от власти, как и во время войны – стремление захватить и удержать зависит от силы. Именно власть выступает как средство структурирования общности людей и управления их деятельностью. Из этого рассуждения Е.Т. Гайдар делает вывод о том, что сегодня на Востоке умелое использование принципов западной социальной системы, умение добиться технологического процветания и экономического благополучия удалось там, где сумели создать надежные механизмы, обеспечивающие неприкосновенность частной собственности.

Восточные общества считаются стабильными и лишь изредка переживающими великие потрясения вроде завоеваний или народных восстаний, когда от одной правящей элиты власть переходит к другой, иногда чужеземной, иногда рекрутируемой из состава восставших народных масс. Но при этом в самом социальном устройстве не изменяется ничего – отношения собственности намертво вписаны в матрицы власти. «Твердо подчиняя собственность власти, восточные общества (не отдельные законы, не династии, а базовая социально-экономическая структура этих обществ) остаются в высокой мере стабильными. Бурные метаморфозы в них начались, пожалуй, лишь в конце XIX–XX века, в процессе массированного взаимопроникновения разных типов цивилизаций» [69].

Между тем, несмотря на обстоятельные рассуждения и правильные выводы, в проводимой Е.Т. Гайдаром политике преобразований нельзя найти никаких действий, направленных на создание легитимной частной собственности и надежных механизмов, обеспечивающих ее неприкосновенность. Опыт управления социальными изменениями в России

приводит к тривиальному, на первый взгляд, выводу об уникальности объекта управления. Именно эту точку зрения обосновывает А.В. Семенов, представивший обобщенный итог концептуального рассмотрения системы, сложившейся в результате реформ девяностых сотрудниками Института экономики РАН. «При разработке рекомендаций по программе финансовой стабилизации для России, – пишет А.В. Семенов, – МВФ впервые в своей многолетней практике столкнулся со столь сложным и уникальным объектом. Его своеобразие выходит далеко за рамки рациональных особенностей, присущих любой стране. Речь идет о масштабах и уровне индустриального развития страны, ее высокоразвитом научном потенциале, уровне образовательной и профессиональной подготовки работников и, наконец, о ее геополитическом месте на мировой арене» [125].

В своем рассмотрении *post factum* ошибок реформаторов Л.И. Абалкин констатировал неприменимость в случае России так называемых универсальных моделей, в которых, на самом деле объединен управленческий опыт стран западной Европы и Северной Америки с результатами более или менее успешных экономических реформ, проводимых в странах третьего мира. Между тем, внешнее управление трансформацией экономики было именно таким, что и привело к нежелательным результатам, не решив практически ни одной из поставленных задач. Так, по мнению Л.И. Абалкина, на практике был вынесен приговор теоретической модели, основанной на слепом копировании и некритическом применении методов монетаризма [1]. С этим заключением в принципе можно согласиться, но тогда встает вопрос – возможно ли что-то прогнозировать в управлении Россией, не говоря о проектировании и конструировании.

Между тем, обращение к теме теоретических основ евразийской интеграции, делает неизбежным обращение к имеющемуся в арсенале социальных философов, социологов, политологов и экономистов теории социальных изменений. Евразийская интеграция в контексте теории социальных изменений выглядит как сложный социальный процесс,

относящийся к разряду открытых и многоуровневых. Практики давно подметили, что он также является разноскоростным, а его участники – гораздо более неоднородны, чем участники общеевропейской или латиноамериканской интеграции. Все это необходимо учитывать и восполнять пробелы в существующей социальной теории средствами и методами социальной философии.

Следует заметить, что социальный процесс всегда был в центре интереса тех, кто занимался изучением общества. Теория социального процесса разрабатывалась начиная с XIX века, но именно сейчас она оказалась востребована в таких практикоориентированных областях, как теория управления, политическая и экономическая регионалистика и других. «Интеграция социологии и социальных наук, – пишут М.В. Морев, В.С. Каминский, – в “культуру власти” позволит на основе конкретных исследований определять основные направления и средства реализации социально значимых целей, давать научное обоснование, прогноз последствий принимаемых решений, оценку реализуемых мер в соответствии с четкими критериями эффективности» [93].

Действия людей обычно поддаются рациональному объяснению, хотя не все они могут быть отнесены к числу рациональных – некоторые могут быть квалифицированы как эмоциональные или аффективные, а некоторые – как традиционные или рутинные. В традиционных обществах все множество социальных действий и взаимодействий не приводит к сколько-нибудь заметным изменениям общества, его структуры, институционального строя, системы ценностей. Но если социальные изменения все же происходят, то всегда они представляют собой совокупный результат целенаправленной деятельности индивидов. «Основное, что характеризует современные социальные процессы, – отмечают В.С. Диев, В.Н. Руденко, В.В. Целищев, – это сложность и неопределенность. В таких условиях человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, позволяющей сравнивать различные варианты действий, и выбирать тот, который наиболее

полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. Поэтому объективно растет спрос на социальные знания, на методы социальных исследований, на социальные теории, с помощью которых можно не только объяснять случившееся в прошлом, но также строить обоснованные прогнозы на будущее» [37].

Деятельность индивидов и коллективов на макроуровне представляется как единый процесс, но при ближайшем рассмотрении, то есть при выходе на микроуровень она распадается на отдельные социальные действия людей и их взаимодействия. Для того чтобы изменения вообще произошли, а затем еще и сохранились, они должны быть закреплены путем трансформации прежних институтов и ценностей, а иногда и рождения новых. Но общество, как и любая инерционная система, обладает целым рядом защитных механизмов, препятствующих стремлениям людей что-то изменить, а если уж изменения неизбежны, то они также должны носить системный характер, ибо изменение всего одного института крайне редко не сказывается на функционировании остальных.

Для того, чтобы социальные изменения состоялись, действия индивидов должны быть, с одной стороны, однонаправленными и повторяющимися, а с другой они должны соответствовать новым, еще не сформировавшимся институтам, а также ориентироваться на новые цели и ценности. Только такой трансформационный процесс позволит реализовать и закрепить социальные изменения. Согласно концепции социального процесса Р. Парка и Э. Берджеса можно выделить следующие его виды: кооперация, конкуренция, адаптация, конфликт, ассимиляция и амальгамизация [179].

Главным методом анализа социальных процессов здесь выступает так называемый ситуационный метод, который позволяет каждый раз оценивать то уникальное сочетание действующих субъектов, сил и факторов, которое может способствовать объяснению характера и направленности изменений и, как следствие, возможности их прогнозирования. Как отмечает Э.В. Стоунквист, «ситуационный подход дает ключ к пониманию как степени,

так и рода той дезорганизации, которую влечет расовый и культурный конфликт. По мере того, как напряжение спадает благодаря работающим приспособлениям и постепенной ассимиляции, ослабевает также и личностная дезорганизация... от первоначальной фазы, когда устанавливаются контакты, к последующим фазам конкуренции и конфликта, каждая из которых увенчивается краткими или долгими периодами аккомодации, – и все это сопровождается процессом культурного взаимопроникновения и биологической амальгамации, который понемногу уменьшает дистанцию и различия, так что на месте конфликтов возникает более широкое общее понимание...» [130]. Таким сложным и противоречивым представляется путь адаптации социальных групп и индивидов в ходе процесса социальной интеграции.

Наивно полагать, что при умелом управлении евразийская интеграция будет проходить лишь в форме кооперации. Даже самые продуманные действия политических элит и бизнеса в направлении интеграции вызовут к жизни весь перечисленный набор социальных процессов. От того, насколько умелыми будут действия властей и насколько проработанными будут политические, социальные и культурные программы евразийской интеграции, зависит функциональность и управляемость всех социальных процессов, в том числе и таких как конфликты или даже ассимиляция.

Из всего многообразия социальных процессов можно выделить главный, обеспечивающий интеграцию – процесс кооперации. Кооперация (от латинского *cooperatio* – сотрудничество, совместная работа) может рассматриваться как добровольное объединение для совместной деятельности, прежде всего в сфере экономики. Необходимость совместного решения экономических задач невозможна без культурного и ценностного сближения, необходимого для минимального взаимопонимания. Для того чтобы интеграция была не только успешной, но и глубокой, процессы и практики кооперации должны охватывать все уровни социального взаимодействия – межгосударственный, страновой, региональный,

межгрупповой, групповой, межиндивидуальный. К числу необходимых условий для этого крайне важно добиться если не соответствия, то хотя бы системной совместимости структур, институтов, целей и ценностей всех субъектов интеграции и интегрируемых объектов.

Процессы экономического взаимодействия и культурного сближения в ходе кооперации нуждаются в отдельной проработке. «Область самых широких культурных влияний, – отмечают Р. Парк и Э. Берджес, – совпадает с областью торговли, потому что торговля в самом широком ее проявлении неизменно осуществляется при определенных ограничениях обычая и обычного права... Но если область экономического процесса почти всегда совпадает с самыми широкими областями культурного влияния, она не распространяется на более мелкие социальные группы. Торговля, как правило, не вторгается в семью. Семейные интересы всегда носят личный характер, даже если они осуществляются в рамках форм коммерции» [175]. Другими словами, кооперация является драйвером как экономической, так и социальной интеграции, но этот процесс идет на разных уровнях и, как правило, он носит «разноскоростной» характер.

Если кооперацию мы рассматриваем как вид партнерства, то конкуренция означает борьбу за ограниченные ресурсы, причем, как материальные, так и нематериальные. Социальная философия позволяет рассматривать такие нематериальные ресурсы как язык, идеологию или историческое знание в качестве конкурентного преимущества в борьбе за власть, привилегии, доминирование, что в итоге, позволяет более эффективно бороться за материальные ресурсы. При этом конкурировать за нематериальные, то есть символические ресурсы в современном глобализированном мире можно с использованием любых средств, а не только экономических. Это наглядно видно на примере борьбы против русского языка, ведущейся вот уже более трех десятков лет в Восточной Европе и странах, прежде бывших республиками СССР. Не случайно один из самых одиозных президентов Украины Виктор Ющенко опубликовал с «говорящим»

заголовком: «Чия мова — того й влада» [159], что в переводе на русский означает «чей язык — того и власть».

Между тем, борьба за ограниченные ресурсы, как материальные, так и символические есть неотъемлемая часть любых социальных изменений, в том числе и интеграционных. В процессе социальных преобразований неизбежно приходят в движение прежние порядки, обеспечивающие использование ресурсов, ставится под вопрос легитимность владения ими, появляется возможность частичного или полного их перераспределения. Здесь возникает традиционный вопрос, актуальный и для теории управления, и для политических практик: как сделать конкуренцию, рождаемую самим процессом интеграции функциональной и предотвратить возможные дисфункции? Ответ хорошо известен из конфликтологии: управлять конфликтом можно при наличии административного ресурса, а также знания причин конфликта, ситуации, предшествующей ему, целей сторон и желаний участников и тому подобное.

Особый вид управления конфликтами представляет собой управление конкурирующими хозяйствующими субъектами. Здесь, с точки зрения экономики и управления, задача сводится к созданию эффективного правового регулирования, ставящего участников в равное положение и гарантирующего честность экономической конкуренции. Конкуренцию сегодня также исследуют главным образом экономисты. Но этот процесс имеет весомую социальную и культурную составляющую. Встает вопрос о морально-психологической и социокультурной готовности индивидов, групп и коллективов к изменению норм и моделей хозяйственной деятельности, адаптация к которым осложняется вновь появляющимися конкурирующими субъектами [114].

С точки зрения теории управления конкуренцией следует называть соперничество хозяйствующих субъектов, возникающее благодаря их стремлению к лучшим условиям ведения экономической деятельности. Победа в экономической конкуренции нередко означает выживание

победителя, переходящее в разорение конкурентов и получение максимальной прибыли. Именно поэтому выживание в условиях рыночной экономики неразрывно связано с обогащением [139]. Следует отметить, что если в условиях национальной экономики процесс конкуренции затрагивал индивидов и группы, то в условиях глобализации целые страны и народы соперничают за овладение ограниченными ресурсами, то есть материальными и символическими ценностями, к числу которых могут относиться богатства, власть, статус, почитание, признание и другие. Победа в конкуренции достигается либо путем опережения соперников, стремящихся к тем же самым целям, либо путем их недопущения к последним.

Евразийская интеграция нуждается в управлении конкуренцией, то есть в административном и правовом регулировании деятельности хозяйствующих субъектов с целью гармонизации отношений между ними, вплоть до искусственного ограничения их конкурентной активности. При установлении правил игры необходимо учитывать технологическое неравенство, культурное многообразие и тому подобное. В противном случае произойдет то, о чем было написано выше – конкуренция перерастет в конфликт, дисфункциональные последствия которого могут разрушить любые планы и приостановить интеграцию. Не следует полагать, что конкуренция в социальной среде сводится к экономической, но, по сути, это продолжение все того же явления в более широком контексте межиндивидуальных взаимодействий и коллективной деятельности самого широкого спектра. Также не следует оценивать этот процесс как негативный и нежелательный. Конкуренция сопутствует всем сложным социальным явлениям. На ее исчезновение очень надеялись большевики, заменив рыночную экономику плановой. Время показало ошибочность этой идеи и неизбежность рыночной экономики в современном обществе. Более того, конкуренция всегда являлась и причиной развития социальных систем, придавая их существованию динамизм и стремление к совершенствованию.

Социальный процесс адаптации так же, как и процесс конкуренции проявляется не только на социальном, но и на досоциальном уровне, что является причиной влияния биологических теоретических конструкций на социально-философскую и социологическую мысль. Как известно, в наиболее влиятельной социально-теоретической традиции, связанной с именами Т. Парсонса и Р. Мертона, функции адаптации отводится одно из центральных мест в системе общества. Выполнением функции адаптации занимается, согласно теории структурного функционализма, экономическая подсистема общества. По мнению Т. Парсонса, общество как система для обеспечения своей жизнедеятельности должна обеспечить выполнение четырех функций: воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации. «Первичная интегративная проблема любой системы действия, – замечает Т. Парсонс, – состоит в координации составляющих её элементов, прежде всего человеческих индивидов, хотя в определённых целях в качестве субъектов действия, можно рассматривать и коллективы. Интегративная функция приписывается здесь преимущественно социальной системе» [102].

Адаптация как социальный процесс обладает максимальной интегрирующей силой, но при этом не следует забывать о том, что социальная адаптация предполагает усвоение индивидом или группой культурных норм. Приспособление функций живого организма к окружающей среде предполагает нормализацию обмена с окружающей средой энергией, информацией и веществом. Другими словами, и животное, и растение, и человек должны дышать, питаться, расти, не замерзнуть и не перегреться и тому подобное. Эта проблема для живых организмов становится насущной лишь в условиях, когда они попадают в новую окружающую среду, независимо от того, происходит это за счет их собственного перемещения или в случае глобальных процессов, вызывающих перемены в самой среде.

Те же самые закономерности действуют и в обществе – приспособление к окружающей социальной среде становится тем труднее, чем значительнее она изменяется. Если индивид попадает в новую социальную и культурную

среду в результате его собственного переезда, например, из одной страны в другую, то его приспособление зависит от его способности принять новые социальные и культурные нормы. Эти новые социальные и культурные нормы могут быть более или менее совместимы с прежними, а могут быть и радикально иными, но в любом случае они уже есть. И в случае успешной адаптации индивид или группа обретают новую идентичность, в которой могут присутствовать следы прежней. Например, американец ирландского происхождения или немец с польскими корнями, превратились в американца и немца, но помнят об этих самых корнях. Как правило, они принимают ценности той новой социальной среды, в которой они оказались [61].

Адаптация к новой социальной среде носит совершенно иной характер в случае, если меняется сама эта среда в силу глобальных перемен в политическом, экономическом и культурном устройстве общества. Из истории мы знаем про великие переселения народов, войны и революции, становившиеся причиной таких перемен. Но и масштабные интеграционные процессы в эпоху глобализации, сколь бы мирным ни был их характер, также изменяют социальную окружающую среду, ее нормы и ценности. Нет сомнения в том, что евразийская интеграция относится именно к таким процессам, когда базовые параметры окружающего нового социального мира все еще формируются.

Говоря о Евразии, в которой проживает половина всего человечества, ни о какой единой социальной среде говорить не имеет смысла. Но как природная среда самого великого континента состоит из большого количества разных по размерам и собственно климатическим характеристикам локальных пространств, так и социальная среда Евразии – это неисчислимо множество отдельных кусочков общей социальной ткани. Социальная среда Евразии может быть уподоблена огромному лоскутному одеялу, где говорят на бесчисленном количестве языков и диалектов, где исповедуют столь же бесчисленное множество религий и конфессий, где можно встретить разнообразные этнические группы. И каждый мельчайший фрагмент

уникален, что и без всякой теории множества культур очевидно. Более того, адаптация жителя сельской местности, занимающегося разведением скота или обработкой земли к городским условиям в той же самой стране может оказаться более сложной, нежели переезд земледельца в другой регион, даже с иным этноконфессиональным населением. Евразийская интеграция будет столь же успешной, сколь управляемыми будут процессы адаптации населения различных регионов Евразии в новую социальную среду, которая возникнет в результате процессов индустриализации, миграции и других, которые станут следствием воплощения в жизнь этого проекта [152].

Простейшим примером стремления к контролю за процессами адаптации/интеграции является разработка и внедрение моделей адаптации мигрантов. По мнению К.В. Аршина, построение подобной модели сводится к учету полисубъектности и субъектной неоднородности. К числу субъектов интеграции/адаптации он относит и диаспоры, и общины, и коренных жителей разной степени самоорганизации, и органы государственной и муниципальной власти, и даже средства массовой информации. «Серьезную опасность для процессов адаптации/интеграции мигрантов, – предупреждает К.В. Аршин, – представляют неформальные объединения в виде диаспор, которые «консервируют» нахождение мигрантов в искусственной социальной среде, похожей на социальную среду стран исхода, выступая посредником между мигрантом и коренным населением. Тем самым у мигранта формируется социальная установка об отсутствии необходимости прохождения процедуры адаптации/интеграции в социум страны-реципиента» [5].

Принятие мигрантами культурных норм и ценностей нового социального окружения, потому что усвоенные раньше нормы и ценности в лучшем случае теряют смысл, а в худшем – вступают в противоречие с законами и социальными нормами места миграции. Но в процессе евразийской интеграции среда будет формироваться в контексте протекания интеграционных процессов и вместе с самой интеграцией. И здесь в наибольшей степени раскрывается значение и роль управления, субъектами

которого выступают не только власти отдельных стран, но и их кооперация, объединение в союзы и коллаборации. При этом объекты управления – отдельные мигранты, группы и диаспоры – будут интегрироваться тем успешнее, чем эффективнее будет реализовываться миграционная политика и чем глубже будет международное сотрудничество и взаимодействие. «Теоретически формы адаптации, – отмечает У.Ф. Огборн, – могли бы быть выработаны до изменения в материальной ситуации, и адаптация могла бы быть применена на практике одновременно с изменением в материальных условиях. Но такая ситуация предполагает очень высокую степень планирования, предсказания и контроля» [96].

Р. Парк и Э. Берджес особо выделяют в качестве одной из форм приспособления компромисс, понимая под таковым готовность индивида или группы принять изменяющиеся социальные условия и новую культуру, согласиться с новой шкалой оценок или с предлагаемой, но непривычной системой ценностей. При этом крайне важно принятие не только новых целей, но и приемлемых способов их достижения. В противном случае новые ценности и установки могут спровоцировать девиантное поведение адаптируемых вплоть до криминального. При этом индивиды в процессе адаптации вынуждены соизмерять собственные силы с потенциалом окружающей среды и вписывать собственные цели в новую систему целеполагания. К элементам культуры, принимаемым в ходе компромисса, относятся ценности и поведенческие стандарты, максимально не совместимые с культурными образцами прежней социальной среды. Это в равной степени относится и к тем, кто вынужден адаптироваться к новым условиям в результате миграции, и к тем, кто оказался в эпицентре социальных и культурных перемен, вызванных социальной интеграцией, модернизацией или реформами.

Обычно компромисс означает что-то вроде временного соглашения, принимаемого в ожидании изменения ситуации, если же ситуация не меняется – начинаются поиски нового компромисса. Именно в этих случаях

мы наблюдаем процессы, связанные с неудачной или неустойчивой интеграцией. Устойчивая интеграция приводит к ассимиляции, то есть к образованию общей культуры, органически сочетающей элементы разных культур, обычно смешиваемые пропорционально численности своих представителей в интегрированном социуме, занимаемому ими положению. Ассимиляция обычно рассматривается как двусторонний социальный процесс, ибо культурное проникновение должно быть мирным (ненасильственным) и взаимным.

Ассимиляция выполняет функцию амортизации – она снижает конфликтогенный потенциал неинтегрированных в общество индивидов и групп, ибо в процессе ассимиляции разнородная социальная среда становится однородной и тем самым исчезает сама причина конфликтов. Пределом ассимиляции как социального процесса является биологическая интеграция или амальгамизация. Речь идет о заключении браков между представителями различных социальных, культурных и этноконфессиональных общностей, в результате чего формируются новые этнические, социальные и культурные единства.

Процессы этногенеза, в ходе которых разнообразные этнические образования смешиваются и образуют новые этносы, никогда не прекращаются в силу родового единства человека. Так, например, поморы и меря, мордва и татары, варяги и западные славяне, а также другие менее многочисленные этнические группы сформировали современный русский народ. На пути ассимиляции и амальгамизации обычно становятся разнообразные запреты, возникающие в результате расовых и национальных предубеждений, облаченных в форму конфессиональных, культурных и даже правовых норм. Касты в индийском обществе – древнейший пример создания такого заслона на пути амальгамизации, но в разной степени защитные механизмы есть во всех традиционных обществах. Расовые, национальные и конфессиональные предрассудки, рождающие этноконфессиональную замкнутость, не преодолены даже в современных обществах, но по мере их

модернизации жесткость «кастовой» замкнутости постепенно ослабевает. Завершение процесса амальгамизации приводит к окончательной социальной интеграции в рамках одного социума.

Эта теория разрабатывалась на опыте североамериканского плавильного котла, что делает ее применение к изучению и планированию евразийской интеграции ограниченным. Американцы формировались как нация эмигрантов, в то время как на просторах Евразии существуют цивилизации, уходящие своими корнями в глубокую древность, а количество этноконфессиональных общностей, стремящихся к сохранению своей идентичности, как нигде велико. Поэтому элиты евразийских стран заинтересованы в совершенно иной модели интеграции, что подтверждается и на уровне политики, и на уровне реально существующих интеграционных практик. Опыт, подобный опыту социальной интеграции в США, возможен лишь на отдельных территориях евразийских стран и, главным образом, в центрах трансграничных контактов.

Для изучения роли и значения амальгамизации в социальных пространствах России и Евразии скорее походят исследования, в которых изучается региональный исторический опыт образования особых зон европейских или азиатских регионов, которые получили у обществоведов название зон контакта. Как отмечает А.В. Якуб, «понятие “зона контактов”, исходя из анализа отечественной историографии, можно определить как некую переменную величину, результат развития которой имеет неопределенный характер и в которой развитие общества идет по пути сохранения автохтонных общественных структур с небольшими вкраплениями структур пришлого этноса. Вместе с тем понятие “контактная зона” приобретает статус величины постоянной, где это постоянство и устойчивость замешаны на амальгаме общественных институтов автохтонного и пришлого этносов при сохранении некоторых компонентов континуитета» [160].

Утверждать эту мысль автору позволил анализ хозяйственно-экономического взаимовлияния и межэтнического взаимодействия античной цивилизации и варварских племен на северо-востоке Европы, которое, как доказали медиевисты, носило системный характер и привело к созданию уникального этнического пространства. А.В. Якуб предлагает различать в любом этническом пространстве две составляющие. Первую образуют реальные участники этногенеза, среди которых были автохтоны и мигранты, прошедшие в процессе неизбежного контакта взаимную адаптацию и ассимиляцию, прежде чем из разных этносов образуется один новый, в одних случаях наследующий имя одного из прежних, а в других – берущий себе новое.

Вторая составляющая – некий этнический образ, первоначально создаваемый современниками событий на основе этнической или родоплеменной группы, захватившей власть и дающий имя новому этносу, а затем и создающий повествование, мифологизирующее процессы взаимной адаптации и ассимиляции и ретранслирующийся в рамках «исторической памяти» и национальной идеологии. Таким образом, в процессе межгосударственных контактов можно увидеть, как в процессе межэтнического и межкультурного взаимодействия осуществляется поэтапный переход зоны контактов в контактную зону, а затем и процессы этногенеза различной степени интенсивности. А.В. Якуб убежден в том, что понятия «зоны контактов» и собственно «контактной зоны» универсальны и хорошо описывают исторические явления, связанные с европейским этногенезом в Средние века.

Представляется оправданным применение данной концептуальной схемы, рожденной в рамках исторической науки, также для изучения этнополитических процессов и для прогнозирования современной евразийской интеграции, чье историческое время только начинает свой отсчет. Очень важно вовремя осознать безальтернативность евразийской интеграции и понять, что единственная альтернатива государственной политике в этом

направлении – это неконтролируемые процессы миграции и рост неподдерживаемых на государственном уровне бизнес-партнерств, нередко носящих криминальный характер. Евразийская интеграция состоится в любом случае, но если этот процесс не будет контролироваться органами государственного управления, а оно не будет опираться в своих действиях на специально созданную для этого четкую и эффективную правовую базу – издержки от трансформации будут велики, а выгоды и приобретения окажутся меньшими, чем могли бы.

Разумеется, евразийская интеграция даже в случае взаимного стремления политических элит к ее осуществлению будет наталкиваться на определенное, в том числе и неосознанное сопротивление со стороны обществ. Любая социальная общность, независимо от того, является ли она этнически, культурно или конфессионально однородной, имеет механизмы для поддержания своих границ. Инерция социальных систем, выражающаяся в функции латентности (поддержания образца), заставляет их препятствовать процессам ассимиляции и амальгамизации, потому что стирание границ между этнически различными группами приводит к уничтожению социальной дифференциации и формированию новой единой идентичности взамен нескольких прежних. Как известно поддержание образца в стационарном обществе достигается за счет санкций, применяемых к тем, кто не соблюдает прежних границ группы. Разумеется, речь идет о социальных санкциях и их преодоление будет являться одной из главных задач субъектов евразийской интеграции.

Если евразийская интеграция – это интеграционный процесс, протекающий одновременно в политическом, экономическом, правовом и социокультурном пространствах, трансформируя их и, одновременно с этим, сохраняющим каждое из них. Только на первый взгляд может показаться, что единое евразийское пространство может возникнуть на руинах существующих сегодня социокультурных и административных целостностей, соответствующих странам и регионам. Не является альтернативой иллюзорное

сохранение status quo, то есть воспроизводство той степени замкнутости и автономии, которую сегодня обеспечивают субъектам государственные границы и таможенные барьеры, социокультурные общности и этноконфессиональные идентичности. Общности и идентичности в ходе интеграционных процессов можно сохранить или же защищать их от внешнего разрушительного воздействия, допуская их естественную и постепенную эволюцию. А границы и барьеры необходимо регулировать, смягчать и даже отменять в зависимости от уровня и степени социальной, политической и экономической интеграции, оставляя при этом в неприкосновенности государственный суверенитет и национальную целостность.

Все зависит от того, насколько продуманным и системным будет административное управление. А это, в свою очередь, зависит от эффективности взаимодействия органов государственной власти всех политических субъектов, интересы которых должны совпасть. В этом и состоит искомое единство логики и прагматики процесса евразийской интеграции.

2.2 Евразийская интеграция в системе российского национального целеполагания

В российской науке накоплен значительный опыт изучения региональной интеграции, проходящей на политическом, экономическом и культурном уровнях. Уже в позднесоветский период задача осуществления углубленной экономической интеграции потребовала проведения научных исследований реального и потенциального взаимодействия стран – членов Совета экономической взаимопомощи. Разработанный в этот период концептуальный и методологический аппарат оказался востребован в 1990-е годы для решения совершенно иных задач, связанных с созданием новых партнерских отношений между странами, ставшими в начале этого

десятилетия независимыми государствами. Существенным подспорьем здесь стал опыт европейских стран, чья послевоенная интеграция не только ускорила в конце XX века, но и вышла на качественно иной уровень – Евросоюз все больше становился похож на единое государство с общей бюрократией и единой валютой. Однако многие политические и экономические процессы, протекающие в контексте европейской интеграции, не могут и не должны быть в силу целого ряда причин воспроизведены в рамках интеграции евразийской. Здесь необходимо найти собственный путь, построить свои собственные институты, а также провести длительную и сложную работу по изучению ценностных оснований стран Евразии, которые, несмотря на все этноконфессиональные и культурно-исторические различия, оказались достаточно близкими друг другу.

Евразийская интеграция, как и всякая другая социальная интеграция – процесс социальных изменений, невозможный без преобразования институтов и ценностей интегрирующихся стран и их народов. П. Бергер предложил четкий критерий, позволяющий отличать два типа состояния общества: общество, стремящееся к переменам и общество, в котором господствует желание сохранения нынешних институтов и ценностей [166]. По мнению американского социолога, в обществе, способном к изменению, изменяется ощущение времени – люди начинают ориентироваться на будущее, думать о будущем с оптимизмом. В то же самое время в обществе, желающем сохранить устои и традиции, его члены сконцентрированы на мысли о том, как сохранить память об историческом прошлом, традиции и ценности.

Здесь следует заметить, что американский ученый предлагает схему, позволяющую описывать один единственный тип социальных изменений – переход от традиционного общества к современному. Именно данную модель предлагают сегодня взять за основу социального проектирования развития России, как будто оно является традиционным или «домодерным» обществом, которому нужна социальная модернизация. Но даже автор одной из подобных оценок В.Л. Иноземцев признает, что «вместо глубокого изучения принципов

функционирования того или иного общества и механизмов его устойчивости исследователи в первую очередь концентрируются на выявлении черт, отличающих его от “нормального”. Возникает непреодолимое желание не “копаться” в серьезных проблемах, а ограничиться описанием тех реформ или изменений, которые, как кажется, способны устранить “наносное” и вернуть аномальное общество к “нормальному” состоянию» [52].

Авторы, считающие Россию несовременным или «домодерным» обществом, забывают о том, что переход от традиционного типа общества к современному в России был осуществлен давно, хотя и проходил поэтапно. Начало модернизации российского социума было положено еще в петровские времена, запомнившиеся не только отрезанием бород у бояр, но и учреждением основных государственных институтов, соответствующих европейскому модерну. А завершением этого процесса можно считать отмену крепостного права или, в крайнем случае, отмену абсолютной монархии в России и попытку построения первого в мире социалистического общества. И хотя коммунистический проект не был осуществлен во всей своей полноте, но после проведенных большевиками административно-политических, хозяйственно-экономических и культурных преобразований, российское общество превратилось в современное. Индустриализация, коллективизация и культурная революция до основания разрушили прежний традиционный строй российского общества, построив на его руинах новый, современный.

Таким образом, обсуждая сегодня российскую действительность, можно прийти к выводу о том, что наше общество уже давно находится в стадии социальных изменений и его главная проблема – определение образа будущего, приемлемого для большинства россиян. Использовать применительно к России термин «традиционное общество» можно и нужно только в том смысле, что большинство россиян настроено на уважительное отношение к традициям и считает традиционные ценности важными. Но «любовь к отеческим гробам» не позволяет говорить о российском обществе как о традиционном в смысле теории социальной рационализации М. Вебера,

где традиционное противопоставляется рациональному или современному. Наука и образование, управление и право, экономика и политика в Российской Федерации полностью соответствуют мировым трендам социального развития, что делает все оценки, подобные мнению В.Л. Иноземцева, несостоятельными.

Как показывают результаты социологических исследований, большинство россиян пожилого возраста испытывает ностальгию по советским временам, а среди россиян, родившихся после распада СССР, позитивный образ первой в мире страны советов также представляется позитивным. Так, в частности, результаты исследования «Левада-центра» «Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении» 20-26 февраля 2020 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1614 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 50 субъектов Российской Федерации. Этот опрос полностью подтвердил готовность общественного мнения к позитивному восприятию целей евразийской интеграции, особенно если при этом произойдет восстановление некоторых важных элементов советского социального порядка, таких как социальная защищенность, гарантированное право на труд, социальная справедливость и реально существовавшее равенство.

Из основных выводов данного социологического исследования можно выделить тот факт, что ностальгию по СССР испытывают те, кто родился уже после его распада. «Среди представлений российского населения о советской эпохе преобладают положительные компоненты, в то время как негативные характеристики этого периода отмечаются значительно реже... Согласие с установкой о социально-экономическом благополучии граждан в Советском Союзе преобладает среди всех возрастных, поколенческих и потребительских групп» [105]. Даже молодых людей не может оставить равнодушными то, что они причастны к существованию «великой державы» со славной и героической историей. Не могут они не сожалеть о разрушении некогда

единой экономической системы. Молодым людям также оказалось понятно переживаемое их родителями сожаление о потерянном ощущении сплоченности и доверия, столь привычное для большинства членов советского общества. Но при этом они вовсе не хотят восстановления СССР в прежнем виде, думая о целесообразности поиска новых форм.

Еще более показательны результаты исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) годом ранее и посвященному отношению россиян к Евразийскому экономическому союзу. Социологи отмечают, что на протяжении пяти лет информированность россиян о Евразийском экономическом союзе медленно, но неуклонно росла. Если в 2014 году знали о существовании этой организации, ее целях и первых шагах 66 % опрошенных, то в 2019 году количество информированных граждан увеличилось до 76 %. Наметилась также тенденция к увеличению числа тех, кто оценивает создание Евразийского экономического союза положительно – с 70 % в 2014 году до 76 % в 2019 году. «Наши сограждане, – отмечают авторы отчета, – в первую очередь хотели бы видеть Евразийский экономический союз совершенно новым объединением со своей формой и принципами работы (39 %). Еще 28 % респондентов видят в таком союзе восстановление СССР в новой форме при политической независимости стран-участниц. Каждый десятый (9 %) предполагает, что Евразийский союз должен быть аналогом Европейского союза. Лишь 6 % считают, что Евразийский экономический союз России не нужен» [42]

Таким образом, рассматривая потенциал евразийской интеграции как процесса, занимающего достойное место в структуре и содержании национального целеполагания, следует отметить связь образа прошлого с образом будущего. Евразийская интеграция – это сложный и многоаспектный социальный процесс. Данный процесс имеет, как уже было сказано, многоуровневую структуру, рассмотрение которой также имеет вариации. Помимо традиционного структурирования, основанного на выделении политического, экономического, административно-правового и

социокультурного уровней, есть возможность структурирования по иным основаниям. С точки зрения проводимого исследования целесообразно различение институционального и ценностного уровней интеграционных изменений. Успех социальных изменений интеграционного типа зависит от того, совпадают ли эти два уровня в своем развитии, или один из них запаздывает.

Мысль о том, что евразийская интеграция есть простая реставрация распавшегося СССР не выдерживает никакой критики. «В какой же мере возможно сращивание разорванных связей сегодня? – восклицает С.Г. Кара-Мурза. В 1990-е годы казалось, что возможно. Но это не удалось. Силы разделения внутри республик и за рубежами были намного мощнее. Те, кто разваливал СССР, за 22 года завладели собственностью, финансовой системой, СМИ и школой. Они готовы к выгодному сотрудничеству, как и с другими странами Запада и Востока, но мы не об этом говорим. А сторонники интеграции, даже если их большинство, дезорганизованы» [57].

Вывод, который делает автор статьи, состоит в том, что период возможной реинтеграции давно завершился и для новой интеграции нужны связи нового типа, которые могут быть созданы лишь из иного, нежели прежде, строительного материала: необходимо выработать новый язык, новые понятия и конструкции. Более того, необходимо найти обновленные символы единства, из которых только и могут родиться новые формы объединения. Тем более что соединять необходимо совсем другие составные части, которые, оставшись после распада один на один с проблемами и трудностями, эволюционировали и к настоящему времени нуждаются в направленных на новую интеграцию преобразованиях.

Пересборка системы возможна лишь тогда, когда будут переосмыслены представления о тех сущностях, из которых она состояла прежде и о тех, из которых она вновь может быть собрана. Как отмечает С.Г. Кара-Мурза, слова и понятия, при помощи которых формулировалась советская идеология, безнадежно устарели еще в последней трети XX века, что стало одной из

причин распада СССР, потому что исчезли скрепы, соединявшие прежде в единое целое столь разнородные элементы как союзные республики. Поэтому в модернизации нуждается весь дискурс евразийского единства, что интуитивно чувствовали и о чем предупреждали евразийцы. Неслучайно, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, столь разрушительным оказался лозунг перестройки: «Назад, в лоно цивилизации!» После такого лозунга в разговорах с казахами или таджиками вспоминать об «общей исторической судьбе» можно лишь рискуя быть обвиненным в неискренности. И каждый раз, вспоминая об общем с европейцами историческом прошлом, россияне должны понимать, что, стремясь к сближению с Европой и отождествляя это сближение с возвращением в цивилизацию, они своими словами перечеркивают саму возможность интегрировать Евразию.

Как для институционального, так и для ценностного анализа евразийской интеграции крайне важно понимать, что сама по себе евразийская идея и в политике, и в экономике, и в культуре прежде всего отсылает к теме пространства. В политическом смысле тема пространства находит себя в существовании геополитики как особой сферы научного знания, а также как отдельной области политического и социального целеполагания. О геополитике написано и сказано немало – в концепции евразийской интеграции геополитический аспект является самым заметным. Между тем, без обращения к теме экономики, геополитический дискурс никогда не окажется продуктивным.

По мнению В.М. Кулькова, пространственный аспект теоретического анализа обычно ограничивается предметным полем региональной экономики, что не позволяет в полной мере осознать важность пространственной или территориальной проблематики. Между тем, вопрос о территориальном размещении производительных сил является настолько важным, что от него зависит последующее развитие всей национальной политики и экономики, культуры и духовной жизни. Активизация интереса к пространственной экономике, ее познавательным средствам и аналитическим методам, во

многим была обусловлена расширением Европейского Союза в последние три десятилетия. Интеграционные изменения этого периода послужили стимулом для переосмысления места России в мире и ее стратегического политического целеполагания.

Рождение Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России позволили осознать важность пространственно-экономического подхода. Как отмечают А.Б. Звездова, В.В. Килин, «Евразийское экономическое сообщество, учрежденное в 2000 году для углубления региональной интеграции в экономической и гуманитарной областях, за истекшие годы продемонстрировало достаточно успешную реализацию стоящих перед ней задач по завершению оформления в полном объеме режима свободной торговли, формированию общего таможенного тарифа и единой системы мер нетарифного регулирования, координации подходов при интеграции в мировую экономику и международную торговую систему, а также создало интеграционный вектор многостороннего взаимодействия постсоветских государств на долгосрочную перспективу» [49].

В.М. Кульков полагает, что центральной категорией пространственной экономики выступает понятие единого экономического пространства. И здесь с неизбежностью встает вопрос о соотношении национального экономического пространства и экономического пространства макрорегиона, в котором проходят или только намечаются интеграционные процессы. Главными характеристиками национального экономического пространства автор называет, во-первых, их системность, однотипность и однородность; во-вторых, – успешную координацию социального, инвестиционного, финансового, институционального, инновационного подпространств; в-третьих, – наличие способов сохранения целостности, устойчивости, единства всей системы; в-четвертых, устойчивая система производительных сил и производственных отношений и другое.

Особо выделяется в данной концепции требование наличия единых базовых институтов и государствообразующей системы ценностей.

«Формирование единого экономического пространства постсоветской интеграции, – пишет В.М. Кульков, – нельзя сводить только к выработке конкретных организационно-хозяйственных интеграционных механизмов. Оно предполагает осуществление и более глубоких процессов: во-первых, функционирование целостного воспроизводства в интеграционном пространстве и модификацию экономических отношений, а, во-вторых, формирование определенной ценностной структуры. В последнюю должны органично входить два слоя ценностей: национальные ценности стран – участников интеграции и наднациональные ценности, общие для всего интеграционного пространства» [74].

Несмотря на то обстоятельство, что цитируемые выше В.М. Кульков, А.Б. Звездова и В.В. Килин подчёркивают важность экономики, даже в этих статьях в конечном итоге разбираются темы, более подходящие для политического или, точнее, геополитического дискурса. Л.С. Перепёлкин обращает внимание на то обстоятельство, что практически все интеграционные процессы наблюдались в рамках генезиса и эволюции великих империй прошлого, или, как это происходит сегодня, носят постимперский восстановительный характер. Евросоюз фактически возникает в границах Древнеримской империи, а евразийская интеграция воспроизводит пространство, совпадающее с границами другой великой империи прошлого – Российской. История знает немало примеров перехода к «феодалной раздробленности», а затем и восстановления государственной целостности хотя бы и в границах, отличающихся от прежних. «Империя является, – пишет Л.С. Перепёлкин, – одной из форм политической организации пространства, объединяющей в своих пределах множество политических и до политических групп. Для этих групп (и для себя, конечно) империя вырабатывает культуру универсалистского характера, которая способствует их объединению и воссозданию в историческом процессе в рамках феномена «географической карты». И в этом – региональном – смысле империи ложатся в основу феноменов последующей эволюции локальных цивилизаций» [103].

Л.С. Перепёлкин называет Россию важнейшим политическим представителем Северной Евразии, хотя следовало бы назвать ее не важнейшим, а единственным таким представителем. Следует согласиться с автором в том, что для Северной Евразии характерна всего лишь одна естественная граница – северная. С запада, востока и юга она граничит сразу с несколькими цивилизациями, каждая из которых хранит в своем историческом сознании память об одной или даже нескольких империях прошлого. Л.С. Перепёлкин называет в качестве граничащих с Северной Евразией цивилизаций «католикопротестантскую», «исламосуннитскую», «исламошиитскую» и конфуцианскую (китайскую). С этим перечнем можно было бы согласиться, ибо индийская (индуистская) цивилизация локально отделена от Северной Евразии труднопроходимыми горами и, в силу культурно-исторических причин является этнозамкнутой – индусом нельзя стать, им можно только родиться, тогда как путь к конфуцианству, исламу или христианству открыт для всех новообращенных.

К отличительным особенностям евразийской интеграции следует отнести два важных обстоятельства. Во-первых, она проходит в условиях высокой политической автономии субъектов – суверенных государств. Во-вторых, внешние игроки, такие как США и Европа, открыто препятствуют этому процессу, тогда как начинавшаяся немногим ранее европейская интеграция скорее опирается на поддержку мирового гегемона, хотя и наталкивается на стремление сохранить контроль над этим процессом.

Одно из следствий двух указанных обстоятельств – трудности, с которыми сталкиваются сторонники евразийской интеграции. Элиты и широкие слои населения все более чувствительны к все нарастающему потоку исторической и псевдоисторической информации. Такая информация, порой смешанная с умело подобранными фрагментами лжи и вымысла, может быть умело интерпретирована в интересах различных участников большой геополитической игры. Результатом умелой манипуляции могут стать игры с исторической памятью о степных каганатах и княжествах раннего

средневековья или государственных образованиях более позднего времени. Нет смысла доказывать, насколько разрушительными могут быть последствия подобных игр с идентичностью, которые ведутся все более изощренно и для осуществления которых применяются новейшие пиар-технологии.

Как было отмечено выше, подлинная интеграция социально разнородных элементов предполагает синхронизацию двух ее уровней – институционального и ценностного. Институциональная интеграция – сложный процесс, предполагающий интеграцию политических, правовых, экономических и собственно социальных институтов. Этот процесс, запущенный более десятилетия назад, идет с нарастающей скоростью и интенсивностью. Один из важнейших институтов интеграции относится к сфере международного права и международно-правовой политики, проводить которую должны все государства – субъекты евразийской интеграции. Речь идет о Суде Евразийского экономического союза, который обязан своим появлением Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Изначально он был задуман как постоянно действующий судебный орган Союза и его роль в институциональной интеграции трудно переоценить.

Создание правовых институтов международной интеграции – один из самых сложных и противоречивых процессов, потому что их появление, как и появление иных институтов, затрагивает множество самых разнообразных интересов. Не стал исключением и Суд Евразийского экономического союза, призванный играть важнейшую роль в процессе интеграции – помимо создания возможности для политического и экономического сотрудничества, данная структура инициирует формирование единого правового пространства Евразии. Само его появления ставит участниками международного сотрудничества главный вопрос – насколько они готовы руководствоваться ими же установленными при учреждении данного института правилами в процессе разрешения споров. Может быть, без этих правил проще и удобнее приходить к консенсусу на основе взаимного согласия. Но тогда в чем будет состоять функция данной инстанции?

В.Л. Толстых подвергает работу Суда Евразийского экономического союза справедливой и аргументированной критике. Он убежден в том, что потенциал этого важнейшего института евразийской интеграции далек от своего раскрытия. «Общая линия его поведения, – отмечает В.Л. Толстых, – характеризующаяся осторожностью, предсказуемостью, творческой пассивностью и апологетикой интересов государств и Комиссии, не соответствует потребностям развития порядка ЕАЭС. Более того, отдельные решения Суда вызывают недоверие к праву ЕАЭС и в связи с этим тормозят развитие интеграции» [131]. Автор выражает убеждение в том, что отсутствие изменения в деятельности Суда чревато его трансформацией в декоративный орган, чья работа будет сводиться к разъяснению положений, не нуждающихся в этом, что приведет его в конечном итоге к судьбе Экономического суда СНГ.

Формирование экономических институтов евразийской интеграции происходит в контексте разнообразных процессов и течений мирового и регионального уровня. Конечно же, главным контекстом можно считать глобализацию, приведшую к созданию мирового экономического пространства и являющуюся фактором влияния на все происходящее в экономическом пространстве Евразии. Глобальный контекст является также основанием для оценки места и роли участников интеграционных процессов в формирующемся региональном экономическом пространстве.

Нередко более или менее успешное участие отдельных игроков в международном разделении труда и степень их интегрированности в глобальное экономическое пространство становится средством переоценки их экономического и даже политического потенциала. В этом смысле нет сомнения в том, что Россия представляет собой один из центров глобального притяжения, ее участие в мировой политике и экономике носит планетарный характер. Отсюда и дополнительная ответственность, лежащая на российском обществе и прежде всего его элите – она должна демонстрировать определенный уровень технологических, экономических и культурных

достижений для того, чтобы претендовать на роль лидера интеграционных процессов.

Институционально-организационную основу евразийской интеграции образуют три элемента: ЕАЭС, БРИКС, двухсторонние и многосторонние соглашения экономического или юридического характера. Если первые два более или менее упорядочены и структурированы, то заключение многочисленных двухсторонних и многосторонних соглашений диктовалось сиюминутной логикой решения частных задач. Таким образом, перед политическими субъектами интеграции стоит актуальная задача систематизации принятых на себя сторонами обязательств.

Н.В. Новичков и С.С. Серебренников, разбирая вопрос о глобальном позиционировании России в мире, отмечают наличие на евразийском пространстве двух других центров притяжения – Индию и Китай. По мнению авторов, отнесение этих двух стран к естественным конкурентам России обусловлено наличием у них неких ключевых признаков, таких как самостоятельная экспортно-ориентированная экономика, выгодное географическое положение, обусловленное идеологией государственное целеполагание, и способное отстаивать свои интересы и интересы своих союзников национальное правительство. «Россия, как центр экономического роста, технологического развития и культурного творческого начала, – отмечают Н.В. Новичков и С.С. Серебренников, – способна сама менять окружающий мир, то есть реализовывать собственные стратегические инициативы, позволяющие не только минимизировать последствия кризисов, но через проактивное изменение среды не допускать появления тех или иных противоречий» [94].

Одним из важнейших институтов евразийской интеграции является институт государственной границы. От того, насколько успешно будет решена дилемма «взаимодействие–безопасность» применительно к трансграничным линиям, зависит восприятие угроз границы как на уровне государственного управления, так и уровне общественного сознания. В.А. Колосов обращает

внимание на то, что ощущение пограничной безопасности относится к числу социально-психологических и даже экзистенциальных потребностей индивида. Более того, представление об угрозе со стороны внешнего мира, связанной с незащищенностью границ и доступностью территории страны для внешнего проникновения – одна из древнейших фобий массового сознания, независимо от того, вызвана она рациональными соображениями или иррациональными опасениями.

В условиях глобализации прежнее стремление к герметичности государственной границы вступает в противоречие с экономическими интересами хозяйствующих субъектов, а с ними и обществ в целом. Ситуация усугубляется благодаря отсутствию политической, экономической и военной нестабильности, вопросы охраны государственной границы рассматриваются на геополитическом уровне. «Устаревшее понимание пограничной безопасности, – отмечает В.А. Колосов, – ведет к неустойчивости приграничного сотрудничества. Оно не имеет автономного механизма развития и сильно зависит от отношений между соседними странами, доброй воли их лидеров, личных интересов и симпатий губернаторов и мэров. Жесткий пограничный режим слабо совместим с интересами малого и среднего бизнеса – одной из главных движущих сил приграничного сотрудничества» [68].

Все опасения, связанные с негерметичностью государственной границы оправданы лишь в тех случаях, когда демаркационная линия отделяет территорию Российской Федерации от стран, проводящих недружественную или даже враждебную по отношению к ней политику. Но если речь идет о государствах-участниках евразийской интеграции, то доверие должно возобладать над опасениями. В противном случае все интеграционные усилия не принесут никакого успеха. Ситуация осложняется еще и тем, что среднеазиатские государства не завершили еще процессы делимитации своих государственных границ. Четкое разделение территории характерно лишь в малонаселенных районах между Туркменией и Казахстаном, а также между

Узбекистаном и Туркменией. И даже там, где достигнуты соглашения о делимитации и демаркации границ, если эти границы проходят через плотно населенные области, возникают сложности особого рода, связанные с исторически сложившейся чересполосице расселения и сложной конфигурации дорог.

Поиск экономической стратегии, приемлемой для осуществления устойчивого развития стран-участниц евразийской интеграции всегда сталкивалось с препятствиями, связанными с тем, что эти страны в большинстве своем не являются мировыми, а зачастую, даже региональными лидерами в области хозяйственно-экономического развития. За последнее десятилетие всеми странами, участвующими в проекте евразийской интеграции потрачено немало усилий для того, чтобы сблизить их экономики, восстановить утраченные связи, сформировать институты, которые могли бы соединить разрозненные экономики если не в единое целое, то хотя бы во взаимосвязанное и даже выстроить в некую систему.

Между тем, как отмечает А.А. Ананьев, бессмысленно создавать проекты для региональной интеграции, объединяющие группы стран на основе одних лишь рыночных отношений, особенно, если эти группы возникают в рамках формулы «Юг–Юг». Первой причиной отсутствия реальных результатов в сфере технико-экономического развития является большая или меньшая зависимость развивающихся стран от стран развитых, что препятствует объединению первых в отдельные межгосударственные объединения. «Вторая причина, – продолжает А.А. Ананьев, – это использование в качестве теоретической базы при создании и развитии интеграционной группировки рыночного способа координации хозяйственных систем, применение которого не позволяет развивающимся странам провести структурную перестройку национальных экономик с использованием интеграционного потенциала» [3].

Выход из сложившейся ситуации видится в институционализации самого развития, что позволило бы приступить к непосредственному регулированию

интеграционных процессов, протекающих в евразийском экономическом пространстве. Отличительной чертой нашего времени становится рост влияния международной политики, проводимой государствами на устойчивое развитие общества и его экономической подсистемы. Эффективная международная политика выступает сегодня как гарант эффективного развития производства, а не обмена и международной торговли, как это было еще в недавнем прошлом. Растет и ширится система международного разделения труда – географическая среда и природные ресурсы играют все меньшую роль в создании групп стран, связанных между собой на основе специализации и кооперации, построенных с ориентацией на трудовые ресурсы или природные ископаемые.

Сам по себе проект евразийской интеграции стал ответом стран, еще недавно входивших в состав СССР, на глобальные вызовы современности. Сам по себе термин глобальных вызовов времени еще в середине XX века перекочевал из сферы поэзии и литературы в историческую науку благодаря творчеству британского исследователя мировых цивилизаций А. Тойнби [130]. Продолжатель дела А.Я. Данилевского и О. Шпенглера, позднее названного цивилизационным подходом, стремился найти ответ на вопрос, почему некогда мощные и процветающие цивилизации, пройдя пик своего могущества, сходят с мировой исторической арены.

От того, можно ли получить успешный ответ на вышеназванный вопрос, зависела судьба подзабытой идеи превращения истории из описательной и интерпретативной дисциплины в строгую науку, которая может не только объяснять, но и предсказывать. А. Тойнби пришел к выводу о том, что причиной деградации цивилизаций является их неспособность вовремя распознать большой вызов или же найти ответ на него. В этом пункте концепция цивилизаций А. Тойнби полностью расходится с теорией О. Шпенглера, который полагал, что причина гибели цивилизаций в их естественном старении, которому, по мнению автора «Заката Европы», цивилизационные организмы подвергаются точно так же, как и организмы

биологические. В отличие от шпенглеризма, подход А. Тойнби позволял оценивать исторические описания цивилизационных катастроф как результат человеческих ошибок или невнимательности.

Теория больших вызовов оказалась вновь востребована на рубеже XX и XXI веков, когда упоминавшийся ранее С. Хантингтон заговорил о новой линии противостояния в нынешнюю эпоху. По его мнению, с вызовом глобализации сталкивается каждая цивилизация и для каждой из этих цивилизаций встает задача поиска ответа. С. Хантингтон не сомневается в том, что на один и тот же вызов каждый субъект мировой истории должен искать свой собственный ответ, ибо этот общий большой вызов при ближайшем рассмотрении оборачивается очень разным набором угроз, хотя и предлагает различные пути их решения.

Если попытаться проанализировать большие вызовы, стоящие перед современными цивилизациями, политическими союзами и образованиями, то становится ясно, что ни о каком обобщении или приведении к одному знаменателю не может быть даже речи. Кто-то должен решать проблему технологического отставания, а кто-то – гармонизации финансов. Страны условного Юга стремятся справиться с голодом, болезнями и нищетой, вызванными высокой рождаемостью, а государства условного Севера озабочены резким снижением рождаемости и старением коренного населения. Для кого-то замедление во внедрении социальных и ценностных инноваций представляется угрозой их цивилизационной идентичности, а кто-то более всего обеспокоен проблемой сохранения традиций и социального уклада. Вот почему вопрос о взаимосвязи больших вызовов и проекта евразийской интеграции является важным и первостепенным.

Но также не следует подходить к наличию больших вызовов как к естественному и хаотическому явлению. У данного феномена есть свои закономерности, изучением которых и предстоит заняться современной науке. «Развитие Евразийского экономического союза в XXI веке, – отмечают Мир Абдул Каюм Джалал и Л.М. Борщ, – совпадает с глобальным закономерным

процессом на фоне мировых вызовов... Исходя из изложенного, наблюдается ряд противоречий в условиях самой интеграции финансовых рынков и уровня развития стран Евразийского экономического союза. Существует множество нерешенных вопросов для проведения и гармонизации интеграционных процессов, что требует глубокого анализа для определения действий каждой из стран с целью их интеграции и приведения к единому знаменателю всех показателей с учетом мирового опыта» [34].

Можно согласиться с С.С. Утиновой в том, что евразийская интеграция приобретает гораздо более важное значение благодаря резкому изменению геополитических условий, хотя среди действующих факторов можно найти и те, которые затрудняют ее успешное проведение. Данное утверждение звучит особенно актуально в последние полтора года, когда в условиях геополитического кризиса и беспрецедентных санкций Российская Федерация вынуждена преодолевать сопротивление коллективного Запада. С.С. Утинова полагает, что в новой политической и экономической ситуации все страны-участницы евразийской интеграции осознают потребность в наднациональном органе регулирования финансового рынка, который позволил бы ускорить продвижение к системе ценообразования в национальных валютах, а также развитие взаимного инвестирования. Все это сделало бы необратимым восстановление единого финансово-экономического пространства, что соответствовало бы интересам всех субъектов евразийской интеграции, но вступило бы в противоречие с интересами иных геополитических и хозяйственно-экономических игроков, в особенности США, Евросоюза и их сателлитов.

Как отмечает С.С. Утинова, движение в указанном направлении предполагает совместные усилия стран-участниц евразийской интеграции, обеспечивающие поддержку в обеспечении макроэкономической стабильности и снижении уязвимости к внешним шокам в каждой из этих стран. Более того, в крайне сложных условиях каждой из стран-участниц необходимо провести ряд ключевых структурных и институциональных

преобразований. И, наконец, должна быть модернизирована физическая инфраструктура и социальная сфера государств, участвующих в интеграции на евразийском геополитическом и экономическом пространстве.

Выполнение трех названных задач позволит не только «диверсифицировать» модель интеграции по сферам приложения, но и вовлечь в ее орбиту ряд стран в рамках Большого европейского партнерства. «Текущие события, – пишет С.С. Утинова, – во многом являются проверкой ЕАЭС на прочность. Особенно важно сейчас объединение усилий государственных органов власти, наднационального органа, делового и научного сообщества государств-членов для достижения максимальных эффектов от интеграционного сотрудничества. Успешное развитие интеграции возможно при системном подходе, включая ее осуществление в политической, экономической, военной и гуманитарной сферах» [137].

Вопрос о системном характере евразийского сотрудничества в сфере социальной, политической, экономической и культурной интеграции возникает не случайно. Согласно общей теории систем, целое всегда больше суммы частей и наоборот, – выпадение из системы всего одного элемента в лучшем случае приводит ее к неэффективному режиму функционирования, а в худшем – к обвалу и разрушению. На практике это означает, что социальная интеграция невозможна без интеграции культурной, а экономическая – без политической или правовой. Недопустимо также при создании единого экономического пространства игнорировать вопросы развития пространства информационного и забывать о той роли, которую в его существовании выполняет русский язык и русская культура, исторически служившие этой цели. К достижению данной задачи непосредственно примыкает и деятельность, направленная на выработку и проведение согласованной политики в сфере науки и образования.

Важную роль в обеспечении системного характера евразийской интеграции должны сыграть стратегические инфраструктурные проекты, называемые локомотивами роста, обеспечивающими устойчивое развитие

стран-участниц большого евразийского партнерства. В Ежегодном докладе интеграционного клуба при председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2016 год отмечалось положительное влияние на процесс евразийской интеграции подписание совместного заявления о сотрудничестве по сопряжению стратегий Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути руководителем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином и Президентом Российской Федерации В.В. Путиным [105].

Данное соглашение, подписанное в 2015 году, и аналогичное соглашение, подписанное в 2016 году, направлены на состыковку Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) с Евразийским экономическим союзом и зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Все это позволит с точки зрения стран-участниц евразийской интеграции перейти к формированию большой Евразии, в том числе и посредством запуска стратегических инфраструктурных проектов, для реализации которых необходимо единое правовое пространство и эффективная координация субъектов интеграционного процесса. «Современные геополитические реалии, – отмечает Е.Е. Головина, – формируют новую архитектуру и вектор поступательного развития современного мирохозяйственного устройства. Особое место в данной конструкции объективно занимает евразийское пространство и сопряжение глобальных мегапроектов, в рамках которых реализуется российская концепция Большого евразийского партнёрства» [24]. При этом Евразийский союз формирует геополитическую конструкцию, в которой сам он играет роль центра притяжения, формирующего не только зону свободной торговли, но и единое пространство социально-политического, хозяйственно-экономического, информационного и культурного развития.

Между тем, стремительно изменившиеся геополитические обстоятельства последнего времени поставили другие приоритеты как в определении национального целеполагания как в целом, так и в оценке роли и места в нем евразийской интеграции. Как отмечает С.В. Рекеда, особенностью современного этапа евразийской интеграции является целеполагание в условиях геополитического шторма, что не может оставить без изменения прежнее прагматическое понимание этого проекта. В повестке еще в 2014 году оказалась тема социально-экономического развития в условиях санкций, которые тогда казались беспрецедентными. Но сегодня, когда противостояние России и Запада достигло немыслимого масштаба и когда к экономическим санкциям добавилось военное противостояние со странами НАТО, активно вмешивающимися в российско-украинский конфликт и проведение специальной военной операции, прагматическое отношение уступает стратегическому. «Идея современной “прагматичной” евразийской интеграции, – пишет С.В. Рекеда, – стала плодом эпохи расцвета глобализации – Евразийский экономический союз должен был стать инструментом эффективного встраивания России с ближайшими партнёрами в мировую экономику наряду с Европейским союзом, Китаем, лидерами Юго-восточной Азии. Однако сегодня на первый план выходят иные задачи интеграции – укрепление экономической безопасности и суверенитета в целом» [116].

Почему же проект евразийской интеграции приобрел такое значение именно сейчас? Беспрецедентное обострение отношений с Евросоюзом и НАТО стало причиной новой политики, проводимой ими в отношении России. Суть этой политики в изоляции нашей страны как в политическом, так и в экономическом и даже в дипломатическом отношениях. Эта политика проводится в отношении России не первый год и даже не первое десятилетие. Практически сразу же после 2007 года, когда была произнесена мюнхенская речь президента Российской Федерации, где содержалось заявление о праве России на проведение суверенной внешней и внутренней политики и о воле к

проведению в жизнь собственных интересов, в отношении России стала реализовываться стратегия сдерживания. Следующие полтора десятилетия отношения с Западом неуклонно ухудшались, и находятся сегодня на самом низком со времен распада СССР уровне. И евразийская интеграция – один из главных векторов противодействия навязываемой России изоляции. Вот почему правомерно утверждать, что евразийская интеграция сегодня вызвана не только прагматическим, но и экзистенциальным интересом.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что евразийская интеграция занимает одно из ключевых мест в структуре национального целеполагания Российской Федерации. От того, насколько успешно смогут интегрироваться в единую систему страны, вовлеченные в данный процесс, зависит обеспечение экономической безопасности и национального суверенитета российского государства и общества. Оказавшись в условиях, которые следует оценивать как экстремальные, россияне нуждаются в росте уровня надежности евразийских институтов, целей и ценностей, ибо, оставшись один на один с внешнеполитическими силами, незаинтересованными во внутренней стабильности российского общества, вынуждают властные элиты и все российское общество продвигаться по пути как можно более тесного международного сотрудничества политических, экономических и даже военных структур стран-участниц евразийской интеграции.

2.3 Ценности, смыслы и социальные технологии евразийской интеграции

Современные социальные процессы характеризуются все возрастающей сложностью и неопределенностью. Это создает особые условия для совершенствования управленческой рациональности, но, для того чтобы принятие решений было рациональным, необходимо сравнивать различные варианты, выбирая среди них наилучший как с точки зрения целей, так и с

точки зрения ценностей. Для подлинно научной разработки и успешного применения социальных технологий на практике, необходимо уметь накапливать, хранить и обрабатывать большие массивы социально значимого знания, совершенствовать методы социально-философских, социологических и политологических исследований, строить высокоточные прогнозы на будущее. Такая постановка задачи требует интеграции самого научного знания, разделённого сегодня междисциплинарными барьерами, а также кажущейся непроходимой пропастью между теоретическим и практическим. Для преодоления указанных границ необходимо обратиться к сфере социальных технологий, где частные социальные и гуманитарные науки могут быть интегрированы в единое теоретическое и практическое целое. Только область социально-технологического применения знаний способна создать условия для корреляции концептуальных схем и терминологических аппаратов, исследовательских стратегий и методологических алгоритмов.

Как и любой социальный процесс, интеграция имеет две главные составляющие: институциональную и ценностную. И если мы обратимся к теории структурного функционализма как к наиболее надежному и проверенному теоретическому и методологическому инструменту объяснения социальных явлений, то в социальной системе наряду с целеполаганием (политическая подсистема) и адаптацией (экономическая подсистема) мы сможем аналитически выделить еще и функцию латентности или сохранения образца, за выполнение которой отвечает, как известно культура или культурная подсистема. Лишь соответствие институциональных преобразований и ценностной динамики способно обеспечить успешный ход интеграционных процессов. Но, для того чтобы прояснить смысл и направленность ценностной эволюции, обеспечивающей системный характер евразийской интеграции, необходимо подвергнуть анализу сходство и различие ценностных систем стран-участниц этого процесса.

Обсуждая ценностную основу евразийской интеграции трудно обойти вниманием то обстоятельство, что даже при сравнении систем ценностей

разных стран России, Центральной или Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, можно обнаружить поразительное сходство в понимании роли традиций, проявляющееся даже в текстах конституций. Так, например, в Конституции Российской Федерации в редакции 2020 в части 1 статьи 72 присутствуют строки, которые однозначно подтверждают смысл вышесказанного. Среди базовых ценностей, защищаемых Российской Конституцией, называются «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях».

Казалось бы, что общего может быть между опытом развития правовых систем Индии и Китая, стран арабского Востока и России. Различные цивилизации и различные религии, не говоря уж об общем многообразии языков и культур. Однако при знакомстве с конституциями стран евразийского континента это впечатление меняется на противоположное. «Большая часть азиатских конституций, – пишет Т.Я. Хабриева, – в решении социально-экономических вопросов выходит за рамки определенных религиозных либо идеологических координат; искусно сочетая различные ценности: ислама и западного конституционализма (конституции Афганистана и Ирака), социализма и ислама (Конституция Сирии), буддизма и социализма (Конституция Шри-Ланки), западного конституционализма и буддизма (Конституция Бутана) и т.д.» [147].

Яркий пример ценностей, которые могут в равной степени декларировать все основные участники евразийской интеграции, одинаковым образом прописаны в большинстве конституций стран Евразии. «Равенство, социальная справедливость, обеспечение охраны и безопасности и равенства возможностей для всех граждан Объединенных Арабских Эмиратов являются основополагающими принципами построения общества: отношения между ними строятся на основе сотрудничества и взаимного милосердия.... Семья

является основой общества. Она строится на нравственности, религии, главенства морально-этических норм и патриотизма» [71].

Даже при беглом ознакомлении с работами историков, социологов и культурологов, занимавшихся изучением ценностных оснований евразийских и азиатских цивилизаций, можно констатировать, что все они отмечают холистский и органицистский тип системы ценностей любой из них. Таким образом, ценностным основанием евразийской интеграции может стать только холистская или органицистская аксиология. Холизм или органицизм – это два названия одного и того же принципа, имеющего значение как для области методологии, так и для сферы аксиологии, и даже для области праксеологии. Каждая из названных сфер формулирует этот принцип единообразно: целое всегда должно быть больше суммы частей. Именно на это рассчитан интеграционный эффект в области национального целеполагания.

В социологии ценности, понятые и описанные на основе холистской или органицистской методологии получили название коллективистских, вопреки индивидуалистским ценностям, получившим распространение в европейской цивилизации и нашедшим теоретическое закрепление в идеологии либерализма. Поэтому не случайно, что, когда в России и иных странах-участницах евразийской интеграции начались активные обсуждения общих культурных и духовных оснований, все участники дискуссий были едины в том, что основанием могут стать ценности коллективизма. «Интеграция, – пишет С.Г. Кара-Мурза, – это всегда создание какого-то “общего котла”, в который каждая часть вносит свою лепту. Например, в отличие от рынка в семье все делают свои вклады, и они соединяются, а не обмениваются. Это соединение и создает то целое, которое “больше суммы частей”. Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, качественно различны, так что выразить их в единообразной форме, например, денежной, трудно или невозможно» [57].

Что значит на практике следование данному принципу. Это значит, что субъекты социального действия рассчитывают на получение не только и не

столько экономической прибыли. Социальные и государственные субъекты политики имеют свои идеалы и свои интересы. Для того чтобы интеграция оказалась успешной, хотя бы часть этих идеалов и интересов должна быть общей, то есть совпадать, разделяться участниками. Более того, эта часть должна быть настолько значима, чтобы ее влияние могло перевесить влияние всех остальных идеалов и интересов, которые разъединяют участников, делают их конкурентами или даже соперниками.

К точке зрения С.Г. Кара-Мурзы присоединяется и А.Н. Клепач, статья которого опубликована в том же номере журнала. А.Н. Клепач предлагает формулировку общей идеи, лежащей в основе евразийской интеграции. По его мнению, необходимость такой формулировки связана с требованием относиться к интеграционному проекту как к ценностно-рациональному действию, значительно выходящему за пределы сферы целерациональности, то есть за пределы собственно экономического интереса. «Евразийская интеграция, — пишет А.Н. Клепач, — это в большей степени не экономический, а идейный, или социальный, феномен. Он отталкивается не от реальности, не от расчетов, не от экономической выгоды, а от некоторой евразийской идеи, которая, с одной стороны — над экономической реальностью, с другой — связана с поисками определенного смысла и национального облика и для России, и для тех стран, которые входили как в традиционные русские миры (не важно — в Российскую империю или в Советский Союз), так и для тех, которые сейчас формируют свою собственную политическую жизнь и политическую идентичность» [64].

С данной точкой зрения трудно спорить. Вопрос лишь в том, как именно двигаться к намеченной цели, какие средства выбрать и какие шаги необходимо предпринять для того, чтобы евразийская интеграция состоялась. И здесь необходимо отметить одну важную особенность нашего времени, связанную с пониманием природы современного общества. После того как управление социальными процессами стало опираться на научные разработки,

одним из результатов этого процесса стало стремительное развитие социальных технологий.

Под социальными технологиями следует понимать практически ориентированное знание об обществе, его институтах и ценностях, сформированное для построения или трансформации этих самых институтов и ценностей, а следовательно, и всего общества в определенном направлении. Для разработки и применения социальных технологий необходимы властные, финансовые и информационные ресурсы, их разрабатывать и применять могут как легитимные субъекты политического действия, так и нелегитимные. К первому случаю относятся власти страны, открыто провозглашающие свои цели и согласовывающие их с широкими слоями общественности, со всем обществом, которому и предстоит стать объектом применения социальных технологий. После того, как развитие науки и внедрение ее методов в практику управления стало неотъемлемой чертой современной жизни.

Нелегитимным можно считать применение социальных технологий к народам других стран, проводимым в жизнь без их согласия и даже информирования. Не следует забывать, что результатом применения социальных технологий может быть также и социальная дезинтеграция или альтернативная интеграция.

Дезинтеграция может идти вместо интеграции, а может протекать и вместе с последней, несмотря на интеграционные усилия, прилагаемые правительствами стран-участниц. И это, по мнению специалистов, общемировой тренд, который поддерживается ростом числа и силы дезинтеграционных факторов, полагая, что большинство из них порождено усложнением обществ и дифференциацией их структур. Российский социолог Л.В. Константинова перечисляет целый ряд наиболее значимых факторов социальной дезинтеграции, наиболее значимыми среди которых, по ее мнению, следует считать «увеличение социальных различий в условиях постоянного роста разделения труда, диффузии и либерализации рынка труда, появления новых профессий и социально-профессиональных групп,

усложнения социальнопрофессиональной структуры, прекаризации труда; рост социального внутристранового и межстранового неравенства, появление новых неравенств, увеличение форм и масштабов социальных исключений, миграционных потоков и социальных перемещений; индивидуализации и атомизации общественной жизни, фрагментации социальной действительности; размывание и амбивалентность ценностно-идеологических оснований; кризис социального государства; политическая плюрализация» [70]. Нет сомнения в том, что при составлении планов интеграции необходимо учитывать все эти факторы и находить средства противодействия их негативному влиянию.

Говоря об альтернативной интеграции, необходимо отметить, что политические игроки способны задействовать в реализации собственных интересов любые средства и методы, порой не считаясь с затратами. Так, в недавнем прошлом ряд государств и обществ бывшего СССР был поставлен перед выбором между двумя разными проектами интеграции: европейской и евразийской. При этом социальные технологии, применяемые различными интеграционными субъектами, превратили процесс выбора в арену противоборства и социально-технологической конкуренции. Конкурировали между собой институты и ценности, проекты развития и образы будущего, и результаты этой конкуренции не всегда зависели от соответствия интересам, целям или ценностям большинства.

К сожалению, умелое применение социальных технологий позволяло блокировать или же перенаправлять волю народа, а нередко и интересы правящей элиты. Конечно же социальные технологии не отменяют таких традиционных средств интеграции или иного типа реализации социального целеполагания как политический, экономический, информационно-идеологический, но в сочетании с социальными технологиями эти типы и средства становятся значительно более эффективными и результативными.

Основанное на научных методах управление обществом предполагает сбор и анализ знания о нынешнем состоянии общества и прогнозировании его последующего развития. Но говорить о социальных технологиях можно лишь тогда, когда на основе собранных знаний и построенных прогнозов производится социальное планирование, социальное проектирование и социальное конструирование. Как и обычная технология изготовления вещей, машин и механизмов, социальная технология способна использовать теоретические положения и знания многих социальных и гуманитарных наук, таких как социология, теория организации и управления, психология, культурология, этнология и других.

Теоретические знания в социальных технологиях привлекаются выборочно и применяются для решения конкретных задач в рамках той или иной социально-технологической конструкции. При этом само знание проходит фундаментальную переработку – дескриптивное и объяснительное соседствует с эмпирически собранным материалом, результатами анализа практики и прогноза. Разработчики и пользователи социальных технологий фактически приходят к реализации алгоритмов структурных, институциональных и ценностных изменений в обществе. Лучше всего изучены избирательные технологии, технологии управления персоналом, технологии манипуляции массовым сознанием и другие.

На повестке дня стоит вопрос о технологиях преобразования институтов и ценностей, описания которых тщательно оберегаются их создателями, случаи их применения слишком эксклюзивны, а получаемый с их помощью эффект представляется в случае успеха весомым. Технологии политического маркетинга подробно описаны и многократно апробированы, их изучают студенты соответствующих направлений подготовки. При этом социальные технологии, направленные на изменение институционального строя общества или его системы ценностей далеко не всегда попадают в поле общественного внимания. Слишком сильно дискредитировали себя эксперименты, которые ставили над российским обществом большевики, а также иные практики

социальных преобразований, основанные на утопическом социальном проектировании.

Упоминание о большевистских экспериментах как о неудачной попытке применения социального инжиниринга сегодня стали общераспространенными. Между тем, большевикам немало удалось и среди прочего, проведенная ими социальная интеграция, при всех ее недостатках, все же обеспечивала развитие страны, построенной на руинах Российской империи. Не менее утопическими выглядят сегодня и проекты построения либерального капитализма западного типа, предпринятые в начале девяностых. Реализация этих проектов с самого начала была обречена на провал. «Попытка российских реформаторов, – пишет С.Г. Кара-Мурза, – “построить капитализм в России”, а затем войти в клуб “западного капитализма” выглядит утопией из XIX в. ... Очевидно, что в России не ведется тайком строительство социализма, но мы не претендуем, чтобы нас приняли в ЕС или НАТО. Мы должны строить порядок, адекватный нашей природе, ресурсам и культуре. Если надо, можно сказать, что мы строим капитализм, но свой – в чем-то схожий с западным капитализмом, а в чем-то отличный» [58].

Конспирологические теории приписывают тем или иным политическим силам, как легальным, так и нелегальным, применение социальных технологий с целью радикального изменения институционального строя и системы ценностей как в своих собственных странах, так и зарубежных. Так, например, Ф.М. Достоевский еще в XIX веке описывал подобные явления, увидев в деятельности социалистов целенаправленную работу по разрушению ценностей. Великий русский писатель понял, что замыслы построения нового гармоничного и справедливого общества наталкиваются на устойчивые институциональные и ценностные основы прежнего общества, которые должны быть разрушены. И вложил в уста одного из героев романа «Бесы» Петра Верховенского подробное изложение плана подобной «социально-технологической» деятельности: «Одно или два поколения разврата необходимо. Разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается

в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, вот чего надо. Мы пустим пожары, мы пустим легенды, мы провозгласим разрушение. Раскачка такая пойдет, которой мир еще не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам. Вот тогда мы пустим... Кого? - Кого? - Ивана-царевича. - Кого? - Ивана-царевича; вас, вас! – Самозванца» [37].

Оставляя «за кадром» конкретику романа, можно отметить, что перед технологом встает вопрос о том, каким образом можно ставить и решать социально-технологические задачи. В социальной философии управленческая активность, направленная на создание новых и преобразование прежних социальных институтов называется социальным инжинирингом.

Сегодня под социальным инжинирингом понимается нечто совсем иное. Благодаря развитию киберпреступности и исследованию способов защиты от нее появилось понятие «атаки на человека», разработанной с использованием научных знаний из области психологии и социологии. Речь идет о совокупности приемов и техник, применение которых буквально заставляет человека делать то, что он не стал бы делать в обычных условиях. Например, использование социальных технологий в общении с неподготовленным собеседником раскрыть конфиденциальную информацию о себе или других, ставя под угрозу их безопасность или благополучие. «Информационные системы защиты, – отмечает Н.В. Дьяков, – могут продолжительное время функционировать в заданных пределах и решать поставленные задачи, что нельзя сказать о самом человеке. Люди так и будут оставаться основной уязвимостью, со своими слабостями, предрассудками, являясь наиболее слабым звеном в цепочке информационной безопасности. Глобальная сеть, как основной и самый быстрый источник получения и распространения информационных ресурсов, таит в себе немало угроз» [41].

В эпоху тотальной цифровизации политики и экономики, сферы досуга и повседневной жизни кибермошенники активно используют такие качества людей, как невнимательность, жадность или доверчивость, что позволяет им с минимальной долей риска обогащаться за счет неискующих жертв. Борьба с

киберпреступностью позволила выявить и описать такие социальные технологии: фишинг (выуживание), троян (обещание быстрой прибыли), кви про кво (услуга за услугу), претекстинг (действие, отработанное по заранее составленному сценарию). Нетрудно видеть, что эти технологии хотя и относятся к разряду социальных, одновременно с этим являются и технологиями интеллектуальными – без компьютеров и цифровой среды их применение невозможно. Но использование именно и прежде всего социальных качеств человека в сфере IT без применения данных технологий было бы невозможно.

Стремление противников евразийской интеграции воспрепятствовать ее успешной реализации при помощи социальных технологий также будет направлено на поиск тех человеческих качеств, использование которых будет способствовать их целям. Предотвратить усилия стран-участниц евразийской интеграции, их правительств и народов поможет свой особый «фишинг» и свой особый «троян», применение которых может быть в меньшей мере зависит от сферы IT, но также тесно связано с работой масс-медиа и массового сознания в XXI веке. Как и любая другая манипуляция, антиинтеграционная манипуляция активно использует те же самые чувства доверчивости, невнимательности, стремления к обогащению. К ним также добавляются ложно понятые чувства национального самосознания, иллюзорные перспективы альтернативного будущего и тому подобное. Все это необходимо учитывать при составлении планов и проектов евразийской интеграции.

Одной из проблем на нынешнем этапе социальной интеграции – рассмотрение социальной интеграции как управленческой задачи, при решении которой необходимо внедрять проектный подход. «Социальный инжиниринг и социальные технологии, – пишут Х.С. Вильданов и М.Р. Усманов, – входят в практику, внедряясь в государственную национальную политику преодоления межнациональных конфликтов и доказав свою значимую роль в разработке и реализации определенных социальных стратегий и алгоритмов. Но, эффективность их применения

крайне ограничена, что, прежде всего, связано недостаточной наукоемкостью» [22].

Разумеется, принятие любого управленческого решения подразумевает прогноз, который делается на основе объяснения, а на основе прогноза осуществляется действие. Но говорить всерьез о применении проектных технологий можно лишь тогда, когда это превращается в отчуждаемое и воспроизводимое знание-действие. И лишь в том случае, когда воспроизведение знания-действия обеспечивает предсказуемый результат, а при сходных условиях применения еще и сходный результат. Тогда технологии и проектные действия могут стать причиной тиражирования знаний-действий.

В этом смысле социальные технологии разрешения конфликтов, включающие в себя и такие хорошо известные формы как организация судопроизводства и не менее древние, но в формально-организационном плане кажущиеся более новыми, такие как медиация, находят свое применение в интеграционном процессе. Если социальные технологии и социальное проектирование возникли как повторение успеха технологического подхода в производстве вещей, строительстве и других способах преобразования природы, то сегодня речь идет о гибридных или даже конвергентных технологиях, где строительство зданий и создание ландшафтов проектируется вместе с социальными институтами и культурными ценностями.

Среди технологий социального инжиниринга можно выделить проектирование социокультурного освоения пространства. П. Керролл исследовал культурное проектирование как процесс, неразрывно связанный с проектированием государств на примере исторического развития Ирландии в период с 1650 по 1900 годы. Сетую на сложность изучения взаимодействия материальных объектов и социальных структур, американский исследователь ностальгирует по тем временам, когда категорию материального активно использовали в социальной философии и других науках об обществе.

Подвергая анализу возможности применимости триангуляции к вопросу о современном государстве, сочетающем идеи, принципы и материальные объекты, П. Керролл подчеркивает важное обстоятельство: некорректно использовать термин «действия» применительно к понятию государства так же, как это принято делать при рассмотрении понятия актора, используемого в качестве модели активности отдельного человека. При этом он убежден в том, что обычная триангуляция, соединяющая в единую систему идеи, принципы и материальные объекты, здесь не работает. «Государства, – отмечает П. Керролл, – это идеи и дискурсы, которые оспариваются и исторически меняются. Это проекты, абстракции, воображения, фантазии и институты. Но государства – это также практика, творческая, искусная, дополняющая, репрессивная, дисциплинарная, регулятивная и непрерывная. Это социотехнические системы, хитроумные изобретения человеческих и нечеловеческих вещей. Система существует в зданиях, дорогах, картах, каналах, школах, полиции и так далее. Идеи и дискурсы встроены в материальную систему и связанные с ней практики, но не всегда в той же степени или на том же уровне систематичности» [171].

Это обстоятельство не должно ускользать и от внимания тех, кто разрабатывает контуры евразийской интеграции. Необходимо объединить социальное, техническое, экономическое и ценностно-духовное планирование и, оставив в неприкосновенности природу планируемых объектов (или подсистем), научиться соединять их в единую систему.

Приводя в качестве примеров для сравнения историю постколониальной Ирландии и короткий исторический опыт постсоветской России, П. Керролл замечает, что граждане независимой Ирландии сохранили не только материальные объекты колониального прошлого, но и саму систему управления, а также поддерживающие ее политические, правовые и экономические институты. При этом россияне всего за десятилетие разрушили и снесли множество материальных памятников советской истории, столь же решительно разделившись и с советской системой администрирования. Нельзя

отделять социальное от материального, убежден американский теоретик. Территория, население, то есть земля и люди остаются там же, где и были, а объединяющие их идеи и дискурсы могут сменяться. Но при этом не следует думать о радикальной замене ценностей. Поэтому нельзя отождествлять государство с социальными отношениями: строительство государства – это не в меньшей степени процесс материального производства, чем производства духовного.

Социальные технологии, применение которых обеспечило бы успешность евразийской интеграции, должны базироваться на данных социологической науки и методах изучения (или мониторинга) общественного мнения. Их разработка и применение подразумевает не только теоретически обоснованное планирование и прогнозирование социальных изменений, но и эмпирическое изучение интегрируемых объектов, прежде всего отслеживание и анализ происходящих изменений, а также причин расхождения прогноза и действительности. Все три метода эмпирического исследования – наблюдение, измерение, эксперимент – должны быть востребованы для решения этой задачи.

Примером применения социальных технологий может стать эмпирическое исследование евразийской интеграции в одной отдельной взятой сфере интеграционных изменений. Созданный в Москве Центр изучения перспектив интеграции проводит измерения евразийского медиаиндекса. Измерению подвергаются такие переменные, как «официальность риторики», «уровень рефлексии», «вовлеченность в соцсетях» и даже «позитивность в соцсетях». По каждой из переменных составляется отдельный индекс, а все вместе они образуют интегральный индекс. Из опубликованных составителями Медиаиндекса резюме можно узнать, что в Казахстане наблюдается рост всех вышеназванных частных индексов, что они объясняют председательством данного государства в ЕАЭС. На этом фоне происходит смещение медиаиндексов остальных государств друг относительно друга и попытки найти объяснение каждому из указанных

перемещений – пример применения той части социальных технологий, которая предполагает наблюдение за объектом, причем наблюдения, основанного на измерениях.

Составляемый исследователями и проектировщиками социальной стороны евразийской интеграции медиаиндекс позволяет учитывать не только результаты активности ведущих СМИ, но и процессы изменения настроений, отражающиеся в социальных сетях. Авторы резюме фиксируют здесь преобладание негатива над позитивом, пишущие в социальных сетях на темы, связанные с евразийской интеграцией либо теряют интерес к открывающимся в связи с интеграционными изменениями перспективам, или раздраженно жалуются на возникающие трудности. «Эксперты связывают это с тем, – отмечается в отчете, – что евразийская проблематика близка только узкому кругу граждан, непосредственно занятых в экономических процессах (предпринимателям, юристам, экономистам). Таким образом, широкая аудитория чаще обращается к тематике ЕАЭС в контексте явлений, которые этой аудиторией воспринимаются негативно: введение или увеличение пошлин, конфликты в сфере миграции, проблемы с таможней».

Как уже отмечалось выше, случаем разработки и применения социальных технологий является социальный инжиниринг, когда ставится задача создания или изменения социальных институтов. Еще в середине XX века создание новых социальных институтов воспринималось как вполне приемлемая и реальная задача, хотя уже большевистский опыт отмены денег, рыночной экономики и иных институтов «буржуазного прошлого» казалось бы должен был отвратить от этой и подобных ей идей.

Под влиянием развития кибернетики и общей теории систем разговоры о проектировании новых и модернизации старых институтов вновь стали популярны. Рост присутствия компьютеров и других технических устройств в управленческих, производственных и иных социальных практиках привел к радикальному изменению самого объекта управления – от управления социальными системами перешли к управлению техносоциальными (или

социотехническими) системами. При этом возросла угроза превращения человека в объект манипуляции, что побудило многих внимательнее приглядеться к социально-философским основам социальной инженерии. Между тем, создание новых социальных институтов или трансформация прежних с точки зрения социальной технологии задачи, сходные по уровню сложности. В одних случаях легче создать новый, а в иных – трансформировать старый, хорошо зарекомендовавший. Так, та же конституция – институт, родившийся сравнительно недавно и в его рождении нашли свое применение результаты развития философии и теоретического обществознания. Поэтому социальный инжиниринг должен стать одним из средств социальной интеграции на современном этапе, в том числе и для евразийской интеграции.

Таким образом, необходимо понять, что евразийская интеграция будет успешной и конкурентоспособной лишь тогда, когда процессы конструирования социальной реальности будут максимально прогнозируемы, контролируемы и проектируемы. Когда говорят об обществе, его экономике или культуре как саморазвивающихся системах, рискуют столкнуться с хаотизацией, фрагментацией, деструкцией. Еще свежа память о том, как во второй половине восьмидесятых рушился социальный, политический и экономический строй советского общества, а в начале девяностых были разрушены хозяйственно-экономические структуры и институты под предлогом их неэффективности. И в первом, и во втором случае это саморазрушение осуществлялось под лозунгом дебюрократизации и с безграничными надеждами на креативную силу самоорганизации. Разница здесь состоит только в том, что в позднесоветскую эпоху теоретическим фундаментом саморазрушения стал перенос в сферу социального теоретизирования схем и моделей, рожденных в области физической химии, а реформаторы из гайдаровской команды опирались на неолиберальные экономические доктрины чикагской школы. Но и пригожинская синергетика, с ее идеей рождения порядка из хаоса, и чикагское учение о «невидимой руке»

рынка сослужили дурную службу поверившим в них управленцам. Разрушение системы производства и управления в ходе ускорения, перестройки, а затем и применения шоковой терапии обернулось социальной и экономической катастрофой и величайшими бедствиями для россиян. Поэтому говорить о самоорганизующемся или саморазвивающейся Евразии, ее способности к стихийной интеграции – значит пустить это дело на самотек и в результате получить лишь хаос и разруху.

Управлять процессами, строить новые институты, создавать новые пространства, противодействовать дезинтеграционным силам – все это является неотъемлемой чертой процесса социальной интеграции в современных условиях. Но для успешного социального управления, а также для разработки и применения социальных технологий крайне важно выявить и сформулировать ценности, которые могли бы быть положены в основание социальной интеграции. Поиски ценностной основы евразийской интеграции проходят параллельно с поисками ценностей, которые могли бы быть положены в фундамент социальной интеграции современного Российского общества. Учитывая, что евразийская и российская системы ценностей уже существуют, но еще не до конца ясны и не до конца сформулированы, встает вопрос о том, как и в каком виде они должны быть предъявлены миру. Или, что почти одно и то же, от имени какого авторитета они могут быть провозглашены? Ясно лишь одно – евразийская и российская системы ценностей не только не должны противоречить друг другу, эти две аксиологические системы должны быть максимально когерентны. Более того, от соответствия этих двух систем зависит и то, насколько успешной будет евразийская интеграция и насколько конкретные ее очертания окажутся выгодны и даже приемлемы для Российской Федерации и остальных участников этого проекта. Но прежде надо найти ответ на вопрос, кто и как опишет эти ценности.

Поиски базовых ценностей россиян ведутся не первый год достаточно вспомнить масштабные философские, социологические и культурологические

исследования [21]. Но сегодня все отчетливее осознается необходимость дополнить изучение общественного мнения определением базовых ценностей россиян, присутствующих в их сознании на глубинном, архетипическом уровне. Для решения этой задачи должны быть привлечены новейшие средства и методы, выходящие за рамки привычных опросов, где интервьюер, предлагая респонденту готовый перечень ответов и тем самым подсказывая ему его мнение. Да и сама логика подобных опросов такова, что с неизбежностью вводит респондента в пространство актуального политического дискурса, что блокирует обращение к базовым ценностям.

Чтобы не оказаться в замкнутом кругу общественного мнения, группа российских исследователей под руководством главы президентского управления по обеспечению деятельности Госсовета Российской Федерации А.Д. Харичева отказалась от традиционного инструментария количественной социологии. Ученые обратились к познавательным возможностям качественной социологии, опирающейся на теоретический фундамент социальной феноменологии и герменевтики, проведя исследование методом групповых дискуссий. Системно-структурный анализ, основанный на принципе гармоничности целого, автором которого является В.А. Ганзен, позволил выделить базовые факторы и структуры социально-исторического развития. Поиски метафор общества и государства привели их к неким образам, условно названным «Жар-птицей», «Пирожком» и другие [150].

Авторы статьи убеждены в том, что основой системы базовых ценностей являются существующие и желаемые качества человека, социальных структур, общества, государства, страны в целом. Это сочетание они называют смысловым «общенациональным цивилизационным кодом», реконструкция которого позволит узнать глубинное восприятие роли и места человека в государстве и обществе, что даст необходимые основания для поиска концепций и стратегий. Такие стратегии и концепции важны не только потому, что близки к мировоззренческим сферам, но и потому, что рождаются не из утопических проектов освобождения рабочего класса и не из грез об

объединении всех славянских народов. Их базирование на общенациональных ценностях делает, по мнению авторов, вырастающие из этих ценностей стратегии и концепции также близки к народу, как и сами глубинные ценности.

Изучение коллективного бессознательного россиян не только принесло немало неожиданностей, но и позволило значительно четче и обоснованнее сформулировать национальные ценности российского народа. Так, по мнению авторов, «в коллективном бессознательном пространственный образ страны является глубоко укоренной частью внутреннего мира человека, вокруг которой фокусируются различные эмоции, переживания, эмоциональные состояния. Таким образом, представление о “величии России” это – не только идеологическая, но и экзистенциальная категория» [150].

Как отмечают авторы статьи, в системе базовых ценностей россиян можно выделить пять уровней, что позволяет им идентифицировать всю эту систему как «пентабазис». Уровнями или блоками «пентабазиса» в данной методологической и теоретической модели выступают человек, семья, общество, государство, страна. Порядок элементов пентабазиса – нисхождение от общего к единичному. Так, на наивысшем уровне – уровне страны – базовой ценностью становится «патриотизм», а на уровне государства здесь в качестве ценности выступает доверие к общественным институтам. Вопреки всем конфликтологическим концепциям, приписывающим конфликту системообразующие функции, главной ценностью в фундаменте российского общества видится «согласие», а для семьи – «традиции». И, наконец, отнесение к уровню человека ценности «созидания» позволяет отвергнуть все ложные тезисы неизбежного выбора между модерном и традиционностью, между гуманизмом и коллективизмом, между целерациональным и ценностно-рациональным.

Б.В. Межуев подвергает анализу соотношение общественного мнения и архетипических ценностей, а также влияние этого соотношения при формулировании национального интереса. Российский теоретик называет

четыре пункта, позволяющих фиксировать смысловое содержание данной корреляции. По мнению Б.В. Межуева, как для политика, так и для публициста ясно, что соответствие политики национальному интересу тогда, когда, во-первых, в ней находит свое отражение позиция политической и экономической элит, а также общественное мнение. Во-вторых, векторы декларируемой и проводимой политики должны опираться на культурные традиции страны, на устойчивые представления о ее геополитической и этноконфессиональной идентичности, а также на представления о ее роли в мировой истории. В-третьих, политическая активность оправдана лишь тогда, когда она направлена на укрепление военно-стратегических позиций государства. И, наконец, в-четвертых, во всех случаях национальная политика должна вести к улучшению социально-экономического положения страны и подавляющего числа ее граждан.

Далее Б.В. Межуев подробно анализирует исторический период 1892-1903 годов, когда два из четырех названных им элементов национального интереса приходят в противоречие друг с другом. Прежде всего он обращается к понятию традиционного, выделяя в нем сложную структуру, включающую в себя не только ценностные императивы, но и реальные социальные обычаи и институты. И первое, и второе одинаково важно для подлинного традиционализма, хотя сословные иерархии не только в книгах, но и в массовом сознании не могут не вступать в противоречие с важным для христианства принципом равенства людей перед Богом.

Далее Б.В. Межуев задается вопросом о том, можно ли сконструировать национальный интерес и могут ли при этом быть использованы ложно поняты «артефакты» данного интереса. Как известно, в политике России на рубеже XIX и XX веков произошел стратегический поворот геостратегических интересов: Ближний Восток отошел на второй план, уступив место Дальнему. Архитектор внешней политики в тот период С.Ю. Витте сформулировал и продвигал новый вектор российской экспансии, как экономической и политической, так и военной, опираясь при этом на две противоречащие друг

другу идеи. «Согласно одной из них, наиболее последовательно проповедуемой Ухтомским, политика России на Востоке не имела ничего общего с грабительским империализмом западных держав: Россия шла в "желтую" Азию как ее союзник и спаситель, а не как захватчик. Исходя из другой, пропагандируемой кайзером Вильгельмом II в его переписке с Николаем II, а в России философом Соловьевым и затем С.Н. Трубецким, России предстояло выполнять роль барьера на пути "желтой опасности", способной духовно, а затем и военным путем покорить и поработить христианский мир» [88].

Политические проекты и реальная политика всегда опираются на различные идеи, а сами политики вынуждены искать и находить консенсус интересов. Но при этом в основе политики должна лежать некая идея, базирующаяся на определенной картине мира и максимально четко обозначенной системе ценностей. В противном случае мы сталкиваемся с тем, что проводящие нечеткую и несформулированную политику лидеры будут вынуждены совершать разнонаправленные действия, которые, в конечном итоге, если и не делают все усилия политиков напрасными, неизбежно снижают эффективность предпринятых шагов.

Б.В. Межуев считает источником данного противоречия не чей-то злой умысел, а многообразие исторического опыта государства, в котором представления о геополитической или конфессиональной идентичности могут иметь варьируемые значения. Но если данное положение дел встречается в ценностном сознании любого общества, в случае с Россией ситуация приобретает совершенно особый характер. Две прямо противоположные идеи управляют умами политиков и транслируются для широкой политической активной общественности. Раздвоение политического сознания приводит к результатам, не принесшим в исторической перспективе стране ничего хорошего. «Для политического сознания России, – отмечает Б.В. Межуев, – характерно представление, будто сакральный центр империи находится не внутри, а вне ее. Именно это и заставляет ее стремиться к присоединению

территорий, приближающих страну к отдаленному от нее центру, где бы тот ни находился — в Европе, на Балканах или даже в сказочном Тибете, и именно здесь сокрыта духовная загадка "русского империализма", по большей части непонятная для западных исследователей» [88].

Выявленная и сформулированная Б.В. Межуевым особенность политического сознания россиян, как и лежавшая в его основе системы архетипических ценностей, делает эту культурно-аксиологическую систему предельно эффективной основой евразийской интеграции. Отнесение сакрального центра империи вовне есть уникальность российской цивилизации, которая сохраняется и в современный постимперский период, когда на повестке дня добровольное и взаимовыгодное объединение стран и народов, культур и цивилизаций.

Основной социальной технологией евразийской интеграции, несомненно, является социальное проектирование. Не следует сводить социальное проектирование к деятельности, направленной на организацию социальной работы и совершенствование режима функционирования социальной сферы. Конечно же, поиск путей решения насущных социальных проблем входит в компетенцию управленцев, в том числе и ответственных за интеграционные процессы. Однако в случае евразийской интеграции речь идет о гораздо более важном функционале, нежели решение социальных проблем. Необходимо создавать новые социальные структуры и институты, не нарушая сложившиеся ансамбли и конфигурации прежних. В противном случае, это будет воспринято социальными системами стран-участниц евразийской интеграции как насилие и внешняя агрессия. А ответом самих интегрируемых обществ на насилие и внешнюю агрессию может быть только сопротивление, ибо у каждой сложившейся и успешно функционирующей есть системный иммунитет, обусловленный самой природой социального. И сколь не ясными были бы призывы со стороны политических и управленческих центров к принятию и включению в систему новых структур и институтов, без их социальной интеграции все усилия в административной,

политической, правовой или культурной сферах не принесут желаемого результата. Только социальное проектирование позволяет сделать интеграционный процесс результативным.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что функционирование культурной, личностной и социальной подсистем общества крайне ограниченно поддаются административному и правовому регулированию, ими невозможно управлять при помощи постановлений, директив и даже обоюдовыгодных договоров. Вот почему с особой актуальностью перед странами-участницами евразийской интеграции встает вопрос о применении социальных технологий и даже социального инжиниринга. Необходимость создания новых социальных институтов и ценностей сочетается при этом с обязанностью сохранения прежних социальных структур духовных ориентиров. Поэтому на повестке дня стоит разработка и применение специальных социальных технологий, направленных на гармонизацию межкультурных, межконфессиональных и межэтнических отношений, на поиски путей сбалансированного взаимодействия прежних и новых социальных устоев, расцвет культурного и ценностного многообразия. Особая роль социальных технологий в проекте евразийской интеграции как раз и заключается в том, чтобы в процессе создания единого политического, экономического, правового, информационного и ценностного пространства сохранить многообразие традиций, культур и цивилизаций.

Заключение

Подводя итоги исследования, хотелось бы отметить, что евразийская интеграция представляет собой сложный, многофакторный и гетерогенный динамический объект для социально-философской рефлексии, которая должна опираться на результаты специализированного и междисциплинарного анализа сложившихся реалий. При этом основными направлениями исследования должны быть сферы рационально-прагматического и экзистенциально-ценностного интересов российского государства и общества с точки зрения их соотношения и поисков их соответствия. Необходимо объединить усилия российских и зарубежных авторов, исследовательских структур и аналитических центров и обеспечить их эффективное взаимодействие с органами государственной власти и социального управления, нормотворцами и предпринимателями, а также всеми заинтересованными акторами.

Для того чтобы исследовательская и управленческая деятельность по обеспечению нужной направленности евразийской интеграции и ее содержательного наполнения носила системный характер, необходимо опереться на надежный философский и социально-теоретический фундамент. Только в этом случае можно говорить о подлинной системности интеграционных усилий, что выразилось бы в единстве правовой, экономической и культурной политике Российской Федерации, а также в ее взаимодействии с другими странами-участницами евразийской интеграции. Между тем, как показало исследование, философские и теоретические основы изучения интеграционных процессов и всех управленческих практик, относящихся к данной сфере, являются плохо согласованными и нередко носят случайный характер.

Работы российских и зарубежных авторов не оставляют сомнения в том, что как при разработке политической стратегии, так и в процессе формирования экономической, информационной и культурной политики

теоретики опираются на ограниченный набор концептуальных схем и моделей, разработанных в США и западноевропейских странах для проведения политики глобального доминирования. Их идейно-ценностная ангажированность и теоретико-идеологическая зависимость от задач позднего колониализма и гегемонизма, многократно доказанная и описанная российскими философами и учеными, не позволяет видеть в них надежный теоретический фундамент для определения векторов и ориентиров интеграционных процессов.

Использование в качестве объяснительного и методологического инструментария таких теорий, как глобализм, консюмеризм, столкновение цивилизаций или постмодернизм не позволяет в должной мере использовать управленческий потенциал российского государства, но и проводить интеграционную политику в направлении, несоответствующем национальным интересам Российской Федерации. Вот почему так важно обратиться к социально-философским идеям ряда российских философов, вот уже более столетия размышлявших над ценностными основаниями и стратегическими перспективами евразийской интеграции. Как показано в работе, несмотря на живой интерес российских исследователей к философскому наследию евразийцев их предшественников и современников, чьи идеи также оказались востребованы в рамках евразийского дискурса, осмысление их наследия как никогда актуально и далеко от своего завершения. Более того, современная российская социально-философская, философско-политическая и историко-философская мысль разделилась и в оценке их наследия, и в выборе направления творческого развития их идей, что нередко приводит их к различным, а иногда и к прямо противоположным выводам.

Как было показано выше, генезис и эволюция философии евразийцев двадцатых годов представляет собой уникальный синтез философии политического действия в экстремальных условиях, что позволяет использовать идеи и принципы данного интеллектуального явления как образец проектной онтологии. Эта особенность евразийцев была обусловлена,

с одной стороны, необходимостью оппонирования большевистскому проекту, а с другой – потребностью выразить свои идеи в формах, близких к формам социального проектирования пролетарской революции «в одной, отдельно взятой стране». Осознав свое сходство с социальным и политическим проектом большевиков, евразийцы-иммигранты осознали и радикальное отличие предлагаемого ими альтернативного проекта. Если первый проект был построен как идеологический, и в основе его лежала проектная идеология, то евразийцы, благодаря использованию духовных сокровищ русского православия, русской культуры и русской религиозной философии, смогли предложить проектную онтологию. Именно это обстоятельство сделало евразийство безальтернативной философией политического действия в условиях отказа от проекта построения коммунизма.

Новейшие версии евразийской идеи родились еще в период господства марксистско-ленинской философии и коммунистической идеологии в послевоенном СССР. Сегодня неоевразийцы разделились три конкурирующих направления: геополитическое, этногеографическое и культурологическое концепции. Первое представлено теоретиками, проповедующими ценности консерватизма – их лидером является А.Г. Дугин и члены зиновьевского клуба. Второе опирается на творческое наследие Л.Н. Гумилева и имеет много приверженцев в университетах Татарстана и Башкирстана, а также в государствах-участницах евразийской интеграции, таких как Казахстан, Кыргызстан и других. Третье направление связано с Институтом философии РАН, лидером которого можно считать А.В. Смирнова. Несмотря на все отличия этих направлений и на все особенности институционализации каждого из них, все три вносят свой вклад в философско-теоретический фундамент евразийской интеграции.

Социально-философское исследование перехода от теории к практике в случае евразийской интеграция также сталкивается с проблемой междисциплинарности, а также с такими методологическими, как высокая теоретическая нагруженность одних социальных практик, имеющих значение

для интеграционного процесса, и практически полная свобода от теоретизирования других. Это особенно отчетливо видно в сфере применения социальных технологий, которые можно было бы разделить на инструментально-аналитические технологии, административно-управленческие и социально-конструктивные.

Различение логики и прагматики евразийской интеграции в своей основе имеет различение стратегического и тактического или постоянного и сиюминутного. Разумеется, в контексте теории деятельности речь здесь идет об определении национального интереса или, точнее, о системе национальных интересов. Последняя позволяет выявить и сформулировать структуру и содержание национального целеполагания, его ценности и смыслы.

Одна из аксиом планирования и реализации евразийской интеграции состоит в том, что одновременное конструирование политического, экономического, правового и социокультурного пространств осуществляется из социокультурных и административных целостностей, соответствующих существующим сегодня странам и регионам. Но у каждой из этих стран и у каждого региона своя история, а также их общая история, в которой накопилось немало исторических обид и противоречий. Это делает процесс социальной трансформации сложным объектом планирования и управления, невысказанным без социальных технологий и отдельной совместной работы управленцев, исследователей, технологов. Объектами неагрессивного преобразования должны стать этнокультурные и этноконфессиональные идентичности.

Отмечаемая в работе, трудность когерентного преобразования культурной, личностной и социальной подсистем общества связана со слабой административной и правовой регулируемостью данного типа объектов. Лишь разработка и применение таких социальных технологий, как управление ценностями, способны обеспечить успешный и по-настоящему устойчивый процесс развития и углубления евразийской интеграции. Дальнейшее исследование в рамках данной темы предполагает поиск единой

технологической платформы, позволяющей объединить инструментально-аналитические, административно-управленческие и социально-конструктивные технологии на основе проектной онтологии, выявленной и сформулированной на основе идей классического евразийства и неоевразийской философии.

Список литературы

1. Абалкин, Л.И. Экономические реалии и абстрактные схемы / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1996. – № 12. – С. 16-28. – ISSN 0042-8736.
2. Алексеев, Н.Н. Евразийцы и государство / Н.Н. Алексеев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – Москва : Наука, 1993. – С. 161-174. – ISBN 9785020082151.
3. Ананьев, А.А. К вопросу о теоретических основах евразийских интеграционных проектов / А.А. Ананьев // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности : коллективная монография. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГЭУ, 2021. – С. 23-30. – ISBN 978-5-7310-5360-0.
4. Артамонов, М.И. История хазар / М.И. Артамонов ; под редакцией и с примечаниями Л.Н. Гумилева. – Ленинград : Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с. – ISBN отсутствует.
5. Аршин, К.В. Моделирование процессов адаптации/интеграции мигрантов: методологический аспект / К.В. Аршин // Власть. – 2020. – № 4. Том 28. – С. 51-58. – ISSN 2071-5358.
6. Аствацатурова, М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: на материалах Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Аствацатурова Майя Арташесовна ; Северо-Кавказская академия государственной службы. – Ростов-на-Дону, 2003. – 530 с.
7. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы // под редакцией А.В. Рябова, Е.Ш. Курбангалеевой. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с. – ISBN 5-7333-0225-9.

8. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 2004. – 944 с. – ISBN 5-87444-203-0.
9. Бердяев, Н.А. Евразийцы / Н.А. Бердяев // Путь. – 1925. – № 1. – С. 134–139. – ISSN отсутствует.
10. Бернюкевич, Т.В. Рецепции буддизма в России и «русское азиофильство» конца XIX – начала XX в. / Т.В. Бернюкович // Государство, религия, церковь. – 2020. – № 1 (38). – С. 37-61. – ISSN 2073-7211.
11. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть / Ж. Бодрийяр // Логос. – 1997. – № 9. – С. 107-116. – ISSN 0869-5377.
12. Бойматов, У.Б. Гибридизация и глокализация как факторы реорганизации социальных пространств / У.Б. Бойматов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2018. – Выпуск № 4 (17). – С. 121-124. – ISSN 2587-7046.
13. Бромлей, Ю. К вопросу о сущности этноса / Ю. Бромлей // Природа. – 1970. – № 1-2. – С. 51-60. – ISSN 0032-874X. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL : https://scepsis.net/library/id_836.html (дата обращения: 13.06.2022).
14. Брусенцова, Н.В. Концепция "культуролоичности" Л.П. Карсавина : специальность 24.00.01 Теория и история культуры : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологических наук / Наталья Владимировна Брусенцева ; Государственная академия славянской культуры. – Москва, 2000. – 257 с.
15. Валовая, М.Д. Евразийская интеграция: от теории к практике / М.Д. Валовая / Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник ; ответственный редактор В.И. Герасимов. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 49-53. – ISBN 978-5-392-38216-3.
16. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; Москва : Прогресс, 1990. – 808 с. – ISBN 5010015846.

17. Вернадский, В.И. Автотрофность человечества / В.И. Вернадский // Русский космизм: Антология философской мысли. – Москва : Педагогика -Пресс, 1993. – С. 288-303. – ISBN 978-5-86889-577-7.
18. Вернадский, В.И. Живое вещество / В.И. Вернадский ; Москва : Наука, 1978. – 358 с. – ISBN 978-5-458-32199-0.
19. Вернадский, Г.В. Монголы и Русь / Г.В. Вернадский ; Москва : Ломоносовъ, 2017. – 512 с. – ISBN 978-5-91678-753-5.
20. Ветренко, И.А. Евразийская интеграция как стратегический выбор России / И.А. Ветренко // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1 (31). – С. 78-83. – ISSN 2073-2929.
21. Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций : по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22-24 сентября 2022 г. – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2022. – 452 с.
22. Вильданов, Х.С. Социальный инжиниринг и социальные технологии в управлении социальными процессами в многонациональном и поликультурном обществе / Х.С. Вильданов, М.Р. Усманов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10 (137). – С. 430-433. – ISSN 2073-4506.
23. Гайдар, Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция / Е.Т. Гайдар ; Санкт-Петербург : Норма, 2009. – 336 с. – ISBN 978-5-87857-155-5.
24. Головина, Е.Е. Евразийский экономический союз в системе интеграционных мирохозяйственных процессов / Е.Е. Головина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 2 (67). – С. 124-135. – ISSN 1818-510X.
25. Гофман, А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность / А.Б. Гофман / Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 241-254. – ISSN 2227-7951.
26. Гранин, Р.С. Символика "Семирамиды" А.С. Хомякова /

Р.С.Гранин // Философская мысль. – 2013. – № 6. – С. 199-228. – ISSN 2409-8728

27. Гумилев, Л.Н. Евразийство / Л.Н. Гумилев ; Текст : электронный. – URL : <https://rideo.tv/video/55372/> (дата обращения: 13.06.2022).

28. Гумилев, Л.Н. Открытие Хазарии / Л.Н. Гумилев // Москва : Айрис-пресс, 2014. – 416 с. – ISBN 978-5-8112-5302-9.

29. Гумилев, Л.Н. Хазария и Каспий / Л.Н. Гумилев // Вестник ЛГУ. – 1964. – № 6. – С. 91-99. – ISSN 2713-1327.

30. Гумилев, Л.Н. Хазария и Терек / Л.Н. Гумилев // Вестник ЛГУ. – № 24. – С. 77-81. – ISSN 2713-1327.

31. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев ; Текст : электронный. – URL : <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe09.htm#ebe09chapter38> (дата обращения: 13.06.2022).

32. Гусев, Д.Г. Управляемый хаос / Д.Г. Гусев // Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь ; ответственный редактор А.В. Тихонов. – Москва : Издательство URSS, 2014. – С. 282-283. – ISBN 978-5-396-00644-7.

33. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский ; Санкт-Петербург : Редакционно-издательский центр «Истоки», 1871. – 577 с. – ISBN 978-5-17-155356-2.

34. Джалал, М.А.К. Тенденции и перспективы развития финансовых рынков стран Евразийского экономического союза / М.А.К. Джалал, Л.М. Борщ // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности: коллективная монография. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГЭУ, 2021. – С. 653-671. – ISBN 978-5-7310-5360-0.

35. Дидикин, А. Право и нейронауки : сборник статей / А. Дидикин,

М. Беляев, В. Горбань ; Москва : Институт государства и права РАН, 2018. – 44 с. – ISBN 978-5-4493-4953-8.

36. Диев, В.С. Объединяя усилия в исследовании социальных процессов / В.С. Диев, В.Н. Руденко, В.В. Целищев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2012. – № 3. Том 10. – С. 5. – ISSN 2541-7517.

37. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. Том 7 / Ф.М. Достоевский ; Ленинград : Наука, 1990. – 460 с. – ISBN 5-02-027898-X.

38. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Том I // под редакцией Л.В. Литвиновой. – Москва : Мысль, 1972. – 363 с. – ISBN отсутствует.

39. Дугин, А.Г. Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? / А.Г. Дугин // Философия права. – 2009. – № 4 (35). – С. 7-15. – ISSN 1817-7085.

40. Дугин, А.Г. Философия традиционализма / А.Г. Дугин ; Москва : Арктогея-Центр, 2002. – С. 21.

41. Дьяков, Н.В. Применение методов социальной инженерии в социальных сетях / Н.В. Дьяков // Общество. – 2020. – № 2 (17). – С. 126-128. – ISSN 2310-9319.

42. Евразийская интеграция: современные вызовы и новые горизонты : ежегодный доклад интеграционного клуба при председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2016 год / под общей редакцией начальника Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, ответственного секретаря Интеграционного клуба, доктора экономических наук В.Д. Кривова. – Москва : Издание Совета Федерации, 2016. – С. 30.

43. Евразийская интеграция: форма, цели и последствия / ВЦИОМ : сайт. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/evrazijskaya-integracziya-forma-czeli-i-posledstviya> (дата обращения: 13.06.2022).

44. Елизаров, М. Последствия «стирания» границ социально-правового пространства государства в условиях глобализации / М. Елизаров // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 3. Том 14. – С. 949-951. – ISSN 1998-4812.

45. Ермолаев, В.Ю. Был ли Л.Н. Гумилев учеником П.Н. Савицкого? (по материалам писем Л.Н. Гумилева 1956–1961 гг.) / В.Ю. Ермолаев // Вестник Пермского университета. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 205-212. – ISSN 2219-3111.

46. Зарифуллин, П.В. Новые скифы / П.В. Зарифуллин ; Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 2014. – 512 с. – ISBN 978-5-8370-0655-5.

47. Захарова, М. Ответы сравнительного права на технологические вызовы внешней среды / М. Захарова // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 8. – С. 33-37. – ISSN 1813-1190.

48. Захарова, М. Сравнительное правоведение: вопросы теории и практики : монография / М. Захарова. – Москва : Проспект, 2015. – 160 с. – ISBN 978-5-392-16444-8. – Текст : электронный. – URL : <https://e.lanbook.com/book/54668> (дата обращения: 13.06.2022).

49. Звездова, А.Б. Формирование единого экономического пространства в рамках ЕВРАЗЭС: внешнеторговые и экономические аспекты / А.Б. Звездова, В.В. Килин // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Економіка. – 2014. – № 7. – С. 31-42. – ISSN 2518-1394.

50. Зорькин, В.Д. Сон права рождает произвол. Как понять, что является подлинным правом / В.Д. Зорькин ; Текст : электронный. – URL : <https://rg.ru/2017/06/06/valerij-zorkin-son-prava-rozhdaet-proizvol.html> (дата обращения: 13.06.2022).

51. Зубок, Ю.А. Симулятивно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся социальной реальности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, О.В. Дивненко // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке : материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества

имени М.М. Ковалевского. 10-12 ноября 2016 г. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2016. – с. 260-263.

52. Иноземцев, В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века / В.Л. Иноземцев ; Москва : Альпина Паблишер, 2018. – 156 с. – ISBN 978-5-9614-7136-6.

53. Искаков, И.Ж. Некоторые вопросы методологии изучения политических процессов в Евразии / И.Ж. Искаков // *Via in tempore. История. Политология*. – 2022. – № 2. Том 49 – С. 461-470. – ISSN 2687-0967.

54. История России с древнейших времен. Книга 4. Том 7-8 ; Москва : Голос, 1994. – 758 с. – ISBN 978-5-04-162666-2.

55. Кабаев, Д.А. Евразийская интеграция: текущая ситуация и перспективы / Д.А. Кабаев // *Геополитика.RU*. – Текст : электронный. – URL : <http://www.geopolitica.ru/article/evraziyskaya-integraciya-tekushchaya-situaciya-i-perspektivy> (дата обращения: 13.06.2022).

56. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года ; Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. – 91 с.

57. Кара-Мурза, С.Г. Евразийская интеграция: главные трудности / С.Г. Кара-Мурза // *Философия хозяйства*. – 2014. – № 1 (91). – С. 40-45. – ISSN 2073-6118.

58. Кара-Мурза, С.Г. Утопия конвергенции / С.Г. Кара-Мурза // *Социально-гуманитарные знания*. – 2017. – № 1. – С. 7-24. – ISSN 0869-8120.

59. Карсавин, Л.П. Основы политики / Л.П. Карсавин // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн*. – Наука, 1993. – С. 174-216. – ISSN 2072-3156.

60. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – ISBN 5-7598-0069-8.

61. Катаева, О.В. Проблемные вопросы адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество и некоторые пути их решения /

О.В. Катаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 108-128. – ISSN 1995-5502.

62. Киплинг, Р. Баллада о Востоке и Западе / Р. Киплинг ; Москва : Азбука-классика, 2008. – 304 с. – ISBN 9781600452130.

63. Китайский регионализм как фактор модернизации : монография / Д.В. Сухарев, М.Н. Фомина, О.А. Борисенко [и др.]. – Москва : Издательский дом Академии Естествознания, 2017. – 82 с. – ISBN 978-5-91327-503-5.

64. Клепач, А.Н. Евразийская идея: политический, идеологический, экономический, социальный феномен / А.Н. Клепач // Философия хозяйства. – 2014. – № 1 (91). – С. 35-40. – ISSN 2073-6118.

65. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 томах. Том 2 / В.О. Ключевский ; Москва : Мысль, 1987-1990. – 908 с. – ISBN 5-244-00072-1.

66. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) ; Москва : Ладомир, 1993. – 392 с. – ISBN 5-94373-033-8.

67. Койре, А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре ; Москва : URSS, 2003. – 272 с. – ISBN 5-354-00801-8.

68. Колосов, В.А. Постсоветские границы: своеобразие, трансграничные взаимодействия и безопасность / В.А. Колосов // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза – Москва : Новый хронограф, 2012. – 896 с. – ISBN 978-5-94881-182-3

69. Колпаков, В.А. Технология постепенных социальных преобразований или социальной инженерии К. Поппера / В.А. Колпаков, В.Г. Федотова // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 4. – С. 62-71. – ISSN 1811-833X.

70. Константинова, Л.В. Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации / Л.В. Константинова // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 19-29. – ISSN 0132-1625.

71. Конституция ОАЭ. Цит. по: Хабриева Т.Я. Вступительная статья / Конституции государств Азии. В трех томах. Том 1. Западная Азия. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. – 544 с.
72. Кофнер, Ю.Ю. Теория евразийской интеграции. – Текст : электронный. – URL : <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoj-integratsii-ii/> (дата обращения: 13.06.2022).
73. Кузнецов, Д.И. Евразийский феномен: месторазвитие и системная география / Д.И. Кузнецов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2014. – № 16. – С. 140-144. – ISSN 2073-2929.
74. Кульков, В.М. Пространственный аспект теоретического анализа экономики и его значение для проектирования евразийской интеграции / В.М. Кульков // Философия хозяйства. – 2014. – № 1 (91). – С. 81-93. – ISSN 2073-6118.
75. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – Москва : Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.
76. Курбанов, Р.А. Евразийское право. Теоретические основы : монография / Р.А. Курбанов ; Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 847 с.
77. Лавринова, Н.Н. Категория "месторазвитие" в концепциях русских мыслителей начала XX века / Н.Н. Лавринова // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11 (57). – С. 199-202. – ISSN 1819-8813.
78. Лапин, Н.И. Большие вызовы новой России и развитие инновационных систем ее регионов / Н.И. Лапин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – № 3. Том 3. – С. 8-18. – ISSN 2411-7897.
79. Лапин, Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и её регионов / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2014. – № 8-19. – ISSN 0132-1625.

80. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

81. Леонова, О.Г. Факторы динамики глобальных политических процессов / О.Г. Леонова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – № 9 (119). Том 13. – Текст : электронный. – ISSN 2079-8784. – DOI 10.18254/S207987840023011-1. – URL : <https://history.jes.su/s207987840022774-0-1/DOI10.18254/S207987840023011-1> (дата обращения: 13.06.2022).

82. Линченко, А.А. Переосмысливая холизм: принцип целостности как метафора и метод в философии истории прошлого и настоящего / А.А. Линченко // Человек. Общество. Наука. – 2021. – № 1 (1). – С. 33-42. – ISSN 2686-8172.

83. Лихачёв, Д.С. Отзыв на книгу доктора исторических наук Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» / Д.С. Лихачёв // Звезда. – 2006. – № 11. – ISSN 0321-1878. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – <http://gumilevica.kulichki.net/Tripus/Article10.htm> (дата обращения: 13.06.2022).

84. Мамчун, В. Опережающее правотворчество как форма правотворческого риска / В. Мамчун, М. Баранова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 3 (128). – ISSN 2227-7315.

85. Мареева, С.В. Динамика норм и ценностей россиян / С.В. Мареева // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 121-122. – ISSN 0132-1625.

86. Марсель, Г. Китайская мысль / Г. Марсель // перевод с французского В.Б. Иорданского ; Москва : Республика, 2004. – 526 с. – ISBN 978-5-9265-0539-6.

87. Маяцкий, М. Курорт Европа : эссе / М. Маяцкий ; Москва : Ад Маргинем Пресс, 2009. – 176 с. – ISBN 978-5-91103-043-8.

88. Межуев, Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес» (на примере дальневосточной политики России конца XIX-начала XX века) / Б.В. Межуев // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 1. – С. 26-39. – ISSN 1026-9487.

89. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон ; Москва : Хранитель, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-029089-6.

90. Морев, М.В. Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность / М.В. Морев, В.С. Каминский // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 3 (33). – Текст : электронный. – ISSN 2307-5589. – DOI отсутствует. – URL : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1890> (дата обращения: 13.06.2022).

91. Мякинников, С.П. К проблеме мировоззренческо-методологических оснований построения современной картины мира / С.П. Мякинников // Вестник Омского университета. – 2019. – № 2. Том 24. – С. 127-134. – ISSN 1812-3996.

92. Назмутдинов, Б.В. Эволюция политических взглядов П.П. Сувчинского и евразийство 1920-х годов / Б.В. Назмутдинов // Философские науки. – 2017. – № 11. – С. 108-127. – ISSN 0235-1188.

93. Нижников, С.А. Проблема духовного в западной и восточной культуре и философии : монография / С.А. Нижников. – Москва : НИЦ Инфра-М, 2012. – 168 с. – ISBN 978-5-16-005502-2.

94. Новичков, Н.В. Глобальная экономическая интеграция: социальные системы и институты / Н.В. Новичков, С.С. Серебренников // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2018. – № 1. Том 10. – С. 1-18. – ISSN 2218-9173.

95. Овсянникова, Т.А. Глобализация или глокализация: стратегия развития локальных культур / Т.А. Овсянникова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2018. – № 4. – С. 155-160. – ISSN 2078-1024.

96. Огборн, У.Ф. Из книги «Социальное изменение». Часть IV. Социальные рассогласования / У.Ф. Огборн // Философия науки и техники. – 2022. – № 2. Том 27. – С. 72-84. – ISSN 2413-9084.

97. Олсон, М. Демократия, диктатура и развитие / М. Олсон // Теория и практика демократии : Избранные тексты. – Москва, 2006. – 496 с. – ISBN 978-5-98379-168-8.

98. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет ; Москва : АСТ, 2008. – 348 с. – ISBN 978-5-04-240139-8.

99. Пак, Ч.В. Любовь к народу и самоотвержение / Ч.В. Пак ; Пхеньян : Издательство литературы на иностранных языках, 2019. – 66 с. – ISBN отсутствует.

100. Парсонс, Т. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Т. Парсонс ; Москва : Прогресс, 1972. – 392 с. – ISBN отсутствует.

101. Парсонс, Т. О структуре социального действия. Издание 2-е / Т. Парсонс ; Москва : Академический проект, 2002. – 880 с. – ISBN отсутствует.

102. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс // Центр гуманитарных технологий ; перевод на русский язык Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – Москва, 1998. – Текст : электронный. – URL : <https://gtmarket.ru/library/basis/5395> (дата обращения: 13.06.2022).

103. Перепелкин, Л.С. Цивилизация, империя и региональная интеграция: диалектика понятий / Л.С. Перепелкин // Вопросы социальной теории : Научный альманах. Том XI. Пути цивилизационного развития. Перспективы для России. – Москва : Издательство Независимого института гражданского общества, 2019. – 180 с.

104. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека / Дж. Пико делла Мирандола // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и томах. Том 1. – Москва : Академия Художеств СССР, 1962. – С. 506-514. – ISBN отсутствует.

105. По результатам инициативных репрезентативных общероссийских опросов населения. Март. 2020. // Структура и воспроизводство памяти о советском союзе. – Текст : электронный. – URL : <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 13.06.2022).

106. Померанц, Г.С. Россия на перекрестке культур / Г.С. Померанц // Выход из транса. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 592 с. – ISBN 978-5-98712-867-1.

107. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Том 2. / К. Поппер ; Москва : Феникс, 1992. – ISBN ISBN 5-85042-063-0.

108. Поппер, К. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Поппер ; Москва : Издательство АСТ, 2004. – 638 с. – ISBN 978-5-17-012641-5.

109. Предисловие / Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. – Текст : электронный. – URL : <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-pred> (дата обращения: 13.06.2022).

110. Пржиленский, В.И. Гуманизм, гуманитарные ценности и поиски оснований современной биоэтики / В.И. Пржиленский // Философские науки. – 2018. – № 11. – С. 7-27. – ISSN 0235-1188.

111. Пржиленский, В.И. Управление архаизацией: между этикой, телеологией и технологией / В.И. Пржиленский // Философские науки. – 2012. – № 5. – С. 9-19. – ISSN 0235-1188.

112. Пуанкаре, А. О науке / А. Пуанкаре ; Москва : Наука, 1990. – 736 с. – ISBN 5-02-014328-6.

113. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939 / М. Раев ; Москва, 1994. – 296 с. – ISBN 5-85864-007-9.

114. Рассадина, Т.А. Социокультурные аспекты социальной конкуренции (молодежный сегмент) / Т.А. Рассадина // Социально-

гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С. 71-79. – ISSN 0869-8120.

115. Резник, Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения / Ю.М. Резник // Социологические исследования. – 1994. – № 2. – С. 87-96. – ISSN 0132-1625.

116. Рекеда, С.В. Евразийская интеграция: целеполагание в условиях геополитического шторма / С.В. Рекеда. – Текст : электронный. – URL : <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-tselepolaganie-v-usloviya/> (дата обращения: 13.06.2022).

117. Рождественская, С. Парадигма «больших вызовов» в системе стратегического планирования научно-технологического развития / С. Рождественская, В. Ключков // Россия и современный мир. – 2017. – № 12-3. – С. 389-394. – ISSN 1726-5223.

118. Росту, У. Стадии экономического роста / У. Росту ; Нью-Йорк : Издание Фредерик А. Прегер, 1961. – 242 с. – ISBN отсутствует.

119. Рыбаков, Б. О преодолении самообмана. По поводу книги Л.Н. Гумилёва «Поиски вымышленного царства» / Б. Рыбаков ; Москва, 1970. – 432 стр. – Текст : электронный. – URL : https://scepsis.net/library/id_69.html (дата обращения: 13.06.2022).

120. Савицкий, П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) / П.Н. Савицкий // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. – Текст : электронный. – URL : <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-PNS-ocean> (дата обращения: 13.06.2022).

121. Сайфуллин, Р.Г. Концепция Л.Н. Гумилева и политическая динамика / Р.Г. Сайфуллин // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 10. – ISSN 2077-1770. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL : <file:///C:/Users/vladp/Downloads/kontsepsiya-l-n-gumileva-i-politicheskaya-dinamika.pdf>. – DOI отсутствует (дата обращения: 13.06.2022).

122. Семенов, А.В. Формирование российской модели социально-экономического развития (вопросы теории) / Александр Вячеславович Семенов ; диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. 08.00.01. – Москва, 2002. – 399 с.

123. Семенова, С.Г. Русский космизм: вступительная статья / С.Г. Семенова / Русский космизм: Антология философской мысли. – Москва : Педагогика-пресс, 1993. – С. 3-4.

124. Синь, Л. «Новый регионализм»: конфликт и координация с многосторонней торговой системой Л. Синь. – Текст : электронный. – URL : <http://www.chinaacc.com/new/287/296/2008/7/hu9213052551127800223> (дата обращения: 13.06.2022).

125. Смирнов, А.В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое / А.В. Смирнов ; Москва : Издательский Дом ЯСК, 2019. – 216 с. – ISBN 978-5-907041-24-0.

126. Соловьев, В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) / В.С. Соловьев // Сочинение в 2 томах. – Москва : Мысль, 1990. – 383 с. – ISBN 978-5-905919-01-5.

127. Стоунквист, Э.В. Маргинальный человек. Чикагская социология : сборник переводов / Э.В. Стоунквист ; Москва : ИНИОН РАН. Отдел социологии и социальной психологии Центра социальных научно-информационных исследований, 2015. – С. 265-300.

128. Сувчинский, П.П. Сила слабых / П.П. Сувчинский / Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. – Текст : электронный. – URL : <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-pred> (дата обращения: 13.06.2022).

129. Тойнби, А. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / А. Тойнби. – Москва : АСТ, 2009. – 670 с. – ISBN 978-5-271-41656-9.

130. Тойнби. А. Постижение истории / А. Тойнби ; Москва : Академический проект, 2021. – 800 с. – ISBN 978-5-8291-4126-4.

131. Толстых, В.Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза / В.Л. Толстых // Международное правосудие. – 2018. – № 3 (27). – С. 66-76. – ISSN 2226-2059.

132. Третьяков, В. Наука быть Россией: наши национальные интересы и пути их реализации / В. Третьяков ; Москва : Русский мир, 2007. – 768 с. – ISBN 978-5-89577-109-9.

133. Трубецкой, Н.С. Наш ответ: евразийство и белое движение / Н.С. Трубецкой // Наследие Чингисхана. – Москва : Аграф, 1999. – ISBN 978-5-16-010258-0.

134. Трубецкой, Н.С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) / Н.С. Трубецкой // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. – Текст : электронный. – URL : <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-pred> (дата обращения: 13.06.2022).

135. Трубецкой, Н.С. Европа и Человечество / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык. – Москва : Прогресс, 1995. – 113 с. – ISBN 978-5-4499-2004-1.

136. Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой / Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – Москва : Наука, 1993. – С. 92-106. – ISBN 978-5-7784-0076-2.

137. Утинова, С.С. Евразийская интеграция: вызовы и новые подходы / С.С. Утинова // Финансовые рынки и банки. – 2022. – № 6. – С. 49-55. – ISSN 2658-3917.

138. Федоров, Н.Ф. Собрание сочинений : в 4-х томах. Том III / Н.Ф. Федоров ; Москва : «Традиция», 1997. – 400 с. – ISBN 5-89493-003-0.

139. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова ; Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 544 с. – ISBN 5-89826-247-4.

140. Фесенкова, Л.В. Ноосферное будущее человечества: научное предвидение или квазинаучный миф? / Л.В. Фесенкова // Человек. – 2019. –

№ 1. Том 30. – С. 66-74. – ISSN 0236-2007.

141. Фесенкова, Л.В. Утопизм в современных представлениях о мире: концепция ноосферы / Л.В. Фесенкова // Культурное наследие России. – 2018. – № 4. – С. 9-14. – ISSN 2308-2062.

142. Философия культуры. Становление и развитие // под редакцией М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского [и др.]. – Санкт-Петербург : Лань, 1998. – 443 с. – ISBN 5-288-01341-1.

143. Флоровский, Г.В. Евразийский соблазн / Г.В. Флоровский // Современные записки. – 1928. – № 34. – С. 312–346. – ISSN отсутствует.

144. Флоровский, Г.В. О народах не-исторических (Страна отцов и страна детей) / Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. – Текст : электронный. – URL : <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-pred> (дата обращения: 13.06.2022).

145. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; перевод с английского Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова. – Москва : АСТ, 2004. – 635 с. – ISBN 978-5-17-103239-5.

146. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; Москва : АСТ, 2015. – 259 с. – ISBN 978-5-17-089637-0.

147. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 380 с. – ISBN 5-02-026926-3.

148. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас ; Москва : Праксис, 2005. – 368 с. – ISBN 5901574435.

149. Хабриева, Т.Я. Вступительная статья / Т.Я. Хабриева // Конституции государств Азии. В трех томах. Том 1. Западная Азия ; Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – С. 14-15.

150. Хантингтон, С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / С. Хантингтон ; Москва : Алгоритм, 2016. – 288 с. – ISBN 978-5-906817-86-0.

151. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; Москва : АСТ, 2003. – 603 с. – ISBN 978-5-17-096332-4.

152. Харичев, А.Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А.Д. Харичев, А.Ю. Шутов, А.В. Полосин [и др.] // Журнал политических исследований. – 2022. – № 3. Том 6. – С. 9-19. – ISSN 2587-6295.

153. Хомяков, А.С. «Семирамида»: Исследование истины исторических идей / А.С. Хомяков // Сочинение в 2-х томах. Том I. – Москва : Медиум, 1994. – 590 с. – ISBN 978-5-521-29299-8.

154. Хоркхаймер, М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 96 с. – ISBN 978-5-908105-59-0

155. Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1 / П.Я. Чаадаев ; Москва : Наука, 1991. – 801 с. – ISBN 5-02-008075-6.

156. Широкогоров, С.М. Избранные работы и материалы. Книга 1 / С.М. Широкогоров ; Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2001. – Текст : электронный. – URL : http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/ethnos/glava_02 (дата обращения: 13.06.2022).

157. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер ; Москва : Экономика, 1995. – ISBN 5-282-01415-7.

158. Щитова, Н.А. Адаптация и интеграция мигрантов на юге России (на примере Ставропольского края) / Н.А. Щитова, В.С. Белозёров, П.М. Полян [и др.] // ИнтерКарто. ИнтерГИС. – 2020. – № 1. Том 26. – С. 181-189. – ISSN 2414-9179.

159. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования (в 2 томах) / Н. Элиас ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 382 с. – ISBN 978-5-94865-277-1.

160. Элиас, Н. Общество индивидов / Н. Элиас ; Москва : Праксис, 2001. – 336 с. – ISBN 5-901574-01-X.

161. Ющенко, В. Чия мова — того й влада / В. Ющенко ; Текст : электронный. – URL : <https://day.kyiv.ua/uk/article/panorama-dnya/chiya-mova-togo-y-vlada> (дата обращения: 13.06.2022).

162. Якуб, А.В. Концепция "контактной зоны" и "норманнский вопрос" в отечественной историографии второй половины XX – начала XXI вв. / А.В. Якуб // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 652. – ISSN 2070-7428.

163. Ясин, Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей / Е.Г. Ясин // Вопросы экономики. – 2003. – № 4. – С. 4-36. – ISSN 0042-8736.

164. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; Москва : Издательство политической литературы, 1991. – 527 с. – ISBN 5-250-01357-0.

165. Ясперс, К. Философия. Книга первая. / К. Ясперс // Философское ориентирование в мире ; перевод с немецкого А.К. Судакова. – Москва : Канон+, 2012. – 384 с. – ISBN 978-5-88373-274-3.

166. Яхъяев, М.Я. Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления / М.Я. Яхъяев. – Текст : электронный. – URL : <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/item/187-istoki-i-prichiny-ekstremizma> (дата обращения: 13.06.2022).

167. Aly, A. Countering violent extremism: social harmony, community resilience and the potential counter-narrative in the Australian context / A. Aly // Counter-Radicalisation: Critical Perspectives. – New York : Routledge, 2015. – 18 p. – ISBN 978-1-138-23663-9.

168. Berger, P.L. Facing Up To Modernity. Excursions in Society, Politics, and Religion / P.L. Berger ; New York : Basic Books, 1977. – 233 p. – ISBN 0465022707.

169. Gabriel, B.G. Le (dé)goût d'un printemps : la construction sociale de la violence et de l'extrémisme politique lors du conflit étudiant Québécois /

B.G. Gabriel // Cultures & Conflits. – 2012. – № 87. – P. 160-166. – ISSN 1157-996X.

170. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice // Editors : M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. – London : Pluto Press, 2005. – 336 p. – ISBN 9780745322629.

171. Myrdal, G. An American Dilemma. The Negro Problem and Modern Democracy / G. Myrdal ; New York : Harper y Brothers Publishers, 1944. – 1221 p. – ISBN 978-1138518834.

172. Park, R.E. Introduction to the Science of Sociology / R.E. Park, E.W. Burgess ; Chicago : The University of Chicago Press, 1921. – 1059 p. – Electronic resource. – URL : https://www.gutenberg.org/cache/epub/28496/pg28496-images.html#Page_24.

173. Patrick, C.-B. Material Designs: Engineering Cultures and Engineering States – Ireland 1650-1900 / C.-B. Patrick // Theory and Society. – 2002. – № 3. Volume 31. – P. 75-114. – ISSN 0304-2421.

174. Pedersen, T. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration / T. Pedersen // Review of International Studies. – 2002. – № 28. – P. 677-696. – ISSN 0260-2105.

175. Przhilenskiy, V. Which Way is the Russian Double-headed Eagle Looking? / V. Przhilenskiy, M. Zakharova // Russian Law Journal. – 2016. – № 2. Volume 4. – P. 6-25. – ISSN 2312-3605.

176. Robertson, R. Globalization. Social Theory and Global Culture / R. Robertson ; London : Sage Publications, 1992. – 224 p. – ISBN 9781446235881.

Публикации автора:

177. Лозинский, Н.Н. Социально-философская экспликация понятия евразийской интеграции / Н.Н. Лозинский // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 3 (202). – С. 556-558. – ISSN 2073-4506.

178. Лозинский, Н.Н. Смысловые ценности и социальные технологии евразийской интеграции / Н.Н. Лозинский // Евразийский юридический

журнал. – 2025. – № 4 (203). – С. 533-537. – ISSN 2073-4506.

179. Лозинский, Н.Н. Управление социальными процессами в условиях евразийской интеграции / Н.Н. Лозинский // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 11 (210). – С. 559-562. – ISSN 2073-4506.

180. Лозинский, Н.Н. Евразийская интеграция в контексте социально-философской рефлексии / Н.Н. Лозинский // Социология – 2026. – № 2. – С. 248-253. – ISSN 1812-9226.

181. Лозинский, Н.Н. Технологии евразийской интеграции: ценности, смыслы / Н.Н. Лозинский // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : сборник статей 15-й Международной научно-практической конференции. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 459-465. – 602 с. – ISBN 978-5-00261-638-1.

182. Лозинский, Н.Н. Концептуальные принципы евразийской интеграции / Н.Н. Лозинский // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика : сборник статей 15-й Международной научно-практической конференции : в 3 томах. Том 3. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 57-63. – 265 с. – ISBN 978-5-00261-655-8.

183. Лозинский, Н.Н. Причины евразийства: мотивационный аспект / Н.Н. Лозинский // Наука молодых – будущее России : сборник научных статей по Материалам 10-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых ; под редакцией А.А. Горохова : в 6 томах. Том 3. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 103-107. – 425 с. – ISBN 978-5-00261-703-6.